## Annotation

От укуса змеи погибает владелец крупного австралийского поместья – Филипп Кенинг. Поначалу это выглядело как нелепый несчастный случай. Но постепенно становится ясно, что причины желать смерти Филиппа были у всех членов семьи. Ситуация еще больше обострилась, когда выяснилось, что по завещанию единственный наследник Кенингов – никому не известный сын Филиппа от первого брака. Исход семейной драмы не предвещал ничего хорошего… но что было бы с миром, если бы в нем не торжествовала любовь! Розалин Майлз – автор бестселлера «Возвращение в Эдем». Ее романы – увлекательное чтение для женщин всех возрастов: любовь и ненависть, верность и измена, неожиданные повороты сюжета и счастливый финал.

---


- Розалин Майлз
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18
  - 19
  - 20
  - 21
  - 22

    - 23
    - 24
    - 25
    - 26
    - 27
    - 28
    - 29
    - 30
    - 31
    - 32
    - 33
    - 34
    - 35
- notes
    - 1

# Розалин Майлз
# В порыве страсти

Алексу, в каких бы далях ни блуждал его дух.

# 1

Занимался новый день, ясный и солнечный, как всегда. А Элен в который уже раз повторяла про себя: «Я больше так не могу».

Она горько улыбнулась. Интересно, много ли на свете женщин, живущих среди такой красоты, но не знающих счастья? И много ли женщин повторяют про себя: «Я больше так не могу», но продолжают жить как жили, день за днем, год за годом?

Старый дом, казалось, притаился и ждал чего-то. Длинный, прохладный коридор вывел ее на широкую открытую веранду. Вокруг простиралась пустыня, она тянулась на многие километры, до самого сердца Австралии, до мертвого красного сердца, похороненного где-то там, среди пустошей, много веков назад. Полмиллиона лет выжигало солнце этот затерянный континент, а земля все так же лежала под его палящими лучами, непознанная, неприветливая, полная скрытой мощи, отказывая своим перепуганным обитателям в самом необходимом.

«Как Филипп, – подумала она, – отказывает мне в самом необходимом!»

На дороге, за надворными постройками, произошло какое-то движение. На земле, в пестрой тени серебристых эвкалиптов, сидели аборигены. Теперь они встали и двинулись вперед, взгляды их были устремлены за горизонт.

Каким-то непостижимым образом они всегда знали, когда ожидать возвращения пастухов. Впрочем, они знали все. Их предупреждали духи, они нашептывали свои предсказания тем, кому хватало мудрости их услышать. Они всегда знали, как прошел перегон скота и кто из мужчин вернется, а кто – нет. Непонятная тоска терзала ей душу, наполняя сердце тревогой и печалью. Ибо подобно миллионам и миллионам других женщин во все времена, Элен не знала, что делать, если муж вернется, и не знала, что делать, если муж не вернется.

– Миссис Кёниг?

Это была Роза, домоправительница, маленькая худая женщина, выросшая на ферме и с незапамятных времен распоряжавшаяся в доме; она подошла так тихо, что Элен не расслышала ее шагов. Никто не знал ее настоящего имени: оно было предано забвению в тот самый день, когда Филипп назвал ее Розой, в тот самый день, когда он увел ее, совсем еще юную девушку, из племени и сделал домоправительницей. И было это в те

дни, когда сам Филипп был молод – первый неженатый хозяин Кёнигсхауса почти за два столетия существования фермы.

Впрочем, такой ли уж неженатый? Ходили слухи, что все те годы, пока Филипп не привез из Америки очаровательную невесту, Роза утоляла его голод, и не только за столом. «Роза была здесь, она знала Труди, она должна ее помнить, – в сотый раз подумала Элен. – Она видела, как мы сменяем друг друга. Ведь ты была первой женой, правда, Роза?»

Казалось, взгляд горящих черных глаз, остановившийся на лице Элен, начисто отмел этот вопрос. Элен с трудом подавила вздох. Она догадывалась, что ее ждет.

– Ну, Роза?

– Мужчинам нужен хороший обед, миз Кёниг. – Седая голова домоправительницы покачивалась в такт словам. – А не эти новомодные штучки, как в ресторане.

Элен с самого начала знала, что Роза не потерпит даже малейшего изменения ритуала.

– Хороший обед по случаю их возвращения? Как обычно? – Она вздохнула.

Роза кивнула.

– Они столько недель не были дома, грузили скот на машины. Они хотят, чтобы дома их ждал хороший обед, как всегда.

Наступила тишина. Роза заметила, как поникло вдруг все еще упругое тело хозяйки, не укрылась от ее глаз и безвольно опущенная голова. И поняла, что победила.

– Поступай, как хочешь. – Элен устало махнула рукой. И зачем что-то менять? Филипп не потерпит новшеств, вот уже сорок лет, как порядок установлен раз и навсегда – с тех самых пор, как он впервые перегнал скот и стал королем в своем королевстве. Да и Джон не захочет перемен, она тоже хорошо это знала. Он обожал своего отца, гордился тем, что пошел в него. Джону и в голову не придет усомниться в правильности его решений.

«Но ведь он и мой сын! – с горечью подумала Элен. Вполне естественно, что в период возмужания Джон все больше сближался с Филиппом, стремился во всем походить на него – ведь наступит время, и сыну придется занять место отца. – Но почему он так отдаляется от меня? Неужели он ничуть не похож на меня? Неужели в нем не осталось ничего моего? Или это я отдаляюсь от него так же, как отдаляюсь от его отца, меняясь буквально на глазах?»

Следовало взять себя в руки. Роза все еще находилась здесь, все так же внимательно наблюдала за ней. Элен попыталась улыбнуться.

– Роза, у тебя любое блюдо бесподобно, приготовь, что хочешь. – Она тепло дотронулась до морщинистой, натруженной руки. – Лишь бы всего было вдоволь, как любит мистер Филипп. Сделай что-нибудь особенное, и все будут счастливы.

Роза сердито покачала головой.

– Если бы еще эта девка Элли взялась за ум! Сегодня она чуть не к обеду заявилась, и виноват, как всегда, ее пьяница муж. Но она и сама может опоздать, уж будьте спокойны! С каждым днем становится все хуже и хуже.

Элен лишь сочувственно посмотрела на домоправительницу. Обе женщины прекрасно знали, что какой бы надутой, ленивой и неряшливой ни была Розина помощница, ей ничего не угрожало. Только Филипп мог нанимать и увольнять слуг, а Элли хватало ума оставаться у него на хорошем счету. Кроме того, она была уж очень соблазнительной, даже женщины это чувствовали – ленивый, зовущий взгляд, чуть приоткрытый рот, стройное тело девочки и дерзко выпирающая полная грудь умудренной опытом женщины. А Филиппу всегда нужно, чтобы рядом были женщины, которые будили бы в нем мужчину.

Наверно, когда-то и Роза была такой, но время не пощадило ее. Она состарилась раньше времени, и теперь ее единственным утешением был глоточек-другой пива или шерри да еще замусоленная колода карт – по вечерам она любила колдовать над ними.

– Мистер Филипп не любит перемен, а Элли с детских лет помогает по дому… – вот все, на что отважилась Элен.

Роза хрипло рассмеялась.

– Это называется помогать? Она стала отираться здесь еще до рождения Джона, да так и прижилась. Она старше, чем кажется. Она появилась еще при Алексе. Еще тогда…

– Спасибо, Рози. – Элен любила Розу, но большего она вынести не могла.

Домоправительница кивнула и удалилась прочь. Интересно, подумала Элен, глядя ей вслед, легче ли аборигенам от того, что они так связаны с прошлым, что мертвые для них – такая же реальность, как и живые? Ведь духи их предков и те, кто еще не родился, имеют свое имя, свое лицо, для всех находится место в их сердцах. Или же им значительно тяжелее, потому что прошлое для них не умирает и ошибки и печали прошлых лет преследуют живых до тех пор, пока они сами не умрут?

Мужчины под деревьями теперь собрались в кружок и пристально всматривались в знойное марево. Элен знала, что они чувствуют

приближение пастухов, хотя те пока далеко. А еще они чувствуют Филиппа, в этом можно не сомневаться – Кёнигсхаус да и вся эта выжженная солнцем земля прочно связывалась в их представлении с Филиппом, с его неукротимым духом.

Впрочем, не только с Филиппом. Поколение за поколением ковали Кёниги в здешних бескрайних просторах свое будущее состояние; нужно было обладать поистине несгибаемой волей, чтобы буквально на пустом месте создать самую большую во всей Северной Территории скотоводческую ферму. И не зря она называлась Королевством – так окрестили ее местные жители, когда узнали, что слово «кёниг» по-немецки означает «король». Прапрадед Филиппа построил церковь, в которой крестили их детей, прадед – школу, в которой они изучали язык белых людей и их обычаи. До скончания своих дней они будут чувствовать Филиппа, его несгибаемую волю, видеть его крупное, крепко сбитое тело, его грубые руки и надменно поднятую голову, слышать его громкий голос, отдающий приказы, заставляющий повиноваться.

Элен стало зябко, хотя косые лучи утреннего солнца ласкали ее загорелые плечи. Она знала, Джона они тоже чувствуют, но по-другому. У открытого, прямодушного Джона не было на свете ни единого врага. Для большинства мужчин он все еще оставался «сыном Филиппа», достаточно взрослым, чтобы справиться с перегоном скота, когда Филипп в отъезде, и в то же время способным по-детски шутить с пастухами, когда долгий путь оставался позади.

Женская половина населения Территории, особенно юные девушки, смотрели на хорошо сложенного, сильного юношу, прирожденного наездника совсем другими глазами. Они видели мягкость, присущую его мечтательной натуре, и чувствительность, о которой даже не подозревали те, кто замечал лишь его тело, как у взрослого мужчины, припорошенные пылью светлые волосы, спокойные голубые глаза и радостную улыбку.

Аборигенов привлекала в Джоне именно мягкость, а никак не упорство, унаследованное им от отца. И потом Джон был первым Кёнигом, учившимся в школе в поселке аборигенов вместе с остальными детьми с фермы; и теперь с теми, кто работал с ним бок о бок, его связывали узы дружбы, окрепшие за долгие годы бесконечного австралийского лета. Да, они чувствовали Джона. Они чувствовали его всем сердцем.

И ее, Элен, они тоже чувствовали. Она ведь тоже родилась на этой земле, обыкновенная девушка, трудившаяся на соседней ферме, чтобы заработать себе па жизнь, пока Филипп Кёниг не решил взять ее, молодую и застенчивую, восемнадцати лет от роду, себе в жены. И вот уже двадцать

пять лет она живет здесь и верой и правдой служит Филиппу и Кёнигсхаусу.

Любой женщине пришлось бы посвятить этому всю жизнь, напомнила себе Элен то ли с неудовольствием, то ли с сожалением. Зеленый оазис среди пустыни был не просто поместьем, это был небольшой поселок. Кроме просторного старого дома в колониальном стиле, где поколение за поколением рождались, боролись и умирали Кёниги, на ферме были еще дома скотоводов и аборигенов, здание конторы, из которой Филипп управлял филиалами своей фирмы, конюшни с его знаменитыми племенными скакунами, обладателями многих призов, и, конечно же, каменная часовня; первый из Кёнигов, ревностный лютеранин, воздвиг ее, как только построил для себя дом с земляной крышей.

Конечно, он строил дом не только для себя. Старый Иоганн был страстно предан своей несгибаемой русоволосой жене-немке и семи маленьким ангелочкам Кёнигам, проделавшим с ним путешествие из Старого Света. Не прошло и года, как шестеро из них навечно успокоились в этой тихой земле – слишком далеко от дома, и только седьмой выжил, доказав таким образом, что пот и кровь были пролиты не зря. Этот последний сын Иоганна Кёнига преуспел в жизни, как впоследствии и его собственный сын. Потом на свет появился Филипп, а за ним Джон.

«Джон. Мой единственный сын. Странно», – подумала Элен. Кёниги, такие неутомимые в постели, не отличались плодовитостью. Но и нужен-то был всего один ребенок. Один сын, чтобы все ему передать. Один наследник, один правитель. Один король в королевстве, один Кёниг в Кёнигсхаусе. Только это и было нужно.

И она сделала это, она дала им Джона, настоящего, до кончика ногтей, Кёнига, а еще она дала ему волосы цвета солнца и большие, доверчивые голубые глаза. И когда придет его время, он будет хорошим хозяином этой земли. Вот в чем заключалась ее работа. Так что она с полным правом могла сказать, что заслужила свое место в их «снах», как аборигены называли свое представление о мире.

Неужели им все еще снится ее соперница, после стольких-то лет? Труди и ее сын, единственный сын, как и Джон? Или только вторая жена обречена вечно помнить о своей предшественнице, обречена напрасно вопрошать Господа, почему он не дал и ей такое стройное тело и белоснежную, как у Мадонны, кожу, волосы цвета воронова крыла, какие увидишь только на картинке, и алые, будто сама кровь, губы, а еще длинные изящные руки; вопрошать, почему она лишена этой томной уверенности в себе, – словом, всего того, что она увидела на портрете жены

Филиппа в тот раз, когда впервые переступила порог дома, на портрете, что потом бесследно исчез…

Хватит! Элен обхватила себя руками, пытаясь унять дрожь.

Что случилось? – мысленно одернула она себя. Возьми себя в руки! Через несколько часов вернутся Филипп, Джон и пастухи, они уверены, что их ждет царский прием, с минуты на минуту прибудет вертолет из Сиднея, а с ним вагон новых неприятностей, а она стоит тут и ловит мух!

Одинокая сорока описывала в небе широкие круги, ее крики напоминали плач брошенного ребенка. Элен пригладила рукой волосы – светлые, густые, они доходили ей до плеч – и попыталась собраться с мыслями. «Возьми себя в руки, – повторила она. – Приди в себя, начинай шевелиться!»

Жара усиливалась, а ей было холодно, ее била дрожь. Приглушенный расстояниями свист лопастей возвестил о приближении вертолета. Вот уже его хищная тень со зловещим грохотом пронеслась над беспорядочно раскиданными зданиями старинной фермы, а маленькая фигурка все так же стояла на веранде, не в силах сдвинуться с места.

# 2

Сонные желто-коричневые коровы встрепенулись – вечерний ветерок донес до них запах дома. Стада находились уже в восьми километрах от Кёнигсхауса. Одинокий всадник, возглавлявший бесконечную колонну, привстал в стременах.

– Эй, кто быстрее доскачет домой! – прокричал он и бросился вперед. – Догоняй!

Отец как ребенок, радостно подумал Джон, пришпоривая свою лошадь в безнадежной попытке догнать летящего впереди всадника. Сейчас он прокричит: «Кто проиграет, тот баба и тряпка!» Джон усмехнулся. Господи, сколько же лет он пасет скот на этой земле? Наверно, все шестьдесят, что живет на ней!

И ведь по-прежнему такой же ловкий, сильный, все так же хорошо держится в седле, управляется с лассо и с раскаленным клеймом и все так же не спешит сдавать позиции. В его возрасте я буду не хуже, подумал Джон. А пока что не дам этому старому черту выиграть скачку!

И он с радостным криком бросился в погоню. Вокруг, куда ни посмотри, расстилались бескрайние австралийские степи, красная раскаленная земля смыкалась с выжженным небом, образуя бесконечную линию горизонта. День клонился к вечеру, жара спала. Заходящее солнце расцветило степь всеми оттенками синего и фиолетового. Еще немного, и наступит тропическая ночь. В этот предвечерний час и животные, и люди неутомимо стремились к дому.

– Шевелись! Давай, мальчик, давай! – Кто бы мог подумать, что этот всадник, слившийся воедино со своим белым жеребцом и нещадно его погонявший, прожил на земле столько лет! Господи, как он держится в седле! Джон невольно позавидовал отцу. И Кайзер, этот сумасбродный жеребец, в лепешку разобьется ради своего хозяина. «Но мы им покажем, Батч, еще как покажем!» – Юноша наклонился вперед и схватил за уши своего и без того взмыленного коня.

Лошадь прибавила ходу, резко бросившись вперед. Ферма была уже совсем близко. Среди серо-зеленой листвы эвкалиптов и зарослей лебеды, под темным покровом кипарисов, кедров и рододендронов виднелась красная двухъярусная крыша, богатством украшений не уступавшая китайской пагоде; она спускалась к открытой веранде, огороженной кованой металлической решеткой и окаймлявшей дом со всех четырех

сторон. В ее спасительной тени скрывались широкие подъемные окна, доходившие до самого пола, и застекленные створчатые двери, за которыми виднелись, хоть и с низким потолком, просторные, с любовью обставленные комнаты; каждое поколение Кёнигов покупало самую лучшую мебель, какую только могло себе позволить. Это был дом, где люди жили, любили и умирали. Джон вырос в нем и любил его всем сердцем.

Но он любил и тот мир, что раскинулся вокруг поместья, небольшого клочка зелени, с таким трудом отвоеванного у дикой пустоши. Там, в пустоши, а не на ферме, было его настоящее королевство. На тысячи километров вокруг расстилался марсианский пейзаж, то был мир красной земли, выжженной растительности и опалово-коричневого неба. Только на этих бескрайних просторах и могла быть свободна человеческая душа. Джон знал, что ни за что не уедет отсюда и нигде больше не сможет прижиться.

– Ты топчешься на месте!

Расстояние между всадниками сокращалось.

– А ты уверен? – прокричал Джон в ответ. Увидев конюшни, жеребец Филиппа сбавил шаг.

Лошади завернули во двор голова в голову, оба всадника одновременно натянули поводья, направляясь к веранде, но в самый последний момент лошадь Джона вырвалась вперед.

– Я выиграл! – закричал он.

– Еще нет!

С быстротой двадцатилетнего юноши Филипп перебросил ногу через голову коня, спрыгнул на землю и коснулся рукой ближайшего столбика веранды. Джон собирался сделать то же самое, но сильный толчок ладонью, как в регби, послал его на землю. Филипп торжествующе улыбнулся и подошел к растянувшемуся во весь рост сыну.

– Я побил тебя, мой мальчик!

Джон ответил не сразу, его душил смех:

– Это нечестно!

– Я выиграл, не так ли? О честности в правилах ничего не сказано.

– Это нечестно!

Ответом Джону послужил еще один свирепый толчок, после которого он снова растянулся на земле.

– Что-то ты нетвердо держишься на ногах, мой мальчик, но ты меня слегка прижал, нужно отдать тебе должное.

Элен стояла у кухонного окна и со страхом в сердце следила за игрой отца и сына. Он выиграл. Это для него главное. Даже собственного сына

ему нужно победить. Но если главное – победить, каково приходится остальным?

Ей хотелось обнять – нет, не мужа, сына. Господи, какой он красивый! И какой доверчивый, его так легко обидеть.

Но Филипп любит Джона и всегда любил. Почему же ее мучает страх, что он может что-то сделать с их сыном? Глупости все это. Хватит!

Элен заставила себя улыбнуться, откинула закрывавшую дверной проем сетку и окунулась в пыльную жару.

– С возвращением! – с напускной веселостью произнесла она, протягивая руки. – Как дела? Перегон прошел нормально?

Филипп легко взбежал по ступеням и заключил жену в медвежьи объятия.

– Замечательно! – громко объявил он. – С каждым разом все лучше и лучше. Как… – Он грубо рассмеялся и с усмешкой повторил, ожидая ее ответа: – Как…

Как секс, вот что Филипп имел в виду. Господи, только бы он не сказал это вслух, ведь рядом Джон, взмолилась Элен. Злобные искорки промелькнули в его глазах: он понял, чего она боится. Он снова обнял ее, прижал к себе. После стольких недель, проведенных в седле, от его жаркого тела исходил такой сильный мужской запах, что ей чуть не стало дурно.

Почувствовав, что она хочет отстраниться, Филипп прижал ее еще сильнее.

– Что скажешь, Эн, как – как что? Ну же! – забавлялся он, глядя ей в глаза.

– Ох… Я не знаю, Филипп…

Джон неловко переминался с ноги на ногу. Если бы отец перестал ее дразнить! Неужели он не знает, что есть вещи, над которыми лучше не шутить?

Но Филипп был неумолим.

– Не знаешь? – гремел он. – Как жизнь, вот что я имел в виду! А ты что подумала? – Он снова оглушительно рассмеялся, наслаждаясь замешательством Элен. – А вы с Рози приготовили нам хороший обед? Ведь у нас будут гости.

– Гости? – удивленно переспросил Джон. Волчья ухмылка исказила лицо Филиппа.

– Да, – небрежно ответил он. – Из Сиднея должен приехать твой дядя Чарльз, разве я тебе не сказал? И старый Бен из городской конторы. Когда я понял, что мы сегодня вернемся, я послал за ними вертолет. – Он

помолчал. – Предстоит разговор. Интересный разговор. Очень интересный разговор, – со значением произнес он, обращаясь к Джону. – Вот увидишь.

Зачем он это делает? – устало подумала Элен. Было время, когда ее завораживало, даже возбуждало то постоянное состояние неизвестности, в котором она пребывала по милости Филиппа, его неожиданные, на первый взгляд, решения, оказывавшиеся на деле результатом глубоко продуманных планов.

А теперь она видела, как Джон пытается скрыть свое удивление.

– Чарльз приедет? И Бен?

Сын покачал головой. Неужели нельзя было сообщить ему заранее? Он явно чувствовал себя не в своей тарелке, был озадачен, даже обижен тем, что долгожданный приезд домой оказался совсем не таким простым и приятным, как он ожидал.

Видимо, должно произойти что-то важное. С другой стороны, этот небрежный тон… Сердце Элен сжалось от боли. Джон мечтал о возвращении домой. И вот теперь его беззаботной радости как не бывало, казалось, он повзрослел лет на пять. «Ну зачем это нужно Филиппу?» – кричало ее сердце.

Филипп бросил на жену ястребиный взгляд. Наверно, он читает мои мысли, в который уже раз подумала Элен.

– Они еще не связывались с нами по радио?

– Радио им ни к чему. Они уже здесь, прибыли час назад. – Она перевела дух. – У нас еще один гость, вернее, гостья. Бен привез с собой Джину. У нее только что закончились занятия в колледже, и Бен хотел, чтобы она провела выходные за городом. Он специально позвонил, чтобы спросить разрешения. Я так долго ее не видела, что, не дослушав, сказала «да».

– Замечательно. Чем больше народу, тем лучше! Пусть все приходят! – Филипп потер руки. – Так, мальчик мой! – он ткнул Джона в плечо. – Раз ты проиграл, тебе распрягать лошадей. Проследи, чтобы все было готово к завтрашнему последнему перегону. Я пойду приму душ. Когда управишься, приходи.

Филипп тяжело протопал по веранде и скрылся в доме. Мать с сыном молча смотрели друг на друга.

– На самом деле ты выиграл, Джон, – тихо сказала Элен. – Он жульничал. Ему нужно было победить любой ценой.

– Да, – Джон неловко пожал плечами. – Ты же знаешь, он просто дурачится. Незачем принимать это так близко к сердцу.

Она поняла, что сын хотел ей сказать, и уже казнила себя за то, что

вообще открыла рот. Он снова замкнулся, на этот раз уже по ее вине. Если ты разлюбила мужа, скорбно подумала Элен, это не значит, что его разлюбили все. Филипп не изменился. Он не перестал быть отцом, и сын его все так же боготворит. Не отравляй Джону жизнь, сама делай что хочешь, но мальчика не втягивай. Иначе в твоей жизни не останется ни единого светлого пятна!

# 3

Ночь окутала небо и землю – густая, черная, беззвездная и безлунная австралийская ночь. А в доме теплый золотой свет настольных ламп отражался в серебре обеденного стола, накрытого на шесть персон – для хозяев и их дорогих гостей.

Рядом, в гостиной, Филипп Кёниг обдумывал предстоящий вечер, здесь же находился и Джон. Филипп стоял очень прямо, широко расставив ноги, сцепив пальцы на затылке, на лице его играла странная улыбка. Над ним висел портрет Иоганна, основателя Кёнигсхауса. Камин не топился, сейчас он был украшен зеленью, расцвеченной огоньками полевых цветов. – Чарльз!

Филипп преувеличенно радушно улыбнулся и, шагнув навстречу высокому стройному мужчине, энергично пожал ему руку, сопровождая рукопожатие чувствительным тычком в плечо.

– Рад тебя видеть, приятель! – Филипп обернулся ко второму гостю: – И тебя, Бен! А где твоя очаровательная дочь? Что ты с ней сделал?

Бен Николс провел рукой по редеющим волосам и попытался улыбнуться. У него было широкое, спокойное лицо.

– Джина наверху, у Элен, им нужно пошушукаться. Они скоро выйдут.

– Здравствуй… Чарльз. – Еще не так давно Джон говорил «дядя Чарльз», так что обращение по имени далось ему с некоторым трудом. Худощавый, сдержанный Чарльз Кёниг совсем не походил на экспансивного Филиппа, и юноше всегда казалось, что он старается поглубже упрятать свои истинные мысли.

Как не похожи братья друг на друга, подумал он. Огромный, шумный, рыжеволосый Филипп, с крупной головой и волчьей ухмылкой, казалось, заполнявший собой всю комнату, и – темноволосый Чарльз, худой и элегантный, пожалуй, даже мрачный сегодня. Все свое уважение к младшему брату отца Джон постарался вложить в крепкое рукопожатие.

– Добро пожаловать в Кёнигсхаус. Бен, как я рад тебя видеть. Как дела?

– Не пора ли нам выпить, мальчики? – громко произнес Филипп. – Чарльз, бар к твоим услугам. Что будешь пить? А ты, Бен? Какую отраву выбираешь? Выбор богатый, приятели, наутро будет от чего голове болеть.

Ни Бен, ни Чарльз не поддержали напускной веселости Филиппа. Холодные серые глаза хозяина наткнулись на точно такой же взгляд

младшего брата.

– Думаю, мы все почувствуем себя значительно лучше, когда покончим с делами. Пока что нам нечего праздновать.

Добродушие Филиппа мгновенно улетучилось.

– В этом твоя беда, Чарли, мой мальчик, – угрожающе произнес он. – Ты ничуть не изменился. Тебе не хватает выдержки. Тебя осенила гениальная идея, и тебе нужно тотчас выплеснуть ее наружу. Ведь так? – Повисла напряженная тишина. – Так или не так?

Черт возьми, что происходит? Джон переводил удивленный взгляд с отца на дядю. Чарльз явно пытался сдержать гнев.

– Дело не в выдержке, – хрипло произнес он. – Речь идет об очень важном решении, самом важном решении за все время существования компании, и ты это прекрасно знаешь. Это не просто формальность.

Филипп недобро рассмеялся.

– Очень мило.

Пора разобраться, что происходит, подумал Джон.

– Что будем пить, друзья? – Роль радушного хозяина давалась ему с трудом, однако он заставил себя подкатить сервировочный столик, уставленный хрустальными графинами и рюмками, и вот уже каждый из присутствующих сжимал в руке спасительный бокал. – Так что случилось? – спросил Джон как можно более небрежно. – Что не просто формальность?

Филипп насмешливо кивнул в сторону Чарльза.

– Твоего дядю посетила гениальная идея.

– Это не только моя идея, – твердо ответил Чарльз.

– Ты хочешь сказать, это идея Бена? – фыркнул Филипп.

Бен явно струсил.

– Послушай, Филипп, ты же знаешь, я всего лишь служащий, я не принимаю решений.

– Я бы не стал называть одного из самых опытных бухгалтеров в стране «всего лишь служащим», Бен, – спокойно произнес Филипп. – А если учесть, что вот уже сорок лет ты являешься моим финансовым директором, что ты родился на ферме и практически стал членом семьи, можно было бы ожидать, что ты проявишь хоть немного ответственности. Собственно говоря, за то жалование, что я тебе плачу, я вправе ожидать настоящей ответственности!

Джону казалось, что на его глазах разыгрывается теннисный матч, правила которого ему не объяснили. Он с замиранием сердца следил за тремя мужчинами на ковре у камина, Чарльз с Филиппом – явные

противники, а в центре, меж двух огней, – Бен. Наконец Джон заговорил, чувствуя, что голос его звучит неестественно громко:

– Погодите, друзья. О чем вы?

Филипп нанес свой удар без промаха:

– О продаже Кёнигсхауса.

Наступила жуткая тишина. Ни Бен, ни Чарльз не могли поднять на юношу глаза.

– Что?! – как во сне переспросил Джон. Филипп мастерски разыграл удивление.

– Разве тебе не сказали? – невинно поинтересовался он. – Твой дядя Чарльз и наш финансовый гений Бен хотят продать Кёнигсхаус.

Только он знал, чего стоила сыну произнесенная им одна-единственная фраза:

– Продать Кёнигсхаус? – Джон так растерялся, что произнес и второе, местное название: – Продать Королевство?

– Да, именно об этом земельном участке мы и говорим. Старый дом должен быть продан. Продан, продан, продан! Ура!

Джон расхохотался; в его смехе прозвучали истерические нотки облегчения:

– Хватит, отец! Шутка не самая удачная. Филипп рассмеялся в ответ.

– Я так и знал, что ты сочтешь это шуткой. Джон все еще отказывался верить собственным ушам.

– Не смешно, отец.

– Я не шучу, сын.

– Ты хочешь сказать?!

Чарльз шагнул вперед, на его лице читалось отвращение.

– Хватит, Фил, – резко произнес он. – Я думал, ты ему скажешь.

– Я сказал.

– Я имел в виду – сегодня!

Филипп ухмыльнулся.

– Я и сказал сегодня – только что. – Он повернулся к Джону: – Что скажешь, сын? Как ты к этому относишься?

Джон мертвенно побледнел.

– Черт возьми, ты прекрасно знаешь, как я к этому отношусь! – выдавил он наконец. – Это невозможно! Отец, ты не можешь так поступить!

– Ах, Боже мой! – насмешливо произнес Филипп. – Похоже, я огорчил бедного мальчика, он не сможет этого пережить. – Он обернулся к Бену: – Ты был прав, когда предупреждал меня, что наш Джонно слегка

расстроится. И с чего бы это?

– С чего?! Отец, я… – К своему ужасу и стыду Джон почувствовал, что вот-вот заплачет. Бен неловко бросился ему на помощь.

– Видишь ли, Джонно, компания попала в беду.

Филипп давно уже знал об этом. Мы прикидывали и так и этак, но это единственная возможность свести концы с концами. Чарльз кивнул.

– И слабое звено в этой цепи – Кёнигсхаус, ферма. Во всем мире падает спрос на говядину, с каждым годом мы продаем все меньше и меньше…

– И работаем мы по старинке, – подхватил Филипп, – так что если верить Чарльзу и Бену, от Кёнигсхауса нужно избавиться! Придется нам его продать, мой мальчик. И королей пинком выгонят из их королевства! – Он оглушительно рассмеялся.

Похоже, ему все это нравится, подумал Джон. Нужно что-то делать.

– Послушай, отец…

Гостиную от холла и лестницы отделяла изящная арка. В тот самый момент, когда Джон обратился к Филиппу под аркой появились женщины. Элен, чей повседневный наряд составляли рубашка и джинсы, скрывавшие фигуру, была сейчас на редкость хороша в простом, классического покроя крепдешиновом платье цвета морской волны, которое удивительно шло ей, гармонируя с серебристым оттенком светлых волос. В мягком свете ламп она теряла по крайней мере лет десять из своих сорока с небольшим, а легкая походка и благородная осанка позволяли присутствующим мысленно скинуть еще лет десять. И только собственная застенчивость мешала ей понять, какое впечатление она производит на всех без исключения мужчин. И все-таки их взоры обратились на ее спутницу. В жилах девушки текла кровь аборигенов, к тому же она унаследовала все самое лучшее от обоих родителей. Тонкие черты лица, большие светло-карие глаза, золотистый цвет кожи выдавали в ней уязвимость, присущую детям буша, но хорошо вылепленный нос и волевой подбородок говорили о силе характера. Ей было чуть больше двадцати; легкая и стройная в своем бело-мраморном шелковом одеянии, она двигалась, как балерина. Ощущая столь пристальное внимание к своей персоне, она несмело вошла в комнату.

Мужчины хором приветствовали Элен и Джину. Один Джон молчал.

– Джон, – пришла ему на помощь мать, – ты, конечно же, помнишь Джину?

Помнит ли он ее?

Конечно, помнит! Они вместе ходили в школу, только она была на три-

четыре года моложе. А лет пять назад, когда компания настолько расширилась, что Бену пришлось переехать в Сидней, она уехала с семьей в город. Он знал, что несколько лет назад у нее умерла мать и что теперь они живут вдвоем с Беном. Из отдельных разговоров он понял, что она поступила в колледж и вскоре должна его закончить. Впрочем, все это его совершенно не интересовало.

Он помнит Джину – страшненькую, тощую, с ногами как спички, с непропорционально большими глазами. Ее мать-аборигенка (кто бы мог подумать, что Бен выберет себе такую жену) буквально тряслась над ней, никого из мальчишек близко не подпускала.

Он помнил…

Но только не эту девушку!

Невидимая рука в холле ударила в гонг, и в гостиной появились Рози с Элли. Филипп рассмеялся, громко хлопнул в ладоши и взревел, сверкая глазами:

– Обед! Господи, как я проголодался! Просто удивительно, до чего же разговоры о делах возбуждают аппетит! Разве не так, други мои?

# 4

Элен лежала на широкой дубовой кровати, привезенной из Саксонии первыми Кёнигами, прислушивалась к шумному дыханию мужа и тщетно пыталась уснуть. Если бы мысли могли превратиться в поступки, кричало ее сердце, каждая вторая женщина убила бы своего мужа тут же, сию же секунду!

Ее била дрожь, она беспокойно металась в постели. Перед глазами всплыло лицо Джона, каким она увидела его вечером в гостиной: синяки под глазами, словно у молодого боксера, а выражение глаз – как у бычка, которого ведут на бойню.

Когда речь шла о деле, решения всегда принимал Филипп, ей и в голову не приходило высказывать свое мнение, не станет она делать этого и сейчас.

И тем не менее, все то время, что она исполняла роль хозяйки, потчевала гостей и весело улыбалась, она пыталась заставить себя произнести: «Послушай, Филипп, если вся компания поддерживает ферму, то нельзя ли избавиться от чего-то другого, чтобы Кёнигсхаус остался для… для…»

«Для Джона, – хотела она сказать. – Для моего сына. Твоего сына. Твоего наследника. Единственного оставшегося у тебя наследника, ты помнишь об этом? Или теперь, после исчезновения Алекса, тебе наплевать? Неужели Джон навсегда останется для тебя на втором месте?»

Конечно же, она ничего не сказала. Остальные тоже молчали. Чарльз был вне себя от ярости – так бывало всегда, стоило лишь Филиппу начать свои игры, Бен перепугался не на шутку, Джина тоже чувствовала, насколько накалена атмосфера за столом, а Джон просто лишился дара речи от ее присутствия.

Один Филипп, казалось, наслаждался вовсю. Как всегда, он съел и выпил вдвое больше остальных. И вот наконец – она вздрогнула от стыда, заметалась в душной темноте спальни – он решил, что пора перейти к последнему в этот вечер развлечению и разве что не заявил об этом вслух. Отставив бокал со сладким десертным вином, все еще с пригоршней орешков в руке, он впился в нее жарким взглядом, как будто за столом больше никого не было. Затем вскочил.

– Эн!

В наступившей тишине он подошел к ней, схватил за руку, вытащил

из-за стола.

– Пошли! – Команда прозвучала так, чтобы ни у кого из присутствующих не осталось сомнений, куда он ведет жену и зачем.

В спальне – новые приказы:

– Нет, не так! Вот так! Еще! Сильнее! Быстрее! Он всегда главенствовал в сексе, всегда был грубым и нетерпеливым, всегда стремился немедленно овладеть, войти в плоть. Филипп считал, что сокрушительного натиска его мужской силы более чем достаточно, что если он получил удовольствие, то она и подавно. Помнится, ее очень забавляли статьи в журналах для женщин, в которых читательниц на полном серьезе убеждали рассказывать своим мужчинам о своих сексуальных пристрастиях, обучить их ласкам, любовным играм – «покажите им, что вам нравится». Для Филиппа любовной игрой была уже сама мысль заняться сексом. А у женщины, по его понятиям, должно быть только одно желание – ублажить своего мужчину.

И она смирилась. Поначалу эта грубая спешка даже возбуждала ее: его рука под платьем, когда она ждала лишь поцелуя, юбка, задранная до пупа, едва лишь они оставались одни. Она до сих пор помнила их первое объятие, в самый первый день знакомства. Она работала тогда на соседней ферме. Филипп подъехал к ней, чтобы спросить, где хозяин. Позже он нашел ее в амбаре, она проверяла запасы кормов. «Зашел попрощаться, – небрежно бросил он. – Почему-то мне кажется, что мы еще увидимся».

Как только Филипп появился в дверях, Элен поняла, что он ее поцелует. Она затрепетала, подалась ему навстречу, хотя все еще не могла решить, хочет того или нет. Но закрыв глаза и подставив ему губы, она ощутила не легкий поцелуй узнавания, а руку на груди, ее пронзило током, когда его грубые пальцы стали мять ее соски. Он вел себя, как давний любовник, истосковавшийся по ее телу после месячной разлуки.

Первым же прикосновением он подчинил ее себе: она не могла ему отказать. Их секс всегда подчинялся его ритму, его желаниям, его прихотям. Заняться любовью для него было так же естественно, как перекусить, да и требования к сексу были такими же, как к еде: горячо, быстро и часто. Он любил разные приправы и гарниры, ему было интересно, каковы они на вкус.

Возвращаясь из Сиднея или из долгих поездок за границу, он обычно бросал на стол сверток и объявлял: «Это на сегодня, Эни. Тогда, много лет назад, ей льстило, что из Франции он привозил полный комплект нижнего белья, включая изысканный корсет с резинками и черную нижнюю юбку с оборками, хоть сейчас в «Мулен Руж». Поездка в Германию

ознаменовалась парой сапожек, как у Марлен Дитрих в «Голубом ангеле», из Лондона, наоборот, он привез белое школьное гимнастическое трико. «Маркс энд Спенсер», – смеялся он, показывая острые белые зубы. – Я сказал, что это для моей маленькой девочки!» Его вкусы совсем не отвечали представлению о том, каким должен быть добрый католик.

Однако в последнее время желания Филиппа становились все более необузданными, а ее надежда испытать наслаждение – все более иллюзорной. Когда-то она любила его так сильно, что ей было безразлично, кончит ли она сама или нет, ей доставляло удовольствие ощущать на груди тяжесть лежащего в изнеможении, такого беззащитного в эти минуты мужчины. А теперь, когда муж покупал ей кружевные панталоны, следовало ожидать, что он заставит ее нагнуться, сорвет с нее обнову и нанесет несколько яростных ударов по ягодицам. Он давно уже не целовал ее, предпочитая грубо овладевать ею сзади, как животное, его огромные руки безжалостно впивались в нежную плоть Элен, удерживая ее тело в нужном положении, пока сам он не насытится.

Если она кричала, протестовала, это возбуждало его еще больше. Теперь Филипп нарочно делал ей больно, ему хотелось, чтобы она корчилась, стонала, не в силах прекратить бесконечную пытку. Любое сопротивление с ее стороны вызывало у него желание растоптать ее окончательно. Его садистские наклонности проявлялись с каждым разом все отчетливее; ее унижение стало непременным условием его наслаждения. Она не знала, когда это началось. И уж тем более не могла представить, как и когда кончится.

Сегодня она без звука подчинилась всем его требованиям, надеясь ускорить развязку и приблизить избавление. И, как всегда, какая-то частица ее души умерла.

Наконец он иссяк, в изнеможении растянулся на постели. А для нее ночная пытка только началась. Когда, в какой момент ее перестал возбуждать этот внезапный, яростный натиск, с каких пор ей захотелось чего-то более нежного и, главное, взаимного?

Когда она разлюбила его?

Элен безуспешно пыталась найти прохладное место в жаркой до зуда постели, все еще хранившей запахи безрадостного соития. Когда-то она так гордилась тем, что стала женой Филиппа, что ей было безразлично: пусть хоть весь мир знает, как они занимаются любовью. А сегодня ее будто кипятком ошпарили, когда она увидела, с каким пониманием и симпатией смотрит на нее Чарльз, в то время как Филипп уводил ее из комнаты, словно собаку.

Чарльз…

Он ведь тоже провел свою жизнь в тени Филиппа, по сравнению с практической хваткой старшего брата его сила оставалась неоцененной, и теперь его снедала горечь за все перенесенные обиды и унижения. Однако будь у него хоть малейший шанс, он проявил бы себя настоящим Кёнигом, умным и сильным.

Чарльз…

Может быть, с ним ей было бы лучше? За окном занимался новый день, восходящее тропическое солнце разыгрывало свою утреннюю симфонию пурпурных, красных и золотых тонов. Господи, неужели еще один замечательный день? Нет, только не это! О каком сне может идти речь, если она никак не может совладать со своими чувствами?

Может быть, с Чарльзом ей было бы лучше? Без Филиппа…

Похоже, ее жизнь свелась к бесконечным, бессмысленным вопросам. Когда это началось? И, Боже мой, когда же кончится?

Когда над Кёнигсхаусом повис огненный шар солнца, Джон оставил бесплодные попытки забыться сном, надел рубашку и джинсы и выскользнул через заднюю дверь во двор. Страшная боль терзала его сердце; впервые за прожитые двадцать четыре года он боялся посмотреть правде в глаза, прятался в кустах, как раненый зверь.

Продать Кёнигсхаус? Покинуть Королевство? Как мог отец додуматься до такого? Стоя на веранде, он обвел глазами поместье, бескрайние просторы вокруг, на которых боролись и умирали его предки.

От земли поднимались влажные испарения, утренний ветерок нес прохладу. Может быть, он остудит его пылающее лицо? Джон любил эту землю, любил страстно, самозабвенно. Кёнигсхаус, бесконечные километры сухого песка, мертвой красной земли значили для него гораздо больше, чем для всех остальных членов семьи. Да, Элен тоже любила эту землю, но она не выросла здесь. Как все дети, Джон не уставал задаваться вопросом: где же родилась его мать? А кроме того, отец был центром ее вселенной, ему предназначалась ее любовь.

Чарльз? Джон попытался поставить себя па его место. Наверно, не очень весело быть младшим братом, и нет ничего удивительного в том, что дядя постарался как можно скорее выйти из-под опеки старшего брата и отправился искать счастья в Сидней. Чарльз открыл свое дело, быстро пошел в гору, и так продолжалось до тех пор, пока Филипп, которому после мясного бума семидесятых—восьмидесятых годов буквально некуда было девать деньги, не устроил небольшой переворот и не закупил младшего

брата на корню.

Так возникла империя Филиппа Кёнига, управлять которой был нанят Чарльз. В один и тот же день Чарльз оказался банкротом, лишился своей компании и тут же получил ее обратно. Филипп подсластил пилюлю, пообещав прислушиваться к любым рекомендациям младшего брата относительно расширения дела. «Ты сможешь работать на себя, мой юный Чарльз», – любил повторять Филипп. И Чарльз ни разу не бросил ему в лицо горький упрек: «Конечно, приятель, только здесь нет ничего моего!»

Так, может быть, теперешнее намерение Чарльза продать Кёнигсхаус, выломать из короны ее главную драгоценность и бросить чужакам было всего лишь местью за все, что сделал с ним Филипп? Подобные мысли никогда не приходили Джону в голову, и он тут же отогнал их. Однако он никак не мог поверить, что нельзя обойтись без продажи Кёнигсхауса. «Нужно что-то делать, – в отчаянии повторял он. – Не может быть, чтобы ничего нельзя было сделать!»

Маленький ночной зверек тенью промелькнул у подножия огромного эвкалипта. Солнце начинало припекать, над дальними горами, заключившими Кёнигсхаус в свои каменные объятия, появились первые коршуны и ястребы.

Это моя земля.

Джон как будто заново увидел прекрасный старый дом в окружении хозяйственных построек, выстроившиеся в ряд конюшни, образующие внутренний двор. Он, как во сне, обошел дом кругом и остановился у фронтона.

Теперь вся ферма лежала перед ним как на ладони. Вдали, за пологими склонами буша, открывался водопой, ухоженная дорога, обсаженная любимыми мамиными розами и пальмами, вела к шоссе. Джон окинул взглядом дома пастухов, здание конторы, дом для гостей, где сейчас спали Бен и Джина.

Джина…

Но даже радостно-тревожное воспоминание о ней не могло отвлечь Джона от терзавших его мыслей.

Кёнигсхаус мой. Он всю жизнь обещал его мне. Он всегда говорил, что он будет моим, он обещал мне. А теперь собирается лишить меня всего. Как он может?

В доме для гостей тихо приоткрылась дверь, стройная фигурка в белом спустилась по ступенькам и решительно направилась по траве в его сторону. Джина! Он лишился дара речи. Видимо, пока она шла, его робость передалась и ей. Они неловко поздоровались, она опустила глаза.

– Я увидела тебя из окна, – произнесла наконец девушка, нервно сплетая и расплетая длинные, изящные, золотисто-смуглые пальцы. – Я не спала. Я всегда рано просыпаюсь.

Повисло напряженное молчание.

– Ты не хочешь присесть? – отчаянно предложил Джон.

Молодые люди устроились рядышком на каменных ступенях парадного крыльца. Теперь, когда они могли не смотреть друг на друга, им стало значительно легче.

– Я хотела сказать, – осторожно начала Джина, подавляя желание посмотреть на юношу искоса, чтобы он смог оценить ее большие прозрачные глаза, – что понимаю, какой ужасный сюрприз тебе вчера преподнесли. Эта продажа Кёнигсхауса, которую готовит сейчас мой отец, кажется мне слишком поспешной. Я не понимаю, что случилось.

Только теперь Джон осознал, как ему было грустно и одиноко. Слова Джины оказались той самой соломинкой, за которую хватается утопающий.

– А я и подавно! – воскликнул он. – У нас самая лучшая скотоводческая ферма Северной Территории, может быть, даже лучшая в Австралии, отец мне сто раз это говорил. У нас больше семи тысяч квадратных километров земли, больше тысячи голов скота, мы потратили целое состояние, чтобы ни одна болячка к ним не пристала, и теперь, когда отец мог бы отдыхать и наслаждаться жизнью, он собирается все продать!

– Ты в этом уверен?

– Что ты хочешь сказать? – удивленно спросил Джон, встретив заботливый взгляд карих глаз.

Джина покачала головой.

– Сама не знаю. А еще я совсем не знаю твоего отца. То есть я знаю его с детства, но для меня он всегда был посторонним человеком. «И очень страшным», – добавила она про себя. – Так что иметь с ним дело придется тебе, а не мне!

Джон как будто прочел ее мысли.

– Но ты что-то заметила?

Джина кивнула.

– Что бы он вчера ни говорил, он ничего не подписал, так ведь? Можно сколько угодно говорить об этой японской компании – покупателе, которого нашел твой дядя Чарльз, но похоже, что они не очень-то продвинулись в этом вопросе. Контракт еще не заключен. А пока нет контракта, нет и продажи.

– Но зачем ему все это – отцу, я имею в виду? Если он не собирается продавать, к чему тогда разговоры о продаже?

Джина пыталась решить, как далеко она может зайти в своем ответе.

– Может быть, он хочет держать тебя на коротком поводке? Заставить ходить по струнке, лишить уверенности? Отец говорил мне, что Филипп всегда обещал тебе Кёнигсхаус, обещал, что ты станешь наследником.

– Да, – горько отозвался Джон. – Так оно и было.

– Но ведь ты действительно сын и наследник! – улыбнулась девушка. – Конечно, есть еще твоя мама, но она вряд ли захочет управлять фермой.

– Пожалуй, ты права. А Чарльз – он не фермер, его интересует только бизнес. Так что Кёнигсхаус ему тоже не нужен.

– И больше никого нет?

Джон глубоко вздохнул. Когда он учился в школе, мальчики-аборигены говорили, что, если ты солжешь, Великий Змей вытянет шею и хвост, развернет в небе свое огромное тело и совьет для тебя страшное кольцо, чтобы утащить туда, где место всем лжецам.

Но ложь – это когда ты точно знаешь, что говоришь неправду.

– Нет, – не задумываясь ответил он, – больше никого нет. Никто не жаждет обладать Кёнигсхаусом так, как я.

Джина вздрогнула.

– Значит, он твой, – по-детски просто ответила она. – Но тебе придется бороться за него.

Джона захлестнула бессильная ярость.

– Но они говорят, что дела идут плохо и нужно что-то продать.

– Может быть. – Девичий голос внезапно окреп. – Но не обязательно Кёнигсхаус! Есть что продать в Сиднее, а Кёнигсхаус останется как прежде, когда у твоего отца еще не было интересов в городе.

Дай Бог, чтобы Джина оказалась права, подумал Джон. Он был так благодарен ей за то, что она вселила в него надежду, дала возможность выговориться, разделила муки его одиночества. Он осторожно подвинулся, и вот уже его плечо еле заметно коснулось ее нежного плечика.

Над их головами щебетали и смеялись первые зимородки, а они сидели не шелохнувшись, наслаждаясь хрупкой интимностью этого прикосновения, и не знали, что из спальни за ними наблюдают холодные серые глаза. И какое бы светлое будущее ни рисовали они в своем воображении, ему не суждено, не позволено случиться.

# 5

Как и следовало ожидать, завтрак являл собой печальное зрелище. Все члены семьи собрались постепенно за массивным дубовым столом под неподвижными взглядами давно ушедших Кёнигов и тщетно пытались делать вид, что ничего не произошло.

Элен все еще ощущала во рту привкус вчерашней ночи и не могла проглотить ни кусочка. «Я больше так не могу», – думала она. Сидевший напротив нее Чарльз катал хлебный шарик, Бен склонился над своей тарелкой и механически жевал яичницу с беконом, стараясь ни с кем не встречаться глазами. Джон с Джиной сидели рядом, есть они явно не хотели, но и не разговаривали. «Как на поминках, – подумала Элен. – Да так оно по сути и есть – мы услышали смертный приговор и теперь ждем, когда Кёнигсхаус умрет». Было еще рано, но солнце уже светило в окна. Внезапно ей стало нечем дышать.

Один лишь Филипп был полон энергии. Он, как всегда, сидел во главе стола, на своем огромном резном стуле, напоминавшем трон, и, несмотря на вчерашние излишества, в огромных количествах поглощал яичницу с беконом, жареный хлеб и тосты, запивая все это бесчисленными чашками специально для него приготовленного кофе – черного, горячего и ужасно крепкого.

– Хороший кофе, Роза! – похвалил он экономку, когда та обходила гостей. Вслед за ней с надутым видом тащилась Элли. – Принеси-ка и остальным хорошего горячего кофе, сегодня их желудкам без него не обойтись. Элли, каждому еще по чашечке!

– Конечно, мистер Филипп!

Элли улыбнулась кошачьей улыбкой и бросилась исполнять приказание. Роза отдала бы жизнь за Филиппа, но она не станет вмешиваться в игры белых людей и уж тем более не допустит, чтобы бесполезная вертушка возвысилась таким бессовестным образом.

– Только хозяину, Элли! – твердо произнесла она и обернулась к Филиппу: – Оставьте их в покое, мистер Филипп, подумайте лучше о себе. Что вы еще хотите?

Элли отступила, сердито сверкая глазами и не оставляя попыток снова привлечь внимание хозяина. Однако Филипп остался к ним глух.

– Что угодно, лишь бы не выпасть с голоду из седла! – рассмеялся он. – Сегодня последний перегон! Две тысячи голов находятся в дне пути

отсюда, осталась лишь одна ночь вне дома. К вечеру мы доведем их до водопоя у Чертовой Скалы, а завтра погрузим на машины и отправим. Еще один удачный сезон для «Кёниг Кеттл»! А в результате – и для «Кёниг Холдингз», не так ли? – насмешливо произнес он, обращаясь к Бену. Тот пришел в замешательство, а затем миролюбиво заметил:

– Фил, ты же знаешь, все не так просто. Если рассматривать состояние наших дел в целом, это вопрос…

– Вопрос, вопрос, – грубо перебил его Филипп. – Приятель, я плачу тебе не за вопросы, а за ответы!

Чарльз глубоко вздохнул, наклонился вперед.

– Послушай, ты можешь кричать сколько хочешь, но это ничего не изменит! Мы больше не можем содержать и ферму, и все остальное. – Он бросил взгляд на Джона. – Признаюсь, и этот дом, и скот значат для меня гораздо меньше, чем для вас, друзья, – его глаза превратились в щелочки, – но неужели вы не понимаете, как ненавистна мне сама мысль о продаже любой части компании?

Филипп грозно улыбнулся.

– Ненавистна, говоришь? Да ты не знаешь, что такое ненависть! Похоже, ты уже забыл, что значит быть Кёнигом, мой маленький братец, если, конечно, тебе было что забывать. Почему бы тебе не изменить фамилию на «Кинг», еще отец хотел, чтобы мы это сделали. Тогда тебе не пришлось бы притворяться, что ты один из нас! – Он перевел дыхание. – Кёниги не продают, а покупают землю! Мы живем на земле, черпаем из нее силу, земля – наш образ жизни, смысл всей нашей жизни. Мы никогда не выпускаем ее из рук!

«Что происходит?» – с нарастающей тревогой думала Элен. – Только вчера Филипп говорил Джону, что Кёнигсхаус должен быть продан!

Чарльз оторопел, он не верил своим ушам. Бен отложил нож и вилку и очертя голову бросился ему на помощь:

– Фил, заверяю тебя, на то есть веские причины…

Филипп рассмеялся ему в лицо.

– Твои заверения! Да ты увяз с головой и обделался со страху! Ну скажи что-нибудь, приятель! Приведи хоть одну причину, почему я должен тебе верить!

Господи боже мой, что это нашло на отца? За такое обращение могут и убить, подумал Джон. Он решился вмешаться в разговор.

– Пап, так ты продаешь или не продаешь? Нельзя же так! Послушай, мы должны придерживаться…

Чарльз бросил на племянника яростный взгляд.

– Не лучше ли обойтись без сосунков! Филипп, тебе придется признать, что твой драгоценный Кёнигсхаус – всего лишь любимая игрушка. Это роскошь, которую мы не можем себе позволить! Скажи ему, Бен!

Все взоры обратились на Бена. Тот с трудом заставил себя заговорить.

– До восемьдесят седьмого года мы могли позволить себе содержать ферму, – с отчаянием в голосе начал он. – Однако после краха дела шли все хуже и хуже, и теперь мы на пороге банкротства. Денег осталось месяца на три, не больше. Либо мы продаем, либо разоряемся.

Филипп будто окаменел.

– Почему вы не сказали мне, что дела так плохи? – прошептал Джон, он был в ужасе от всего услышанного. – Я имею право знать об этом! Чарльз бросил на него убийственный взгляд.

– Спроси у отца, – презрительно процедил он, указывая на Филиппа. – Он уже давно все знает. Это он должен был поставить тебя в известность. Как сына и наследника.

– Сын и наследник… – зловеще пробормотал Филипп, но Чарльз не обратил на это внимания и продолжал, подчеркивая каждое слово:

– Компания, которой я управляю, «Кёниг Холдингз» поддерживает на плаву эту ферму, этого «золотого тельца», чтобы ты мог корчить из себя героя, Клинта Иствуда Северной Территории! Так вот, этому пришел конец!

Элен видела, что муж взбешен не на шутку.

– Не думай, что я не вижу твои маленькие хитрости, Чаз, – проговорил Филипп довольно миролюбиво. Однако его лицо побагровело, кожа приобрела неестественный восковой оттенок. – Я знаю, что вы замыслили! Вы хотите продать мою землю и отправить меня на пенсию! – Его смех больше походил на крик. – Отправить меня на свалку, к другим выжившим из ума идиотам! Вот тогда-то вы сможете залезть в кубышку по самые локти!

Джон помертвел от страха. Что отец говорит? Он теряет свои позиции, он проигрывает!

– Здесь не место… – перебил он Филиппа, но того уже невозможно было остановить. Потный, свирепо колотящий кулаком по столу, Филипп более не походил на веселого, самодовольного хозяина, каким был еще полчаса назад.

– Получите, получите все! – шипел он. – Я не собираюсь продавать эту землю! Я получил ее от отца, а тот – от своего отца, и так до самого Иоганна, приехавшего из Германии со своим ружьем, топором, мешком муки и целым выводком детей, каждого из которых нужно было кормить.

Как вас.

В комнате повисла гробовая тишина.

– Дети – вы все как дети! – вскричал Филипп и вдруг запнулся, явно потеряв нить разговора. Тревога Элен все усиливалась. Это не Филипп, не тот человек, которого я знаю. Я давно уже разлюбила его. Неужели я снова смогу его полюбить?

Филипп потряс головой и, запинаясь, продолжил:

– Нет, не дети. Цифры! Они, видишь ли, прикидывали и так, и этак! Не в первый раз настают тяжелые времена. Вспомните ужасные тридцатые годы! А еще раньше – девяностые годы прошлого века, когда ферма чуть не обанкротилась в самом начале своего существования. Время от времени дела идут из рук вон плохо. А потом – снова хорошо! – Он обвел присутствующих безумным взглядом. – Кто осмелится сказать мне в глаза, что я не прав? Никто, потому что я скажу ему в глаза, что он лжет!

Тишина, казалось, длилась целую вечность. Чарльз покачал головой, откинулся на спинку стула.

– Это твоя земля, Фил, тебе и решать, – хрипло произнес он. – Но для того, чтобы твоя ферма продержалась еще несколько месяцев, ты погубишь мое дело. Это я лишусь кредита и своего доброго имени, а у тебя в любом случае останется Кёнигсхаус – даже если придется распрощаться с твоим драгоценным скотом.

Его голос окреп, теперь в нем звучали страстные нотки. Оба брата тяжело дышали, как во время настоящей схватки.

– Но тебе наплевать, не так ли? Тебе всегда продажи Кёнигсхауса заставила его разом повзрослеть. Из беззаботного детства он перенесся в тот мир холода и одиночества, где нельзя доверять даже собственному отцу. Может быть, хоть теперь Филипп поймет, что нельзя безнаказанно играть чужими судьбами, ведь кто-то может отплатить ему той же монетой.

– Что значит «если»? – вымученно произнес Филипп. – Конечно, ты мой сын и наследник! Так я и написал в своем завещании. – Он снова рассмеялся. – По крайней мере, в самом последнем!

– В самом последнем? – От Джона было не так-то просто отделаться. – Черт возьми, и сколько их всего?

– Одно-единственное, мальчик, в котором ты – наследник. Тебе отходят и Кёнигсхаус, и все остальное. – Тут Филипп впервые посмотрел на Элен. – Если я умру, ферме понадобится мужская рука. Мужская, а не женская. И это должен быть не Чарльз.

Он прекрасно знал, что держит их всех в кулаке.

– Я говорю об управлении фермой, – тихо продолжал он. – О твердом

мужском руководстве, а не совете директоров в лице матушки и дядюшки. – Теперь в его взгляде появилась жестокость. – Управлять фермой должен молодой человек, а не парочка уже проживших жизнь людей.

«И проживших ее зря, вот что хотел сказать Филипп, – подумала Элен. – Вот что он думает обо мне и о Чарльзе, он презирает нас, как, наверно, презирал с самого начала». Она заставила себя слушать дальше.

– Молодой человек, которого не растлила городская жизнь и весь тот вздор, что Чарльз именует «бизнесом». Который не погонится за лишним долларом и не прельстится «блестящей возможностью вложить деньги». – Филипп снова посмотрел на жену. – Эн, вы с Чарльзом получите то, что вам причитается – пожизненный доход. А Джону достанется земля и весь капитал. Бен встревожился не на шутку.

– Но Чарльз вправе рассчитывать на большее! И жена тоже, по закону у Элен свои права! Такое завещание можно оспорить!

Что таилось в улыбке Филиппа – нежность или презрение?

– Нет, – усмехнулся он. – Моя жена не станет оспаривать, не так ли, Эн? У Джонно не будет никаких неприятностей. И будет так, как я хочу!

Огромный кулак снова опустился на стол, так что зазвенела посуда. На щеках, под темным загаром, проступил лихорадочный румянец.

– Живой или мертвый, я знаю, что лучше для Кёнигсхауса. Вот увидите! Вы все увидите! Живой или мертвый, я знаю!

# 6

– Элен, он дал нам обещание. А теперь берет свои слова обратно. Джип тяжело подпрыгивал на ухабах, и так же тяжело билось ее сердце. Воздух струился от жары, на горизонте то появлялись, то исчезали расплывчатые силуэты эвкалиптов. Сидевший рядом Чарльз был по обыкновению абсолютно спокоен, однако в его голосе появились новые, угрожающие нотки.

– Ты всегда прощала его, – все та же сдержанность в голосе, – собираешься простить и на этот раз?

Элен оторвала потную руку от руля, отбросила с лица прядь волос.

– Ох, Чарльз…

Она не отрывала глаз от дороги – ей очень не хотелось, чтобы Чарльз понял, что с ней происходит.

– Он обещал нам доход… – выдохнула она.

– Не будет никакого дохода! – раздраженно воскликнул Чарльз. – Даже если бы он был, это оскорбление для нас обоих. Когда Алекс…

Элен глубоко вздохнула. Чарльз прикусил губу и начал заново:

– До рождения Джона все должно было поровну делиться между нами. Но и потом, если помнишь, Джону отходил Кёнигсхаус, а нам с тобой – все остальное. Если Филипп будет и дальше держаться за Кёнигсхаус и закрывать глаза на нехватку денег, моей компании придет конец. А то, что останется, тоже отойдет Джону!

Она знала, что ее слова прозвучат глупо, но не смогла смолчать.

– Если он прав и год действительно окажется удачным, все может измениться к лучшему. А по завещанию нас с тобой ждет хороший доход, так он сказал.

– Доход! – Чарльз будто выплюнул это слово. – Доход! Это не капитал! Не земля, не собственность. Слово, ничего больше. Такой же пустой звук, как все его обещания.

Элен перевела дух.

– Я знаю, что он думает. Он думает, что если мне достанется часть Кёнигсхауса или компании, я не смогу ими управлять. Он считает, что у женщин своего ума нет, что я буду слушаться тебя или Джона.

На мгновение лицо Чарльза смягчилось, усталая улыбка тронула уголки губ. Не глядя на Элен, он легонько дотронулся до ее бедра.

– Слушаться меня? – еле слышно произнес он. – Ты давным-давно

перестала это делать.

Они замолчали.

– Нет, ты только подумай! – снова взорвался Чарльз. – Он играл с нами, как со слепыми котятами!

Элен бросила на Чарльза быстрый взгляд – его трясло от гнева.

– Он просто хотел вывести нас из себя. Тебя, меня, даже бедного Бена, не говоря уж о Джонно. Подумай как следует! Даже если сама ты смирилась, неужели ты допустишь, чтобы он так обращался с твоим сыном?

Только этот вопрос и имел значение.

– Думаешь, он это делает нарочно?

– Да, вполне осознанно!

Чарльз отвернулся, невидящими глазами уставился на выжженную равнину, лежащую по обе стороны проселочной дороги. Впереди уже виднелась взлетная полоса и стоящий наготове вертолет.

– Вчера за обедом он дал нам понять, что готов продать ферму. По его милости Джон провел одну из самых кошмарных ночей в своей жизни. – Он помолчал. – Не говоря уж о тебе… что он делает с тобой…

«Он знает, – промелькнуло у нее в голове, – он знает все, что выделывает со мной Филипп. И даже самое ужасное! – Элен содрогнулась. – Да, даже это. Он ведь мужчина, а мужчины знают эти вещи, даже если сами не делают. Должно быть, он презирает меня…»

Лицо у нее горело, она чувствовала, что сейчас заплачет.

– Ты не того выбрала, – голос у Чарльза внезапно охрип. – Если он погубит еще и мою компанию, то окончательно лишит меня всего самого дорогого на свете. Раньше я не мог его остановить. А теперь могу!

Он в сердцах ударил кулаком по дверце, раздался протяжный глухой звук, напугавший Элен. Ей вдруг ужасно захотелось остановить машину, взять его за руку, погладить по лицу…

– Ты хоть понимаешь, что мы связаны одной веревочкой?

Элен круто вывернула руль; джип задрожал, как дикий зверь, и выпрыгнул из глубокой колеи.

– Мне кажется, так было всегда.

Он яростно кивнул.

– Потому что мы никогда не давали ему отпор. Вернее, давали, но безуспешно.

– Я пыталась – но у меня ничего не вышло. Господи, понимает ли она, как подействовали на него ее слова? – подумал Чарльз. И что она все еще прекрасна, несмотря на испуганный и какой-то болезненный взгляд? Он с

трудом сдержался, чтобы не дотронуться до нее еще раз.

– Ты всегда хотела, чтобы все вокруг были счастливы… (Особенно он, одновременно подумали оба) – и забывала о себе.

– Но разве не так должна вести себя хорошая жена? – несколько цинично произнесла Элен.

– Если и так, то только пока она любит своего мужа. А тобой двигало чувство вины. Ты чувствуешь себя виноватой с тех самых пор, как Алекс…

– Прошу тебя, Чарльз! – Элен не ожидала, что ее голос прозвучит так громко. – Давай не будем об этом. Не нужно меня оправдывать. Это была моя вина. И с тех пор ничего не изменилось!

Он покачал головой.

– Глупости все это, и ты сама прекрасно это знаешь. Даже если в случившемся есть доля твоей вины, сколько можно расплачиваться?

«Столько, сколько потребуется», – поняли оба, но вслух не произнесли ни слова.

– Как ты думаешь, Филипп изменился? – Элен перевела разговор на другую тему. – Или это я меняюсь?

Чарльз был явно удивлен.

– Изменился? Что ты имеешь в виду?

– Эти внезапные смены настроения: то он сердится, приходит в бешенство, то опять улыбается как ни в чем не бывало; или сюрпризы, которые он нам преподносит, та радость, с которой он пускает нас по ложному следу, а потом смеется нам в лицо.

Легкая гримаса исказила рот Чарльза.

– Он всегда был таким! И с каждым днем будет хуже и хуже!

Что правда то правда, с холодной ясностью осознала Элен.

– Если только…

Подобные нотки Элен слышала впервые.

– Если только?

«…Мы не сделаем что-нибудь, – прочла она его мысли и поразилась тому, что в ответ подумала: – Да».

Они уже подъехали к взлетной полосе, пыльному участку голой земли, в центре которого на очерченном белым кругу находился вертолет с пилотом в кабине. Справа налево почти на километр протянулась двойная цепочка мощных прожекторов – в Кёнигсхаусе можно было приземлиться и ночью. Чуть поодаль, в тени ангара и радиовышки, связывавшей ферму с внешним миром, стоял самолет, предназначенный для дальних перелетов. В жарком, пыльном воздухе раздавались позывные: «Папа Кило Лима вызывает ферму Кёнигсхаус, Кило Отель Сьерра…»

Элен остановила джип, выключила мотор.

– Если только мы не сделаем что-нибудь, – очень спокойно произнес Чарльз.

Ей не хотелось спрашивать, что именно. Но спрашивать и не пришлось. Похоже, Чарльз забыл о ее существовании, он думал вслух:

– Рано или поздно нам придется взять бразды правления в свои руки. Филипп не вечен, хотя сам об этом забывает. Он почти на двадцать лет старше нас, разница – в целое поколение. Тебе это известно, Элен.

Неожиданно он схватил ее за плечи, заставил посмотреть себе в лицо.

– Я всю жизнь был лишь младшим братом Филиппа. Все, буквально все приходилось добывать у него с боем, и даже это он умудрялся отнять. Как отнял тебя.

Глаза у него потемнели, в них плясали гневные искорки. Элен чувствовала, что он вот-вот расплачется.

Но Чарльз не смотрел на нее, его взор был устремлен вдаль, в знойное марево.

– А теперь он собирается уничтожить по своей прихоти все, что я с таким трудом создал. И я должен спокойно смотреть на это? Ну нет, дорогой братец! Братская любовь в твоем понимании меня абсолютно не устраивает!

Пусть катятся! Из окна был хорошо виден столб пыли на горизонте – след джипа. Ничего, пусть отвезет Чарльза на аэродром, при таком настроении от нее все равно никакого прока. Филипп пожал плечами и вслед за Джоном направился в конюшню. Его, как всегда, волновали лишь собственные заботы.

В столовой остались только Бен с Джиной; оба чувствовали себя как после землетрясения.

– Он всегда такой? – тихо спросила девушка. Бен покачал головой и встал. Джина видела, как отец ошеломлен и подавлен, ей стало жаль его.

– Не знаю, что взбрело ему в голову! Конечно, у него всегда был гнусный характер, он всегда поступал как хотел, не обращая внимания на других. Но знаешь, жизнь у него была не самая веселая – если вспомнить, как погибла первая жена, и потом…

Даже теперь Бену было трудно говорить об этом, а уж об Алексе и подавно.

Его прошиб холодный пот. Боже милостивый, а если бы Алекс был здесь! Нет, об этом лучше не думать. Бен поспешно отогнал от себя опасные воспоминания.

Дочь спрашивала о Филиппе. Сейчас следовало думать только о нем!

– Да, он всегда был тяжелым человеком, мерзавцем и сумасбродом. Но раньше в его сумасбродстве была своя логика! – Он отодвинул стул. – Пойдем отсюда.

Прохладный коридор вывел их на тенистую веранду. Под ярким солнцем деревья отбрасывали на землю резкие тени, в небе щебетали красно-белые розеллы.

Бен положил руки на перила.

– Правда, красиво? – просто спросил он.

Джина повернулась к отцу и будто заново увидела его глубоко посаженные, спокойные глаза. Он ничем не выдал своих чувств, но ведь он здесь родился. У нее сжалось сердце.

– Пап, скажи – нужно продавать?

Бен вздохнул.

– Кёнигсхаус обязательно продадут. Если не мы, то наши преемники.

– Дела настолько плохи? Он кивнул.

– Уже многие годы ферма сосет из компании соки. В восьмидесятые годы мы превысили все допустимые кредиты. А начиная с восемьдесят седьмого года еле успеваем отбиваться от кредиторов. Филипп хорошо об этом знает. В минуты просветления он все понимает. А сердце никак не хочет расстаться с Королевством.

Следующий вопрос напрашивался сам собой.

– А что будет делать Джон?

– После того, как наступит крах, ты это хочешь сказать? Если у него есть хоть капля здравого смысла – прихватит, что осталось, и убежит. Наверно, попытается купить себе ферму, пусть самую маленькую. Он ведь только и умеет, что пасти скот.

Аборигены готовились к последнему перегону скота, их спокойные, неторопливые движения резко отличались от бешеной активности управляющего фермой, молодого австралийца – ровесника Джона. Если случится самое худшее, подумала Джина, Генри уйдет с Джоном, куда бы ни занесла их судьба. Они вместе учились в школе. Он прочно связал свою судьбу с Кёнигами.

Джон…

«Не думай о нем, – сказала она себе. – Кёнигов, этих сильных мира сего, девушки-аборигенки не интересуют, а если и интересуют, то с одной вполне определенной целью. Выброси его из головы, иначе дело кончится слезами – твоими слезами. Подумай о ком-нибудь другом».

– А что станет с людьми? С маминими соплеменниками?

Слова дочери привели Бена в замешательство.

– Ммм… тому, кто купит ферму, понадобятся пастухи, наемные работники, прислуга. О них можешь не беспокоиться. – Он замолчал, отвел глаза в сторону. – Послушай, я думал, ты больше не вспоминаешь маму. Она умерла, а у тебя вся жизнь впереди. Ты уже давно живешь в городе, стала настоящей горожанкой. А когда закончишь колледж, перед тобой откроется весь мир. Ты сможешь преподавать свои танцы в любой стране.

«Там, где тебя не будут чураться, потому что ты кури, вот что хотел он сказать, подумала Джина. – Там, где никому не придет в голову, что твое имя – уменьшительное от Нанджина, что значит Женский Дух Всех Вещей, так назвала тебя мать-аборигенка, которая зачахла и умерла, когда ее оторвали от родной земли и перевезли в город. Но тебе незачем так страдать. Есть много мест на земле, где люди будут считать тебя красивой, экзотичной, особенной – где никто никогда не слышал, чтобы мужчины говорили, что всех черномазых нужно держать за проволокой, что эти скво под любого лягут, а старина Бен – тот по молодости, по глупости сунул свой фитиль в банку дегтя да так прилип, что не оторвать…»

Джина знала, что Бен любит ее. Но он был не в состоянии защитить ее от всего этого, не мог прожить за нее жизнь.

– Я схожу в селение, – спокойно сказала она, – просто поздороваться, может, остался еще кто-нибудь, кто помнит маму.

– Да, но… – Бен явно не знал, что ответить. Впрочем, он всегда шел на поводу у других. – Сразу мы уехать не сможем, мне еще нужно просмотреть счета. Тебе действительно нужно чем-то себя занять, пока я работаю.

– А я-то думал, что об этом позабочусь я! Они и не заметили, как к ним подошел Джон.

Судя по его наряду – джинсовой рубашке, такой же голубой, как его глаза, рваным кожаным штанам и ковбойским сапогам – он был готов к последнему перегону.

– Я подумал, Джина, что тебе захочется съездить к пастухам, раз Бен занят, – сказал он, сверкая от радости глазами. – Нам с отцом придется провести ночь у водопоя, а тебя кто-нибудь отвезет домой. Ехать совсем не далеко.

– Съездить к пастухам? – Джина почувствовала, как у нее запылали щеки. – Вот здорово!

– Съездить к пастухам? Ни в коем случае!

Они видели, что Филипп выехал на своем огромном белом жеребце из конюшни и быстро приближается к ним, однако не ожидали, что он с такой

яростью осадит коня и вступит в разговор.

– Джина этого не хочет! Разве можно тащить юную леди в буш, в компанию к таким хулиганам, как Дасти и прочая компания! – взревел он.

«Филипп не желает подпускать меня к своему сыну», – мгновенно поняла Джина. Джон смутился.

– Извини, Джина, я-то думал, тебе будет весело…

– Мне действительно будет весело, и я хочу поехать, – твердо ответила она. – А хулиганов я не боюсь, я их знаю с детства, и Дасти, и всех остальных.

Джон снова повеселел.

– Тогда все в порядке! Пойду выберу тебе лошадь…

– Не торопись, Джонно. – Голос у Филиппа был жесткий, как гранит, а взгляд и того жестче. – Извини, милая, только не сегодня. У нас много дел, и к водопою мы доберемся лишь к ночи. И потом, стадо нервничает, когда рядом женщина – что уж говорить о мужчинах!

Джон не верил своим ушам.

– Отец, о чем ты?

– Извини, Джонно, это последнее слово. – Он широко улыбнулся Джине. – Я уверен, наша юная леди и здесь найдет, чем заняться. Почему бы тебе не прогуляться в селение, к черномазым? – «Где тебе самое место!» – явно хотел сказать он. – Покажи им танцы, которым ты выучилась в городе.

– Мне незачем учить сельчан танцевать, – с достоинством ответила девушка. – Они умели это делать уже несколько миллионов лет назад.

– Ну тогда ты у них поучись основным движениям.

Джина сжала губы.

– Мистер Кёниг, я учусь танцевать с восьмилетнего возраста.

– Помню-помню, – рассмеялся Филипп. – Я как-то был на твоем концерте, кажется, в школе. Или в лагере черномазых?

Господи, что он делает, зачем все время упоминает о «черномазых»? – с ужасом подумал Джон. Что на него нашло? Стараясь не смотреть на Джину, он еле сдерживался, чтобы не вмешаться. Она не поблагодарит его, если он не даст ей самой постоять за себя!

Бен судорожно вцепился в перила, от напряжения у него вздулись вены на руках, как у боксера перед схваткой. Отец, мысленно вскричал Джон, ты ведь говоришь о его дочери, о его жене, ради Бога, прекрати!

Джина чувствовала, что самообладание начинает изменять ей.

– В сиднейском Театре танца, где я сейчас работаю, есть и чернокожие танцоры.

– Уж если ты говоришь о чернокожих…

Она знала, что Филипп насмехается над ней, но ничего не могла с собой поделать.

– Кури. Аборигены. Выходцы с Островов, всех цветов. А некоторые – эскимо, как я!

Филипп от всей души расхохотался, лошадь под ним испуганно шарахнулась.

– Эскимо?

Джипу уже трясло от гнева.

– Да. Темные снаружи, белые внутри. Рожденные черными, воспитанные белыми.

Филипп чуть не подавился от смеха.

– Берете все лучшее и с той, и с другой стороны?

«Не обращай на него внимания», – сказала себе Джина и обернулась к Джону:

– Думаю, я проведу день с соплеменниками моей мамы. Может быть, они меня чему-нибудь научат, а может быть – я их, кто знает?

Филипп безжалостно дернул за узду, разворачивая взмыленного жеребца.

– А потом снова в Сидней? Такая хорошенькая девушка явно не захочет похоронить себя в нашей глуши.

Она знала, Джон ждет ее ответа.

– Но ведь вы захотели. И Джон тоже.

Филипп махнул рукой.

– Мы мужчины, скотоводы. Нам и быть со скотом. А ты танцовщица, перед тобой весь мир. Ты могла бы работать в Лондоне, в Париже, в Нью-Йорке. Я слышал, в Нью-Йорке много черных танцоров.

Джина глубоко вздохнула:

– Конечно.

Филипп успокоил жеребца, посмотрел ей в глаза.

– Если все дело в деньгах, мы с радостью поможем, не правда ли, Бен? Выделим стипендию, чтобы ты могла учиться, где захочешь.

Лишь бы подальше отсюда, от вашего сына. А то вдруг он заинтересуется девушкой из поселка черномазых…

Какая подлость, подумала она и уже вслух продолжила свою мысль:

– Мистер Кёниг, вы хотите сказать, что заплатите, лишь бы я уехала?

Филипп картинно всплеснул руками.

– Милая! С таким воображением тебе нужно быть писательницей, а не балериной! Каждому свое. Скотоводам место на ферме, а балеринам – в

театре. Скажи, ты тут обнаружила театр? Подумай о Париже, о Нью-Йорке. Говорят, в Нью-Йорке весело!

И Филипп с гиканьем умчался прочь.

Бен задумчиво смотрел ему вслед, сгорбившись, будто став меньше ростом.

Джон дотронулся до руки девушки и почувствовал, как напряжены ее нервы.

– Пожалуйста, не обращай внимания. – Джон пытался делать вид, что ничего не произошло, но это ему не очень-то удавалось. – Отец – прирожденный лидер, он любит помогать людям, руководить ими.

– Мной он руководить не будет!

Джина резко развернулась и чуть не бегом направилась в свою комнату. Она боялась, что разрыдается на глазах у мужчин. «Если в ближайшее время его никто не убьет, – всхлипнула она, – значит, нет на земле справедливости!»

# 7

Без толку.

Все без толку.

Роза сидела за кухонным столом. Остатки завтрака были убраны, кухня вымыта до блеска, противная Элли отправлена до завтра домой. Роза снова приложилась к бутылке и попробовала еще раз.

Если бы она была среди своих – тех, кто работал на ферме и откликался на «Дасти», «Фрэнка» или «Слима», хотя у них были другие имена, всех тех, кто возвращался на ночь в поселок и кому не нужна бутылка, чтобы общаться с духами или скоротать ночь! Но, увы, ей не у кого было искать поддержки.

И вот уже несколько десятилетий она обращалась к своей колоде карт Таро, старинных гадальных карт, стоило ей только почувствовать присутствие духов, почувствовать, что над землей, которую она привыкла считать своей, нависла беда. Как сейчас. Нет, сейчас гораздо хуже. Много разных бед случилось за пятьдесят лет жизни в Кёнигсхаусе, при мистере Филиппе, но ни разу не было так плохо. Высохшие узловатые руки прилежно перетасовали потрепанную колоду; Роза заново разложила карты.

А потом еще и еще раз, снова тасуя и снова раскладывая. И каждый раз одна за другой выпадали те карты, которых она так страшилась. Старая женщина немигающим взором уставилась на нечестивую троицу, сулящую проклятие: Падающую Башню, Повешенного и Скелет с косой – саму смерть.

Отец и сын ехали бок о бок навстречу восходящему солнцу, но мысли их были далеко. Скоро они встретятся со стадом: под предводительством Дасти, аборигена, пастухи уже погнали скот вперед. Джон боролся с доселе не знакомым ему чувством – слепым гневом, причиной которого был его отец.

Филипп первым нарушил молчание.

– Незачем дуться на меня за прошлый вечер. Я только делал вид, что собираюсь продать ферму, – предупредил он Джона. – Я не собирался продавать, просто хотел их прощупать, заставить выдать себя.

Он не понял, печально подумал Джон, он так ничего и не понял.

– Может быть, – произнес он вслух, – но только делать это нужно было

по-другому.

Филипп мгновенно вспылил.

– Думаешь, у тебя бы это лучше получилось?

Джон не повернул к нему головы.

– Ты сам меня спросил, так что я тебе отвечу: да. Прежде всего я попытался бы справиться с нехваткой денег, а не делал бы вид, что ничего не происходит. И я не стал бы посылать куда подальше Бена и Чарльза, ведь если кто и поможет нам выпутаться, так это они.

Даже не глядя на отца, он почувствовал, как тот разъярился.

– Что еще скажешь? – с пугающим спокойствием спросил Филипп.

Джон зашел слишком далеко, чтобы отступать.

– Если ты стараешься отпугнуть от меня Джину, то зря теряешь время. Уж больно она хороша.

Филиппа наконец прорвало:

– Да будь она хоть раскрасавицей, черт ее побери, она ведь кури, неужели ты не понимаешь?!

– Ну и что?

– А то, что с ними можно трахаться, если тебе так хочется, но никак не жениться! Говорю тебе, парень, пока я жив, ты на ней не женишься!

Нервозность всадников передалась лошадям, конь Джона тихо заржал.

– Успокойся, мальчик, успокойся.

Джон наклонился вперед, погладил бархатистую шею вороного, пытаясь тем временем найти нужные слова. Он взглянул на отца и чуть не рассмеялся ему в лицо: покрасневший от гнева, сверкающий глазами Филипп казался карикатурным изображением главы семейства времен королевы Виктории.

– Рановато говорить о женитьбе, отец, когда я не знаю даже, как она ко мне относится. Но можешь не сомневаться: если я полюблю девушку, то буду добиваться ее руки и сердца, а никак не легкой интрижки! – Он глубоко вздохнул и продолжил скороговоркой: – А что касается Джины, то я хочу тебе кое-что сказать. Может быть, мама тебе и не говорила, но когда мне проверяли зрение – давно, еще в школе, – выяснилось, что я не различаю цвета. Я их и сейчас не различаю! Он привстал в стременах и пустил лошадь галопом. Впереди уже виднелось огромное стадо.

На горизонте высился древний баобаб, древний уже в те времена, когда мир был еще юн; темно-серый на фоне заходящего солнца, он служил ориентиром для усталого скота и не менее усталых всадников. Гигантское в обхвате, с толстой, как шкура носорога, корой, чудовищное дерево

простирало над долиной свои длинные ветвистые руки с узловатыми, словно норовящими схватить, пальцами; казалось, оно источало непонятную угрозу.

От нас самих зависит, станет плохое плохим или нет, подумал Дасти, поворачивая лошадь, чтобы вернуть отбившееся от стада животное. Боссу сейчас не помешало бы выпить сладкого сока цветов баобаба, чтобы успокоиться. Он весь день пребывал в плохом настроении, а сейчас стало еще хуже. Ясные карие глаза Дасти украдкой наблюдали за Филиппом – тот скакал справа от него, нещадно погоняя белого жеребца. Казалось, что шпоры врезаются в кусок мяса, а не в живое существо. Дасти покачал головой. Вот сейчас жеребец покажет ему, а заодно и всем остальным задаст жару.

Впереди, за холмом, лежал водопой. Это место таило в себе странное очарование, тем более неожиданное, что вокруг простирался выжженный, шелестящий сухой травой буш. Пустынное плато – страна расколотых валунов, пересохших ручьев, угрожающих выступов скальной породы и изогнутых ветром бутылочных деревьев – полого спускалось к небольшой впадине, образовавшейся у подножия огромной глыбы песчаника. Художники-аборигены, давно уже укутанные саваном тысячелетий, запечатлели на ней священные секреты своего племени. Время и непогода тоже сделали свое дело: искрошили, изрезали мягкий красный камень, оставили причудливые памятники эрозии и разрушений – пещеры и небольшие ниши, однако сама скала оказалась неподвластна времени.

У подножия скалы лежал прудик; несущиеся по небу облака отражались в его зеркальной поверхности. Вдоль берега росли водяные лилии, восково-белые с густо-синим, почти черным; в отдалении в тусклом свете быстро меркнущего дня серебрились огромные эвкалипты. Вот уже пятьдесят тысяч лет это место считалось священным. Холодок пробежал у Джона по спине. Здесь, в обиталище Великого Духа, Отца Всех Вещей, невозможно было не почувствовать свою малость, ничтожность.

Джон глубоко вздохнул. «Надеюсь, и отец это почувствует, – невесело думал он, расседлывая лошадь и отпуская ее пастись. – Боюсь, сегодня без божественного вмешательства не обойтись!»

Однако Филипп весь вечер держался отчужденно, срывая зло на всех без исключения пастухах, а все попытки Джона заговорить с ним встречали яростный отпор. Наконец стадо расположилось на ночевку, люди разожгли костер и приготовили ужин. Атмосфера разрядилась лишь тогда, когда Филипп ушел искать себе место для ночлега. Оставшиеся у костра знали друг друга так хорошо, что могли обходиться без слов.

Вот они сидели перед ним, друзья его детства: Дасти, Слим, Фрэнк и Джеймс, все те, без кого перегон был бы просто невозможен. Рядом расположился Генри, управляющий фермой, школьный друг и ровесник, не мысливший свою жизнь без Кёнигов. Однако даже Генри не решался произнести вслух то, о чем думали собравшиеся у костра: тихий, напевный голос Дасти избавил его от мучительных сомнений.

– Снова мы не угодили нашему хозяину.

Джон смущенно рассмеялся.

– Боюсь, это я ему не угодил, и не сейчас, а значительно раньше. Дело не в том, что мы храпим или чешемся. У него такое кислое настроение, потому что мы… не сошлись во взглядах, скажем так. Слово за слово, как вы говорите. И он все еще пережевывает наш разговор.

Остальные одобрительно молчали. По мнению школьных друзей, единственный недостаток Джона заключался в его покладистости. Видимо, времена меняются.

Извечный проказник Слим, обладатель буйной шевелюры и не менее буйного чувства юмора, озорно рассмеялся.

– Баньипа он не боится?

Упоминание этого австралийского родича лохнесского чудовища вызвало взрыв смеха.

– Чтобы прикончить моего отца, потребуется не только Баньип, но и сам Великий Змей Источника, – рассмеялся в ответ Джон.

Только Дасти не разделял общего веселья. Взгляд его древних, как само время, глаз был устремлен поверх костра, в темноту, где мычали и кружили на месте коровы. Он слышал их беспокойное фырканье.

– Он что-то видел, – сказал Джеймс, указывая на Дасти.

Джон удивленно поднял голову.

– Что видел?

– Не Баньипа, – мягко улыбнулся ему Дасти. Дасти учил Джона ездить верхом, разбираться в тайнах буша и неба над головой, учил, как распознать плохого пастуха, больного бычка или стельную корову. Все самое важное Джон узнал от Дасти. Однако Дасти, умеющий понимать язык всех живых существ на свете, знал больше, много больше того, что мог рассказать белому человеку.

Предчувствия, а вернее сказать, предвидения Дасти не вызывали у Джона ни малейших сомнений.

– Тогда что же? – настаивал он.

– Скот, – тихо ответил Дасти. В отблесках пламени его лицо казалось трагической маской, а глубоко посаженные глаза – озерцами грядущей

беды. – Нехорошо здесь. Стадо беспокоится. Животные чуют духов.

Для всех, кто знал о существовании духа Йови, вестника смерти, зачастую являвшегося животным, ибо люди глухи, это было знаком грядущей беды. Фрэнк и Слим обменялись испуганными взглядами, Джеймс не сводил глаз с Дасти. Атмосфера сгустилась, холодный ветер страха коснулся всех сидящих у костра.

– Да бросьте вы, ребята!

Генри Саффолк – у этого костра только они с Джоном были белыми – вскочил на ноги и подбросил в огонь еще одно полено. Честный, очень земной в своих помыслах и абсолютно лишенный воображения, он больше не мог слушать подобные разговоры.

– Эти чертовы коровы нервничают, потому что знают, что завтра им на рынок, – рассмеялся он. – А еще они знают, что придут туда на своих четверых, а выйдут куском мяса!

Дасти промолчал, прикрыл глаза. Джона слова Генри не убедили.

– Ты думаешь, они знают, что умрут? Как это? Генри пожал плечами. Дасти в своем молчании казался каменным изваянием.

– И все-таки что-то случится, – произнес Фрэнк, обычно самый молчаливый из компании. – Если Дасти видел, Дасти почувствовал, значит, что-то случится.

Еще неделю назад я бы не обратил на его слова ни малейшего внимания, подумал Джон, а сейчас…

– Что-то плохое? – как можно более небрежно спросил он.

Только Слим, похоже, не испытывал тревоги. Серьезные лица вокруг вызвали у него приступ веселья.

– А может быть, что-то хорошее! Женщины приходят сюда, когда хотят иметь детей, чтобы детские духи из воды перешли в них. Босс, может, тебя здесь ждет ребенок!

Мысль о Джине пронзила сердце Джона. «Джина – и дух-ребенок, наш ребенок…» – пронеслось в его голове.

В это мгновение он понял, что безнадежно влюблен в девушку, похожую на грациозного золотисто-коричневого олененка, без предупреждения вошедшую в его дом, в его жизнь.

Влюблен – возможно, поправил он себя, но далеко не безнадежно. Он ей нравился, в этом можно не сомневаться. Осталось всего лишь превратить влечение в любовь.

Он встал и быстро пошел прочь, в темноту. Друзья не обидятся. Светлое будущее раскрывалось перед ним в мечтах. Вот Джина выслушивает его предложение руки и сердца, поднимает к нему свое

нежное личико, раскрывается, подобно тянущемуся к солнцу цветку. А вот уже она – его невеста, вся в белом и с белыми цветами в волосах. Господи, о каких глупостях он думает. Она может быть в чем угодно – в белом, желтом, серо-буро-малиновом, хоть в пластиковом мешке – все равно все женщины в мире ей в подметки не годятся!

А потом – а потом…

Может, пора старику потесниться – в последнее время он вел себя так странно… Джон представил себя хозяином Кёнигсхауса, а рядом – Джину, городская компания продана, треволнениям из-за денег пришел конец, и кругом – только его земля, она всегда принадлежала ему, сколько он себя помнит, земля его и его детей, крепких высоких мальчиков, как он сам и его отец, и золотистых застенчивых девочек, нежных, но с твердым характером, как их мать…

В черном небе зажглись бледные звезды. Нагретая земля источала запах ночи. Никогда еще ему не было так покойно, как сейчас. Внезапно он обнаружил, что рядом с ним стоит Генри.

– Знаешь, Генри, я был бы счастлив умереть здесь, – тихо произнес Джон.

Генри ужасно не любил подобные разговоры.

– Ты собираешься отбросить копыта? Джон шутливо ткнул друга в плечо.

– Не бойся, приятель. Знаешь что? Мы с тобой превратим Кёнигсхаус в самую лучшую ферму в мире.

Генри ухмыльнулся.

– Значит, ты решил, что колледж не для тебя? А ведь твоя мама хотела, чтобы ты учился.

– Что ты, какая учеба, если единственное, чего я хочу – с утра до ночи считать скот! Мое место здесь, а среди книг, кирпича и бетона я бы просто не выжил. – Он помолчал. Так что пусть мой дядя Чарльз разберется с городскими делами, а я займусь Кёнигсхаусом.

Ну-ну, вот и подводные течения появились, подумал Генри, стараясь скрыть удивление.

– Дружище, осталась одна маленькая загвоздка. Как быть с твоим отцом?

– Он свое пожил, – беспечно ответил Джон. – Теперь мой черед.

Глухая черная ночь окутала землю, освещенную лишь тусклым светом угасающих звезд. В костре тлели угольки; спящие лежали тихо, как неживые. И лошади, и скот успокоились. Природа замерла, пульс жизни

замедлился.

Но не все земные создания спали. Тех, кто бодрствовал, кто готовился учинить зло, гнали голод и жажда. Чуть приметно шевельнулись толстые стебли диких лилий – то водяная змея скользнула в прудик, всколыхнула серо-стальную поверхность воды и исчезла. А в буше, окружавшем маленький мирный оазис у источника, тихо сновали ночные хищники, с каждым шагом все ближе подбираясь к своей беззащитной жертве. И среди них двигалось что-то темное, тяжелое, извивающееся, зловещее само по себе, несущее с собой свернутую в кольца, готовую к нападению смерть.

Не больше минуты ушло на то, чтобы отыскать в долине небольшой лагерь, а в лагере – кострище и спящих вокруг него людей. Любой хищник выбрал бы одинокую жертву, большую, крупную, внушительную даже во сне, лежащую в своем толстом спальном мешке вдали от остальных, забывшуюся мертвым сном.

Тихо, как призрак, приближался посланник смерти к намеченной жертве. Еще секунда – и длинные блестящие змеи напали на одинокого спящего.

Филипп видел сны, свои обычные сны о победах, торжестве и господстве. А проснувшись, окунулся в самый страшный кошмар, какой только можно себе представить: его тело не повиновалось ему. Потом пришло ощущение бесконечного беззвучного крика: что-то невидимое закрывало ему нос и рот, он стал задыхаться. Но вот ужасные сновидения кончились, и он ощутил настоящую, невыдуманную адскую боль – острые зубы снова и снова впивались в его беззащитное лицо и шею.

Неужели это сон? Может ли нормальному человеку присниться такое? Он не мог шевельнуть ни ногой, ни рукой, неимоверная тяжесть пригвоздила их к земле. А отчаянное подергивание мышц лишь разъярило нападавших, змеи набросились с новой силой. Яд уже проник в кровь, он почувствовал, что сдается, погружается в небытие.

Последним усилием он попытался освободить руки и ноги, стряхнуть с лица удушающий покров. Его тело изогнулось дугой, и на миг ему показалось, что он видит до боли знакомое лицо и глаза – они являлись ему только во сне. Ты. Филипп знал: то пришла его смерть, и он встретил ее безо всякого удивления.

Подчиняясь страшной силе, он снова откинулся на землю, туманная пелена заволокла его взор, и он погрузился в тот вечный сои, из которого нет возврата.

# 8

Что делать, если не спится, когда Филипп рядом, и не спится, когда его нет? Элен всю ночь ворочалась в постели, то ей было слишком жарко, то слишком холодно, ее изводил воспаленный взгляд луны, одолевали странные мысли. Стоило ей произнести про себя: «Филипп, Филипп, Филипп», – и тревога набрасывалась на нее с новой силой. А стоило ей произнести: «Чарльз…»

«Я тебе позвоню», – сказал он, собираясь сесть в вертолет, но так рассеянно, как будто уже простился с ней. Но почему он именно сейчас так сказал, ведь раньше они общались только через Филиппа, как и положено невестке и деверю. «Я тебе позвоню». Так мог бы сказать любовник. Чарльз.

«Элен, ты не того выбрала!» – воскликнул он в машине.

Ох Чарльз… Мы ведь оба знаем, что не я выбирала, меня выбрали!

Конечно, она не произнесла этого вслух, как и многого другого, что скопилось в ее душе больше чем за двадцать лет молчания. Да, ты увидел меня первым, раньше, чем он, еще тогда, когда я в поисках работы пришла со своим рюкзаком на соседнюю ферму. Да, я осталась там из-за тебя, из-за того чувства, которое зародилось между нами.

А потом…

А потом появился он… Хватит!

Незачем еще раз повторять то, что они и так не забудут до гробовой доски. Когда он появился…

Стоило Филиппу приехать в тот день на соседнюю ферму, и их с Чарльзом юношеская любовь оказалась растоптанной, как будто по ней прошлось стадо коров. Уже через неделю она поселилась в его доме, в его постели, а через месяц он сделал ее своей женой. Потрясенный Чарльз напился с горя и еле выдержал церемонию до конца: он был шафером на свадьбе. А на следующий день уехал из Кёнигсхауса, чтобы начать новую жизнь, открыть собственное дело.

Дело…

Элен откинула скомканную простыню, встала, натянула на себя самую легкую рубашку и джинсы. Чарльз с Беном утверждали, что, если Филипп не примет наконец меры, компанию ждет крах. Пожалуй, ей пора самой разобраться, что происходит.

Еще не рассвело, поместье окутывала предутренняя мгла. Элен с

опаской прошла по обсаженной розами дороге, пересекла овальную лужайку в центре усадьбы. Она шла к конторе, низкому бунгало с красной крышей, точной копии домика для гостей на другой стороне лужайки. Здесь хранились все документы Филиппа, все его старые записи, но был здесь и новейший компьютер, и средства телекоммуникации, без которых невозможно управлять международной компанией.

Контора никогда не запиралась, как, впрочем, и все остальные постройки Кёнигсхауса. Когда же она была здесь в последний раз? Элен так и не смогла вспомнить, ей просто незачем было сюда приходить. Низкая квадратная комната служила и конторой, и кабинетом одновременно, старина соседствовала здесь с современностью, впрочем, как и во всей усадьбе. Элен остановилась на пороге, зажмурилась от яркого света, обвела взглядом комнату: старинный железный сейф, тяжелый дубовый письменный стол, старомодные деревянные шкафы, а рядом – компьютер новейшего образца, терминалы, телекс, тихо жужжащий факс.

Коллекция старинных хлыстов, две армейские сабли и старые фотографии служили украшением стен. Особенно выделялись снимки, сделанные в престижно мужском колледже, учебой в котором Филипп так гордился и в который наотрез отказался послать собственного сына. Элен рассматривала фотографии, и старая обида за Джона снова всколыхнулась в ее душе. Филипп играет в крикет, Филипп на выпускном вечере. На самом видном месте, напротив стола, висела почетная грамота: ФИЛИПП ИОГАНН КЁНИГ, СТАРШИЙ УЧЕНИК. РОКХАМПТОН-КОЛЛЕДЖ, 1948-49.

В углу находился еще один стол, на нем стоял терминал, а рядом лежало несколько папок – здесь вчера работал Бен. Стол Филиппа был абсолютно чист. Отправляясь в буш, он отрешился от всех забот. Каждая вещь в конторе – от охотничьего ружья и хлыста в углу до ее с Джоном фотографии на столе, рядом с коробкой сигар – напоминала о нем. Элен глубоко вздохнула. Господи, здесь даже пахнет им – как будто он только что вышел и может в любую минуту вернуться.

Но даже мысли о Филиппе не отвлекут ее от дела. Конечно, все данные хранятся в компьютере, но должны же остаться хоть какие-то свидетельства того, насколько хорошо или плохо идут дела. Элен подошла к столу Бена, открыла верхнюю папку. Перед глазами заплясали черные буквы и выделенные красным суммы.

На сегодняшний день эта сумма превышает…

Если не будет произведена немедленная уплата…

Сообщаем вам, что наши юристы передают дело…

Таких писем оказалось сорок, если не все пятьдесят. Элен в ужасе открыла следующую папку. Ей хватило одного взгляда на перечень содержимого, выведенный аккуратным почерком Бена. Судебные решения, вынесенные в пользу истца ввиду неявки ответчика, «Кёниг Холдингз», январь – март, апрель – июнь. Ниже лежали ДЕЛА, ПЕРЕДАННЫЕ В СУД. Господи Боже мой, похоже, они задолжали всей Австралии!

«Что он затеял? В какие игры играет?» – гневно подумала Элен.

Подойдя к столу Филиппа, она уселась в его огромное, резное кожаное кресло и стала яростно выдвигать ящики, один за другим.

В верхнем правом лежал большой конверт, она сразу его узнала – много лет назад Филипп показал его ей и объяснил, где искать. «Вскрыть после моей смерти», – было написано на нем. Элен отложила конверт в сторону. Под ним оказались ручки, карандаши, обычные канцелярские принадлежности. Однако были здесь и вещи, какие не часто встретишь в письменном столе: внушительных размеров армейский нож и не менее внушительный пистолет. Она продолжала поиски. Долго искать не пришлось.

Накладные, еще накладные – и счета, счета, счета. Чарльз был прав. Филипп прекрасно знал, как обстоят дела, но делал вид, что ничего не происходит. Больше того, ответственность за случившееся целиком и полностью лежала на нем – судя по датам, счета попадали к Чарльзу и Бену только тогда, когда было уже поздно.

О Господи, Филипп, что ты делал, о чем думал эти последние два года? С левой стороны оставался один ящик. В отличие от остальных он не хотел открываться. Ей пришлось дернуть изо всех сил – сколько же лет его не трогали? В ящике оказались подлетевшие газетные вырезки. Элен сразу поняла, что это такое.

Заголовок статьи подействовал на нее так же, как двадцать пять лет назад, когда она увидела его в первый раз.

ТРАГЕДИЯ В БУШЕ. ЖЕНА КЁНИГА ПОГИБЛА, УПАВ С ЛОШАДИ.

Она неловко достала из ящика вырезки, разложила на столе, руки у нее были холодны как лед, пальцы совсем онемели.

Она могла и не читать статью, потому что и без того помнила в ней каждое слово.

*На этой неделе в Кёнигсхаусе произошла трагедия. Как нам сообщили, жена мистера Филиппа Кёнига, владельца фермы, упала с лошади и разбилась.*

*Смерть тридцатитрехлетней миссис Кёниг наступила мгновенно: ее лошадь понесла, испугавшись королевской коричневой змеи. Дело происходило далеко в буше, мистер Кёниг находился рядом, но не смог предотвратить несчастье.*

*Миссис Кёниг, больше известная своим многочисленным друзьям как Труди, вышла замуж пятнадцать лет назад и с первых же дней стала играть заметную роль в жизни Северной Территории. Миссис Кёниг, уроженка американского Юга, происходила из старинной знатной семьи. Истинная красавица-южанка, душа любой компании, она была достойной спутницей жизни Филиппа Кёнига. Если бы он избрал карьеру политика, Труди Кёниг, без сомнения, оставила бы яркий след не только в жизни Северной Территории, но и всей Австралии в целом.*

Под вырезками лежала тонированная черно-белая фотография. И хотя ее края потемнели и пообтрепались от времени, краски не потускнели. В дверях Кёнигсхауса, вполоборота к камере, стояла спокойная, уверенная в себе женщина. Она улыбалась, подставив лицо солнечным лучам.

Несмотря на палящий зной, ее кожа светилась молочной белизной, а тонкие длинные пальцы указывали на аристократическое происхождение. В полумраке веранды мягко мерцали ее огромные глаза, блестящие волосы и полные алые губы. Рядом с ней стоял мальчик, он обнимал ее за талию, с обожанием всматривался в ее лицо.

Элен снова вернулась к газетной статье, прочла последнюю фразу.

У Труди Кёниг остался тринадцатилетний сын Александр…

Не из-за этого ли ребенка, в одночасье оставшегося сиротой, она полюбила в свое время Филиппа?

Нет, не из-за него. С первых же дней мальчик яростно отвергал ее любовь, мучительно пытался разом стать мужчиной. Иногда на это уходит вся жизнь, а он хотел пройти тяжкий путь за месяц, меньше, чем за месяц. Немудрено, что у него ничего из этого не вышло.

Вторая вырезка тоже должна быть здесь. Да, вот и она.

СЕМЬЮ КЁНИГОВ ПОСТИГ НОВЫЙ УДАР. ЗА СМЕРТЬЮ МАТЕРИ ПОСЛЕДОВАЛО ИСЧЕЗНОВЕНИЕ СЫНА.

*С каждым днем слабеет надежда на то, что сын Филиппа Кёнига, пропавший пять дней назад, все еще жив. Как нам сообщили, последние три месяца – со дня трагической гибели своей матери – тринадцатилетний Александр Кёниг вел себя весьма странно. В прошлую среду он попрощался с домоправительницей, аборигенкой Розой, оседлал коня и поскакал в буш. С тех пор его никто не видел. Массированные*

*поиски не дали никаких результатов.*

*Как нам стало известно, полиция намеревается прекратить поиски, хотя сам Филипп Кёниг, конечно же, не оставит попыток отыскать своего единственного сына. Внезапное исчезновение Александра лишает семью Кёнигов надежды обрести новое счастье. В прошлый вторник тридцатипятилетний мистер Кёниг объявил о своей помолвке с восемнадцатилетней мисс Элен Джексон – последние несколько месяцев она работала на соседней ферме. Свадьба должна была состояться в ближайшее время. Вчера мистер Кёниг обошел молчанием данный вопрос.*

*** * ***

Алекс.

Эта рана все еще кровоточила.

Откуда взялась ее уверенность в том, что стоит ей выйти замуж, и она сможет завоевать любовь мальчика, его доверие? Как она могла поддаться безумной настойчивости Филиппа и не заметить боли, страха и упрека в горящих детских глазах?

Это из-за нее ребенок пропал в буше. Безумная любовь Филиппа сменилась безумным горем, и лишь она могла его исцелить. Вот чем обернулся для нее брак – не любовь выпала на ее долю, а бесконечное утешение сильного, измученного мужчины, врачевание его ран, его ярости и боли, утоление его желаний.

Филипп.

Казалось, он находился здесь, рядом…

Сердце Элен разрывалось от жалости и боли.

Филипп, почему так получилось? Я знаю, ты много натерпелся из-за Труди. Но я-то за что страдала? Извини, Филипп, но теперь все кончено.

Открылась дверь, в контору тихо вошла Роза. Вместе с ней ворвался сильный запах перегара. Видно, у нее опять была плохая ночь.

– Горит свет, – произнесла она. – Два, три раза поздно ночью здесь горит свет – и никого нет.

Наверно, она грезит, устало подумала Элен, вытирая платком глаза, или просто пьяна.

– Мне нужно было кое-что посмотреть, – произнесла она.

Взгляд Розы вобрал в себя и вырезки с фотографией на столе, и лицо хозяйки.

– Что бы ни искал, всегда найдешь ее, – пробормотала домоправительница. – Она здесь, она все еще здесь.

– Кто все еще здесь?

– Миз Труди. Она никуда не уходила.

Она права, подумала Элен, мы с Филиппом так и не смогли от нее избавиться.

Как и от Алекса.

Поневоле поверишь в привидения.

Может быть, они наконец нашли друг друга, мать и сын? Может, они нашли друг в друге последнее утешение, где бы ни блуждали их души?

Роза все еще что-то бормотала.

– Она придет. Сегодня.

Наверно, ослышалась, подумала Элен.

– Роза, что ты сказала?

– Вернулась, – убежденно пробормотала Роза. – Миз Труди вернулась.

Элен стало жутко.

– Вернулась? Зачем?

Она и сама знала, каков будет ответ. Существовала только одна причина, один человек.

– Она вернулась за мистером Филиппом, – выдохнула Роза.

# 9

Через час Филиппа привезли. Группа всадников неспешно доставила закрепленные между лошадьми, качавшиеся из стороны в сторону самодельные носилки с его грузным телом.

Явома, явома ялдении нонгома муртанна, оурака мантанекин, вана ма нанудагабалариа… Вернись, вернись, кричит жена, подожди меня, почему ты меня не подождал…

Элен услышала причитания Розы, и ее захлестнула волна страха и отчаяния. Она выбежала на веранду, увидела, как поднимают на носилках ослепшего, извивающегося, кричащего Филиппа. Одно-единственное мгновение, и вся ее жизнь разлетелась вдребезги.

Элен не раз представляла себе, как это будет, – так поступают многие женщины, чьи мужья значительно старше.

Ей казалось, что она сумела подготовиться. Оказывается, к этому не подготовишься, даже проживи Филипп еще целую жизнь.

– Миссис Кёниг?

Это был Дасти. Удивительно, какие не по возрасту мудрые глаза у этого молодого человека. Он неловко указал на носилки.

– Скажите куда?

– Сюда, – ответила она. – Несите его сюда.

Рядом стоял Джон, совсем уже взрослый мужчина, в глазах его затаилось детское недоумение и растерянность.

– Змеиный укус, – глухо произнес он. – Скорее всего, королевская коричневая. Генри уже связался с авиамедслужбой.

«Но уже слишком поздно», – подумали оба.

«Не плачь», – тупо повторяла Элен про себя. Это все равно ничего не даст. Однако слезы сами собой катились по щекам. Казалось, сердце у нее истаивает от горя. Филипп, ох Филипп…

Она страдала вдвойне: и как жена, у которой умирает муж, и как мать, на глазах у которой страдает сын. Джон был бледен как смерть и еле держался на ногах. Его сил хватило лишь на то, чтобы объяснить, что произошло.

– Мам, я не знаю, что делать, – прошептал он. Мертвая красная пустыня все так же плавилась в жарком мареве. Что значит одна смерть по сравнению с пятьюдесятью, ста, двумястами тысячами лет? Духи этой земли видели столько рождений и смертей. «Но не таких, как эта, –

всхлипнула Элен, – не таких».

– Плохо дело, вот что я скажу!

Маленький подвижный доктор повидал на своем веку много смертей. Как и для большинства врачей, смерть для него была явлением естественным. Прожил, скажем, человек долгую жизнь и почил с миром или так страдал, что смерть явилась долгожданным избавлением – такую кончину можно понять и принять.

Но это! Человек в самом расцвете сил, а смерть набрасывается на него так неожиданно, да еще какая ужасная: голосовые связки парализованы, глаза закатились, мышцы напряжены, как стальные канаты, будто несчастный все еще отбивается от нападающих…

Доктор гневно повернулся к измученным мужчинам, окружившим носилки, поставленные на принесенные со скотного двора козлы.

– Филипп Кёниг всю жизнь провел в буше. Как могло случиться, что королевская коричневая змея вдруг напала на него?

Все молчали.

Слышались лишь хрипы умирающего, вскоре прекратились и они.

Какой он хорошенький, ну просто красавчик, потрясающий красавчик. А если еще в глазах у него заиграют огоньки, любая девушка пойдет на что угодно.

Тяжело вздохнув, горничная закрыла дверь домика и поплелась по своим делам. Конечно же, он знал, что в мотелях не бывает обслуживания в номерах – в таких мотелях, разумеется! Разве что где-нибудь в дальних странах. Но не здесь, не в самом сердце Северной Территории. Здесь путешественники рады уже тому, что есть, где остановиться. А мотелю «Счастливая долина» (владелец Е.Г.Гиббонс) при всем желании далеко до сиднейского «Ритца».

И он знал, что она всего лишь горничная: когда он приехал и произнес со своей потрясающей улыбкой «Привет!», она как раз убирала в соседнем домике.

Так что он прекрасно знал, что она не имела никакого права стучаться утром в его номер: «Вы уж-з-втрака-ли? Это входит в оплату номера. Принести чт-н-будь из бара?»

Ей просто нужно было снова его увидеть. Когда он открыл дверь, то совсем не удивился. Только усмехнулся и уставился на нее своими черными блестящими глазами. Она почувствовала, что краснеет, и потупилась.

– Принести что-нибудь? – переспросил он, окинув ее тело

оценивающим взглядом. Этот взгляд обжигал, как горячий душ. – Боюсь, мне ничего не нужно. – Его изящная загорелая рука прошлась по темным блестящим волосам. Он ухмыльнулся: – Если только…

Если только… Она таяла от одного звука его голоса. Если и есть в мужчинах что-то такое, отчего женщины жаждут их, то ему этого отпущено во сто раз больше. А Филу Гиббонсу не отпущено совсем, удрученно подумала она, припомнив потные руки, короткие ножки и пивное брюшко своего нынешнего хряка.

Если?..

«Неужели я осмелилась произнести это вслух?» – подумала горничная, поднимая на мужчину глаза. Прийти к постояльцу и вести себя так развязно – этого вполне достаточно, чтобы в два счета вылететь с работы, уж такие порядки завел в своем мотеле старый дурак Гиббонс, пуританин до мозга костей в отличие от своего сыночка, похотливого, как кенгуру во время течки.

Но это не просто постоялец! Восхитительное тело, упругое и в то же время расслабленное, широкие плечи и узкие бедра в самых что ни на есть сногсшибательных брюках, какие ей довелось видеть. Он двигался с непринужденной грацией, но в нем чувствовались и властность, и высокомерие.

Ему было чем гордиться. Девушка мысленно перечислила его достоинства. Густые блестящие волосы с выгоревшими на солнце прядями, потрясающий профиль, классическая линия подбородка, взгляд, как у охотничьего сокола, в глубине которого, даже когда он улыбается, прячется что-то темное; умелые руки… | Она представила, как эти руки ласкают ее грудь, и чуть не застонала.

– Если? – с усмешкой повторил гость. Он прекрасно знал, что горничная имеет в виду, как знал и то, что она преподносит себя на блюдечке, это было видно по выражению его лица. Она поняла это и по тому, как он скользнул рукой по ее плечу. – Ах да. Если только мой счет. Мне нужно уезжать.

Остальные слова доносились до нее как сквозь туман. Он здесь проездом, по очень важному делу, такое печальное событие, приехал издалека, да здравствует «Квантас», основная австралийская авиалиния, иначе он бы мог опоздать.

Сквозь дверь ей было видно, что на постели разложены строгий пиджак отличного покроя, белая рубашка и черный галстук. Она печально кивнула. Если бы он приехал раньше… если бы у нее было больше времени… если бы он увидел ее, когда она принарядится, а не в этом

идиотском комбинезоне и грязном белом фартуке.

Если…

По крайней мере, ей будет о чем помечтать сегодня ночью, когда Фил Гиббонс взгромоздит на нее свою тушу и начнет без толку барахтаться, сопя и отчаянно потея – хряк, он и есть хряк. Она может помечтать об этом загадочном постояльце и представить себе, что она с ним. А он действительно загадочный, она знает только его фамилию. Он даже адреса не оставил в книге регистрации, лишь написал: «проездом»…

– Мой счет…

Горящие темным пламенем глаза с пляшущими в глубине искорками рассматривали ее с явным удовольствием. Она отчаянно покраснела, постаралась взять себя в руки.

– Да, конечно, ваш счет – я сейчас же им скажу. Он будет готов к вашему отъезду, мистер Кинг.

Боже милостивый, когда же он в последний раз надевал костюм? Джон исчертыхался, пока натянул на себя пиджак и брюки. Можно подумать, что это смирительная рубашка, пусть и хорошего покроя. Жесткий воротничок белой сорочки так врезался в шею, словно грозил перерезать ее совсем. Наконец, последняя изощренная пытка – нужно приладить черный галстук.

Теперь понятно, что такое невесомость, подумал он, выходя из комнаты. Он спустился по лестнице, и ноги сами понесли его налево, в заднюю часть дома – сейчас у него не было сил идти в гостиную, где уже собрались приехавшие на похороны. Люди стекались со всего округа, добирались до фермы на машинах, на вертолете, на маленьком самолете. Все они хотели отдать последнюю дань уважения Филиппу Кёнигу.

А душа Джона восставала против многолюдных похорон. Отец, будь моя воля, думал он, утирая слезы, тебя провожали бы лишь мы с мамой, Чарльз, Бен, Джина и Роза, и мы положили бы тебя на высоком холме в буше, ты ведь всегда любил спать под открытым небом. Я бы ни за что не упрятал тебя под плитами этой чертовой часовни, где единственной твоей компанией будут старые кости!

Джон вышел на улицу, увидел конюшни, и боль утраты навалилась на него с новой силой. Кайзер, огромный жеребец Филиппа, стоял в деннике, понуро опустив голову. Так плохо может выглядеть только некогда любимая хозяином, а теперь всеми забытая лошадь. Лоснящаяся белая шкура коня потускнела, взор потух. А судя по тому, как он скалил желтые зубы и прижимал уши, его и без того тяжелый характер сильно ухудшился за неделю, прошедшую со дня смерти Филиппа. Нужно будет прогулять его,

дать размяться, взаперти он совсем с ума сойдет, подумал Джон. Скорее всего он меня сбросит и покалечит, и не только из-за буйного темперамента. Вполне возможно, что он не признает другого хозяина. Но я обязан попробовать, это мой долг перед ними обоими.

Джон слишком хорошо знал норовистого жеребца, чтобы подойти и погладить его, он лишь сказал ему несколько ласковых слов, обогнул конюшню и стал ждать, когда появится траурная процессия. В этот момент Элен вышла из дома и по центральной дорожке направилась к зданию конторы. Интересно, что ей там нужно? Джон пересек лужайку и тихо вошел за матерью следом.

Элен стояла у сейфа и поворачивала ручки, пытаясь услышать щелчок. Она так увлеклась, что не услышала шагов сына. Он подошел к ней почти вплотную.

– Мам, что ты делаешь?

Она резко обернулась, прикрыла рот рукой, чтобы не закричать, а затем виновато проговорила:

– Джон! Я думала, ты в доме!

– Что случилось? – Элен покачнулась, Джон едва успел ее поддержать. – Тебе помочь?

Элен постаралась взять себя в руки.

– Нет, дорогой, не беспокойся. В доме все заняты приготовлениями, и я решила, что сейчас самое подходящее время… я подумала… словом, из банка должен приехать мистер Карри, и я решила, что нужно посмотреть, нет ли копии завещания, а заодно и каких-то других бумаг, чтобы знать… – Она замолчала.

Джон удивленно потряс головой.

– Но ведь мистер Карри душеприказчик, у него точно должна быть копия.

– Конечно. – Элен заставила себя улыбнуться. – Видишь ли, я подумала, что могут оказаться и другие… ты ведь знаешь, каков был Филипп…

Бедная мама, опечалился Джон, сама не знает, что говорит.

– Разве ты не помнишь, папа сказал, что только одно-единственное завещание имеет силу, – мягко произнес он.

Элен кивнула.

– Да, самое последнее. По которому все остается тебе. Я уверена, нам не о чем беспокоиться.

Джон неловко погладил мать по плечу.

– Послушай, чтобы открыть сейф, нужно знать шифр. Скорее всего он

в том конверте – который «вскрыть после моей смерти». Там, где номера банковских счетов и все такое. Это должен быть шестизначный номер, у всех старых сейфов такие. Конверт лежит в моей комнате. Приходи за ним, когда хочешь.

– Нет-нет, дорогой, все в порядке. Я не думаю, что там лежит что-то важное, по-моему, его не открывали с того момента, как умер отец Филиппа. У него уже давно компьютер, а там пароль, сам знаешь. Нужно будет узнать у Чарльза или у Бена.

Они вышли из конторы и присоединились к гостям.

«Тебе не о чем беспокоиться, – повторяла про себя Элен. – Филипп явно обо всем позаботился. А ты сумела узнать кое-что новое: тебе нужен шестизначный код. Но как глупо ты попалась, в следующий раз нужно быть осторожнее!»

# 10

Полуденное солнце нещадно палило, ветер поднимал клубы пыли. Аборигены собрались во дворе, чтобы попрощаться со своим хозяином и облегчить его душе переход в Великое Царство Снов, где она и будет отныне пребывать. Одна из женщин обхватила голову руками и запричитала, остальные постепенно присоединились к ней.

Ниннана комбеа, иннара ингуна каркания… О Великий дух. Отец Всех Вещей, дубы вздыхают и плачут, эвкалипты роняют кровавые слезы, ибо тьма поглотила твое создание…

А в доме собрались все, кто знал Филиппа, чтобы отдать ему последние почести. Элен машинально приветствовала гостей, их лица проплывали мимо нее как в тумане: местные фермеры, скотоводы, пастухи, все те, с кем общался ее муж во время своих наездов в городок… Оказывается, у многих людей был повод благодарить Филиппа.

– Миссис Кёниг, он был прекрасный человек, один из самых лучших, – перед ней стоял высокий широкоплечий мужчина в легком костюме цвета хаки, форме местной полиции. – Мы с Роско – вот он рядом – всегда будем помнить, каким щедрым человеком был мистер Филипп. По отношению ко всем нам, полицейским. Никогда не забывал сделать пожертвование в Фонд вдов и сирот, скажи, Роско!

Напарник печально кивнул.

– Джордж прав, мы будем часто вспоминать мистера Кёнига, он всегда просил нас присматривать за вашей фермой, хотя здесь ничего и не случалось, так хорошо он вел дела, правда, Джордж?

– Спасибо, Джордж… спасибо, Роско… Спасибо, вы очень добры… спасибо, что смогли прийти…

Казалось, этой пытке не будет конца. Наконец ей сообщили, что все готово к началу службы. Люди медленно потянулись к выходу, в скорбном молчании пересекли лужайку, миновали здание конторы и вышли к небольшой каменной часовне. Сквозь стрельчатые окна внутрь проникали жаркие солнечные лучи, высвечивая гроб и танцующие в воздухе пылинки. В полумраке холодно белел покров алтаря, мерцали восковые свечи. Своей изящной простотой часовня порадовала бы сердце самого Лютера.

Перед алтарем было поднято несколько каменных плит. У Джона – он шел во главе процессии, поддерживая Элен под руку, – защемило сердце при виде зияющей черноты провала. «Тебе здесь не место, отец! –

беззвучно вскричал он. – У тебя над головой должно быть чистое небо и звезды!»

Гроб установили на тех самых козлах, на которых Филипп испустил дух, только теперь он покоился, по выражению хозяина местного похоронного бюро, «с миром».

Однако закатившиеся глаза все не хотели закрываться, и никакая косметика не могла скрыть страшные следы укусов, обезобразившие лицо и шею покойного. Как и все присутствующие, Филипп был обряжен в непривычный костюм с галстуком, а его огромные руки, теперь белые и застывшие, как и лицо, были сложены на груди. «Это не Филипп! – Вот все, о чем думала Элен, подходя к гробу. – Это не тот человек, которого я знала! – У нее ком застрял в горле. – Господи, что они с ним сделали! Он ни за что не скрестил бы так руки! Он не верил в Бога, он был сам себе и Богом, и дьяволом!»

Джон по-прежнему поддерживал ее под руку. Чувствуя на себе чужие взгляды, Эллен наклонилась, чтобы в последний раз поцеловать мужа. Она знала, что щека будет холодной, но что еще и липкой, будто покрытой холодным потом, – нет. Она с трудом подавила дрожь и, поднимая голову, увидела глаза умирающего Христа – над алтарем висело старинное распятие. Христос взирал на нее не то с состраданием, не то с презрением.

Где же Чарльз?

Элен позвонила ему, опередив и Джона, и Бена, и управляющего фермой, на плечи которого легла печальная обязанность извещать о смерти хозяина. Она была рада избавиться от необходимости самой звонить и посылать телеграммы. Но сообщить Чарльзу – ее долг.

– Что? Как это случилось?

Он задавал вопросы так спокойно, как будто эта новость его совсем не удивила. Он просто не может поверить услышанному, успокоила себя Элен.

– Змея. Укус змеи. – Она заплакала.

– Не плачь, пожалуйста, не плачь. Мне предстоит много дел, но я постараюсь приехать как можно скорее. – По голосу было слышно, как Чарльз опечален, но не ужасной смертью Филиппа, а тем, что она плачет.

И вот теперь он стоял рядом с ней, в темном костюме, как Джон, и мрачный, как сама смерть. Сегодня никто не назвал бы его красивым, его лицо являло собой маску яростной отрешенности – казалось, он надел ее вместе с трауром. Чарльз прилетел из Сиднея несколько часов назад, и с тех пор ни с кем и словом не перемолвился.

Чуть поодаль преклонили колени Бен с Джиной. Бен уронил голову на руки и пытался молиться. За последнюю неделю он осунулся, постарел лет

на десять. Все это время он проводил в конторе, явно избегая общения с кем бы то ни было. Черный цвет потрясающе шел Джине. Похоже, события прошедшей недели никак не отразились на ней, изумился Джон. Сейчас не время думать об этом, но после похорон…

В церкви их уже ждал прилетевший на вертолете священник, усталый служитель Господень, отвечающий за этот позабытый Богом уголок земли.

– Миссис Кёниг, скажите, когда можно начинать, – тихо произнес он.

Джон посторонился, пропуская Чарльза на первую скамью, усадил рядом с ним Элен и кивнул священнику. Падре мог и не заглядывать в старую, тисненную золотом Библию, которую он держал перед собой в раскрытых ладонях. Его проникновенный голос доносил знакомые слова до всех присутствующих в храме.

*Я – воскрешение и жизнь, молвил Господь. Короток век человека, рожденного женщиной, и близок тот миг, когда обнажатся сердца и все тайное станет явным, и наши души предстанут перед тобой, Господь наш, нагими, как при сотворении мира…*

*…когда не было ни гор, ни земли, ни вселенной, от вечности до вечности ты один был Бог. И теперь ты возвращаешь сына человеческого праху, из которого он вышел, пока Змей не обрек его на смерть вечную. Ты скажешь ему: «Сын Адама, предстань пред Господом твоим, и он вдохнет в тебя жизнь вечную, и будешь следовать ему…*

Священник внезапно замолк. Элен почувствовала па себе чей-то взгляд, буквально прожигавший насквозь белую батистовую блузку, надетую ею сегодня с траурным костюмом из черного льна. Она повернула голову, посмотрела туда, куда был устремлен удивленный взгляд падре.

В дверях часовни, на фоне ослепительного солнечного света, темнел силуэт высокого, хорошо сложенного мужчины. Копна блестящих волос обрамляла словно вылепленное по классическим канонам лицо, тронутое легким городским загаром, с волевым подбородком и ясным, безмятежным взглядом – этот человек мог бы зарабатывать себе на жизнь, позируя перед камерой. Его картинная небрежность граничила с профессионализмом. Яростные лучи полуденного солнца окружили его голову сверкающим нимбом. Казалось, то сам Люцифер перед грехопадением.

Здесь, в этом районе Северной Территории, где чужаки были таким же обычным явлением, как зубы у кур, да еще на этой церемонии, где присутствующие знали друг друга с рождения, появление марсианина не вызвало бы большего изумления. Все головы повернулись в сторону незнакомца. Черт возьми, кто это такой?

Мужчина смущенно улыбнулся и сделал шаг вперед. Элен будто

приросла к скамье.

– Друзья, извините, что помешал, – просто произнес незнакомец. Казалось, он обращался только к ней. Голос у него был приятный. – Но я малость заблудился, пока добирался сюда из города. Знаете ли, я давненько здесь не был.

Элен не решалась поверить собственным глазам. Позади нее охнула, будто застонала, Роза. Чарльз выглядел так, будто увидел привидение.

Незнакомец обворожительно улыбнулся.

– Но я обязан был прийти. – Он помолчал. – Я…

– Мы знаем, кто вы. – Элен встала и спокойно направилась ему навстречу. Она столько лет мечтала об этом, столько слез пролила, просыпаясь после сладостных снов, и вот теперь ее мечта сбылась. Она подошла к нему, взяла его за руку и, собравшись с духом, закончила: – Добро пожаловать. Добро пожаловать домой, Алекс.

# 11

Добро пожаловать домой, Алекс.

Снова зажурчал голос пастора: «…Ибо человек рожден на страдание. Он расцветает, подобно цветку, и вянет под палящими лучами солнца; он проходит, как тень, и нет его».

Сцепив руки за спиной, Джон смотрел на потемневшее от времени распятие и старался задавить в себе кощунственные мысли.

Господи Боже!

Потерять отца и обрести родного брата – и все в одну и ту же неделю! Что это, мрачная шутка высших сил?

Элен успокаивала плачущую Розу и одновременно пыталась совладать с трепетной радостью и страхом, переполнявшими ее сердце: Алекс!

Священник невозмутимо продолжал службу: «В разгар жизни нас настигает смерть…» А в смерти – новая жизнь. Новый Кёниг.

Джон чуть не рассмеялся от изумления. Он всю жизнь был единственным ребенком, а тут, будьте любезны, родной брат… Такого просто не может быть!

«Человек – это трава, цветет, как полевой цветок, но подует ветер, и нет его, и земля, где он рос, не помнит его».

Священник склонил голову и отступил назад. Панихида закончилась. Появились служители. Умело подхватив гроб, они осторожно опустили его в проем. Члены семьи машинально собрались вокруг ямы, чтобы бросить вниз символическую горсточку сухой красной земли.

«Земля к земле, кости к костям, прах к праху; именем Господа нашего Иисуса Христа да пребудет жизнь вечная, аминь…»

Наконец все кончилось. Скорбящие медленно, стараясь соблюдать приличия, двинулись к дому, однако не в силах были сдержать возбуждение. Объяснения Джону пришлось взять на себя – Элен была слишком ошеломлена случившимся.

– Друзья, думаю, вы уже догадались, что произошло. Сегодня объявился прежний сын отца… – Он смущенно замолчал. – Я хотел сказать, сын его прежней жены – извините, первой жены. Сами понимаете, нам нужно многое… наверстать. Еды и питья вдоволь, пожалуйста, не стесняйтесь. Надеюсь, вы извините нас, если мы устроим поминки в узком семейном кругу. Спасибо, что пришли. Большое всем спасибо.

– У тебя хорошо получилось. Надеюсь, я тебя не обидел этим замечанием…

Дело происходило уже в кухне. Оказывается, незнакомец обращался не к Элен и не к Чарльзу, а к нему, Джону, протягивал ему руку.

– Знаю, это совсем не просто, я свалился вам на голову, сам видишь… – неловко, но с подкупающей искренностью произнес Алекс. – О смерти отца я узнал из газет, и ничего лучшего придумать не смог.

Слышались тихие причитания Розы. Чарльз как-то странно рассмеялся.

– Правил на этот счет не существует. Придется нам самим их разработать.

К Алексу подошла Элен, глаза у нее были неестественно расширены.

– Где ты был? Откуда приехал?

– Газету я увидел во Франции, в Париже. Я всегда покупаю австралийские газеты, где бы ни был. Но чтобы вылететь сюда, мне пришлось вернуться в Лондон. Еле-еле сумел добыть последний билет, пришлось подкупить чуть ли не всех служащих «Квантас». – Гость невесело рассмеялся.

– А что было раньше? – настаивала Элен. – Алекс, где ты был?

Рассказ занял много времени. Роза приготовила всем кофе, а мужчинам принесла более крепкие напитки, при этом она не спускала с Алекса глаз, как будто стоило ей отвернуться, и он исчезнет. Алекс оказался хорошим рассказчиком. Перемежая свое повествование то горьким смехом, то довольной улыбкой, временами картинно обхватывая голову руками, он изложил им историю своего бегства и скитаний.

– В ту ночь я уехал значительно дальше, чем можно было ожидать от тринадцатилетнего мальчишки. Потом отдал лошадь какому-то старому нескладехе, но при условии, что он спрячет ее, на пару недель, а если возникнут вопросы, то сделает вид, что ничего не знает. А сам отправился в путь. – Глаза у Алекса сверкали. – Если хочешь затеряться, лучше Австралии страны не найти. В ней полно сирот. Я довольно быстро разобрался.

– В чем разобрался? – ошеломленно переспросил Джон.

Алекс рассмеялся, беспечно пожал плечами.

– В том, что нужно, чтобы выжить.

Да, он знает, как завоевать симпатию, холодно подумал Чарльз. Понятия не имею, чему еще он выучился за те двадцать пять лет, что провел в бегах, но как очаровывать дам – это он знает хорошо.

Неотразимый Алекс Кёниг, он же несчастная сирота. Только этого нам, черт возьми, и не хватало!

Чарльз посмотрел на Элен. Бог мой, с какой жадностью ловила она каждое слово найденыша, будто он ее сын, а не Филиппа! Впрочем, в какой-то мере так оно и было. Однако ему придется доказать, что он достоин быть членом семьи. Нельзя же так, вдруг заявиться из буша – этакий повзрослевший пропавший ребенок, ах да, еще с глазами Труди, с улыбкой Труди, с телом молодого Филиппа – и сказать: «Привет, друзья! Вот я и дома!»

– Чтобы выжить? – перебил Чарльз новоявленного племянничка. – Судя по тому, что ты говоришь, тебе удалось не только выжить. Париж? Лондон? Что все это значит?

Алекс ответил дяде бесхитростным взглядом.

– Я занялся туристическим бизнесом, – пояснил он. – Вполне естественное решение, если сам хочешь путешествовать, а я хотел. – Во взгляде Чарльза все еще читался вызов. Алекс отвел глаза. – И все сложилось наилучшим образом, – скромно добавил он. – По крайней мере, до сего дня.

Элен обвела взглядом присутствующих. Джон зачарованно слушал Алекса, не в силах отвести глаз от его отлично сшитого костюма явно европейского покроя, от его модной стрижки. Да и сам Алекс пришелся Джону по душе – еще бы, он ведь так старался понравиться!

– Послушайте, я хочу, чтобы вы знали, я никому не собираюсь мешать. Я хотел отдать последний долг, вот и все, – неожиданно изрек Алекс и принялся рассматривать свои руки. Казалось, он подыскивает слова. – Я все собирался приехать и помириться с отцом, можете мне поверить.

Он обернулся к Элен:

– И с вами тоже. Я не думал, что он… что все получится вот так. Я думал, у меня еще много времени. – Голос у него охрип. – Я хотел заработать свой первый миллион и только тогда приехать. Чтобы произвести на отца впечатление. Чтобы он мог гордиться мной.

Джон порывисто наклонился вперед, протянул руку.

– Он бы гордился тобой, приятель, можешь не сомневаться! – Братья обменялись рукопожатием.

– Послушай, – продолжал Джон. – Я ничего не знаю о прошлом, потому что меня тогда не было. Но я знаю, что отец не ладил с братом и до последних дней отравлял ему жизнь, правда, Чарльз?

Чарльз кивнул; его холодной язвительной улыбки Джон не заметил.

– Вот что я тебе скажу: теперь, когда у меня появился брат – пусть и

сводный – я не допущу, чтобы у нас с ним были плохие отношения! Мы начинаем с чистой страницы и начинаем по всем правилам. Кёнигсхаус в твоем распоряжении. Если тебе что-то понадобится – тебе нужно лишь попросить. Или взять самому! – Он поднял голову, обвел глазами членов семьи. Сейчас он очень походил на Филиппа. – И пока мое слово хоть что-нибудь значит здесь, так оно и будет!

Все одобрительно молчали.

Тишину нарушил насмешливый голос Чарльза.

– Для начала не мешало бы послушать мистера Карри.

Про него совсем забыли.

– Карри? – удивленно переспросила Элен.

– Управляющий банка, из города. По поводу завещания. Думаю, он уже готов побеседовать с нами.

– Он в столовой, – вступила в разговор Роза. – Часа два, три, может, больше.

Общий смех помог разрядить обстановку.

– Пора и нам перейти туда, – твердо произнесла Элен. – Алекс, к тебе это тоже относится. Ты теперь член семьи!

Господи, как он ненавидел все это!

Вечно ему приходится выполнять за других грязную работу. Кажется, он числится управляющим банка, а не прачкой, а приходится иметь дело с грязным бельем! Ничего не поделаешь, вздохнул Карри, в сотый раз вытирая пот со лба. Сорок лет Филипп Кёниг являлся клиентом банка, хорошим клиентом – собственно, банк и был создан на деньги Кёнигов. Так что пока существует Кёнигсхаус, какая разница, кто из Кёнигов у руля? Так было, так будет.

Все они собрались перед ним за обеденным столом. Вдова Элен, элегантная даже в трауре; Чарльз, брат Филиппа, юный Джон, измученный заботами счетовод Николс, или как его там, его дочь-полукровка, хотя одному Богу известно, что она здесь делает, и сам таинственный незнакомец, давно пропавший братец. Когда произошла эта трагедия, Карри еще здесь не работал. Но кто же из жителей Территории не слышал о несчастном заблудившемся ягненочке.

А может быть, паршивой овце, поправил он себя, с интересом разглядывая смуглого, красивого, пожалуй, немного вульгарного мужчину лет тридцати восьми – сорока, спокойно, как у себя дома, расположившегося во главе стола.

Карри вздрогнул.

Как у себя дома?

Если вдуматься…

– Мистер Карри, надеюсь, все здесь вам знакомы? – спросила Элен. Какой приятный у нее голос, подумал Карри, так бы весь день его и слушал. – Пожалуй, кроме моего… моего пасынка, Александра Кёнига.

Это у нее хорошо получилось, отметил Алекс, очень трогательно, да еще этот теплый взгляд в сторону блудного сына, вот он, мол, к вашим услугам. Похоже, она милая женщина.

И выглядит что надо. Ему незачем было ощупывать взглядом ее тело, длинные, стройные ноги, упругую грудь и полные бедра, он и так знал, что увидит. А знаешь, парень, она очень ничего, сказал он себе. Да, ей за сорок, но никто бы не выкинул ее из своей постели. Старик всегда хорошо устраивался, этого у него не отнимешь. В женщинах он знал толк. Надеюсь, она легко проникнется симпатией к бедному мальчику. Давненько я не наслаждался домашним уютом. Кёнигсхаус задолжал мне, они все задолжали мне…

Его внимание привлекло движение на другом конце стола. Он улыбнулся. А вторая-то, маленькая «эскимо» – чч-ер-рт! Вот это лошадка…

Свой оценивающий взгляд Алекс постарался замаскировать улыбкой – открытой, дружелюбной, но не слишком фамильярной. Еще мгновение, и он весь превратился во внимание. Карри заговорил.

– Все готовы? Элен кивнула.

– Думаю, что да. Карри откашлялся.

– Вы уверены, что хотите заняться этим именно сегодня? Учитывая последние события…

Элен нерешительно обернулась к Чарльзу. Он нагнулся к ней, похлопал по руке и обратился к сидящим за столом:

– Я никого не хочу принуждать, однако мне кажется, что все мы находимся в некотором напряжении, и чем скорее мы покончим с этим вопросом, тем лучше. – Он обернулся к Джону: – Согласен?

Джон ответил, не задумываясь. Бедный старина Чарльз! Когда существует угроза остаться без единого шиллинга, поневоле захочешь решить все как можно быстрее. Сейчас так сейчас. Он кивнул.

– Согласен.

Карри взял в руки лежавший перед ним документ и стал читать.

– Завещание Филиппа Джона Кёнига…

– Извините, что перебиваю, – Джон провел рукой по лбу. – У нас был очень тяжелый день. Не могли бы вы перейти сразу к самой сути?

Карри поджал губы.

– Принято читать подобный документ целиком, особенно когда наследуемое состояние так велико. Кроме того, как вам хорошо известно, в разные годы жизни мистер Кёниг составил несколько завещаний. Этот окончательный вариант доставлен нам совсем недавно, хотя мы знали, что мистер Кёниг собирался пересматривать свое завещание из-за… ммм… неприятной финансовой ситуации, в которой оказались «Кёниг Кеттл» и «Кёниг Холдингз». Он несколько раз обсуждал это со мной по телефону. Однако завещание, которое я сегодня держу в руках, безусловно, отражает его самую последнюю волю, недаром же он переслал его на прошлой неделе со специальным нарочным. Но если вы так хотите…

Управляющий банка, устроившись поудобнее, просмотрел текст завещания.

– Короче говоря, своему брату Чарльзу мистер Кёниг оставляет руководство «Кёниг Холдингз». Своей вдове Элен – половину всех ликвидных активов, в деньгах и ценных бумагах, по состоянию на момент его смерти. Вторая половина отходит его сыну Джону. Элен Кёниг и Чарльзу Кёнигу причитается пожизненный доход со всей прибыли «Кёниг Кеттл» и «Кёниг Холдингз». – Карри перевел дух. – Бену Николсу за его верную службу завещается долевое участие в «Кёниг Холдингз» в размере десяти процентов, а также пятьсот тысяч долларов.

Бен потряс головой, закрыл лицо руками.

– И наконец…

Если бы Карри сказал: «А теперь наступает тот миг, которого все вы так долго ждали!» – на манер ведущих развлекательных телепрограмм, никто бы не удивился, подумал Джон. Но что это с ним? Он потеет, не в силах выговорить ни слова, будто пришел описывать имущество, будто ему предстоит сообщить плохие новости.

– Давайте же скорее! – грубо отрезал Джон. – Все мы знаем, чего хотел отец. Кёнигсхаус мой, но вы должны произнести это вслух. Давайте же!

– И наконец, – Карри сглотнул слюну, вытер пот со лба, – своему сыну Джону мистер Кёниг оставляет в полное его распоряжение ферму Кёнигсхаус – в надежде, что он продолжит традиции семьи.

Король умер.

Да здравствует король.

Джону казалось, что наступил тот миг, к которому он готовился с рождения. Он всегда знал, что является законным владельцем Кёнигсхауса. Он отдаст ферме всю свою жизнь. И преуспеет!

– Поздравляю!

Рядом с ним стоял Алекс, тряс его руку, лицо расплылось в радостной

улыбке.

– Поздравляю, это просто здорово…

– Спасибо, – широко улыбнулся Джон.

Но Карри продолжал говорить:

– Господа, господа, прошу вас, я еще не кончил читать завещание.

Тревога захлестнула душу Элен. Все взгляды устремились к Карри.

Отчаянно потея, управляющий банка ринулся напролом, разорвал гнетущую тишину:

– В последний раз мистер Кёниг просил прислать ему завещание, чтобы внести ряд изменений – на случай преждевременной смерти миссис Кёниг, мистера Чарльза Кёнига или мистера Джона Кёнига, в случае, если она наступит до того, как он женится и произведет на свет потомков, каковые и будут являться наследниками. Его мысли все больше занимала смерть и права оставшихся в живых. Наверно, это все объясняет.

К концу этой тирады Карри почти кричал. Элен бросила взгляд на Чарльза, который не отрываясь смотрел на Карри, будто у того в руках был ключ к загадке мироздания. Алексу, похоже, тоже передалось общее напряжение, он встревоженно и подозрительно вглядывался в управляющего банка.

Надвигается что-то страшное, поняла Элен, встретившись с Джоном глазами. Он знает! Их ждет что-то ужасное, самое худшее, что только может случиться.

В голосе Карри появились истерические нотки: – И с учетом этих новых соображений мистер Кёниг сделал дополнительное распоряжение к завещанию. Оно датировано прошлой неделей и отражает, таким образом, его самые последние намерения относительно своего имущества. В случае, если его сын Александр Джон Кёниг окажется живым и невредимым, все предыдущие пункты завещания отменяются. В этом случае вышеназванный Александр становится единственным наследником «Кёниг Кеттл», «Кёниг Холдингз», скотоводческой фермы Кёнигсхаус, а также всей без исключения денежной наличности, всех вкладов, ценных бумаг, любого имущества и инвестиций.

# 12

– Таким образом, мистер Александр Кёниг является владельцем скотоводческой фермы Кёнигсхаус, «Кёниг Холдингз» и какого бы то ни было имущества, принадлежащего семейству Кёнигов.

Наступила мертвая тишина. Будто в кошмарном калейдоскопе промелькнули перед Элен бледное, напряженное лицо Алекса; потрясенный Чарльз; трясущиеся губы Бена; огромные, испуганные глаза Джины и Карри, утирающий пот со лба.

Ей было жутко подумать, каково сейчас Джону, но она заставила себя поднять глаза и посмотреть на сына. Его лицо ничего не выражало, и в то же время было ужасно беззащитным. Он поднялся со стула. – Значит, так тому и быть! – Джон через силу улыбнулся, на негнущихся ногах подошел к Алексу – тот напряженно ждал, что произойдет, – и протянул ему руку. – Так тому и быть, – повторил он, сопровождая свои слова яростным рукопожатием, затем повернулся и вышел как во сне.

Элен первой нарушила молчание, хотя это стоило ей неимоверных усилий:

– Мы с Джоном… мы… мы уедем отсюда как можно быстрее. Когда… когда вы хотите, чтобы мы уехали?

Джина вихрем пронеслась по комнатам, выбежала на улицу, обогнула дом и наконец нашла Джона на конюшне. Тот уже взнуздал Кайзера и теперь выводил его из стойла, а огромный жеребец скалил желтые зубы, упирался и брыкался.

– Джон! – закричала девушка.

Похоже, Джон ее не слышал. Увидев, что он уже вскочил в седло и направляет лошадь в сторону выжженного солнцем буша, она бросилась к нему со всех ног.

– Джон!

Он успокаивал возбужденного жеребца, но делал это абсолютно машинально. Любовь и жалость переполняли сердце Джины.

– Джон, я, я не знаю, что сказать.

– Здесь нечего говорить. Она сжала кулачки.

– Это просто ужасно.

– Ужасно для меня. Для мамы. Не слишком здорово для Чарльза. Зато совсем не ужасно для нового сына и наследника.

Будто почувствовав настроение своего наездника, Кайзер неожиданно взбрыкнул, угрожающе навис над стоящей на земле маленькой фигуркой. Джон бросил на нее безразличный взгляд.

– Мне пора. Видишь, парень нервничает.

Джина подняла глаза, постаралась вложить в свои слова всю душу:

– Мне так жаль…

– Ах, да… – Взгляд Джона был устремлен куда-то вдаль. – Спасибо.

Она пересилила страх, подошла как можно ближе, взялась за поводья.

– Послушай, может, я могу чем-нибудь…

Он не ответил.

Запах конского пота был так силен, что ее чуть не стошнило. Она чувствовала, что теряет Джона.

– Куда ты собрался?

Он рассмеялся, и этот смех напугал ее еще больше.

– Кому-то ведь нужно перегнать скот. Не думаю, чтобы Алекс знал, с какого конца браться за это дело, хотя скот теперь его.

– Когда ты вернешься?

– Понятия не имею.

– Когда вернешься, – девушка глубоко вздохнула, – найди меня, ладно?

– Ох, Джина, – казалось, Джон только теперь ее увидел. – Ты мне ничем не поможешь. Мне никто ничем не поможет!

– Он сказал, что с радостью предоставит Джону работу и что мы оба можем жить здесь, сколько захотим, нас никто не принуждает уезжать!

– Боже мой! – Чарльз с трудом сдержался, чтобы не откинуть золотистую прядь с мокрой от слез щеки Элен, и отодвинулся на безопасное расстояние. – Ты можешь представить своего сына управляющим у Алекса, у этого чужака, городского неженки? Всю жизнь быть на вторых ролях – и это на земле, которую он привык считать своей! Элен упрямо покачала головой.

– Алекс хочет, чтобы было как лучше! Он был так же ошарашен, как и все остальные.

– Ладно, ты права, поначалу действительно казалось, что он ошарашен. – Из окна столовой Чарльз видел, как Алекс, Бен и управляющий банка поднимаются по ступенькам конторы. – Однако уж очень быстро этот тип освоился со своим новым положением.

Элен наклонилась к старому другу:

– Чарльз… – Она запнулась, начала сначала: – Чарльз, Алекс не виноват, что так случилось. Наверное, Филипп не мог себе простить, что

своей женитьбой на мне выгнал из дому собственного сына, и поэтому считал, что обязан сделать эту приписку, хотя он прекрасно понимал, насколько ничтожны его шансы увидеть Алекса живым.

Она знала, он ее слушает, видела, как от гнева сжалась в кулак его рука. Внезапно ей захотелось погладить ее, поцеловать, прижать к груди.

Она заставила себя успокоиться, заговорила ровным тоном:

– Как бы то ни было, а это дополнение к завещанию доказывает, что Филипп не верил в гибель Алекса. Просто он не дожил до встречи, вот и все. – Теперь Элен плакала не таясь. – Наверно, это справедливо. Но почему расплачиваться приходится Джону?

– Элен… – Чарльз подался к ней всем телом, – послушай, все может оказаться значительно лучше, чем кажется.

Она безнадежно покачала головой, тыльной стороной ладони вытерла слезы.

– Я уже ни на что не надеюсь.

Он прикрыл глаза рукой и снова попытался внушить ей, что опасаться нечего.

– Напрасно. Алекс – не скотовод, он сразу это признал, ты сама слышала: «Я человек городской, что я буду делать с такой огромной фермой?» – вот его первая реакция. Я не знаю, какой из него бизнесмен, но, если ты помнишь, когда я уговаривал Филиппа продать Кёнигсхаус, я сказал ему, что нашел покупателей. – Чарльз помолчал, пристально посмотрел Элен в глаза. – Ты меня слышишь?

– Да, продолжай.

– Если я смогу убедить Алекса продать ферму, то, без сомнения, добьюсь для него хорошей сделки, максимальной суммы. И когда мы получим деньги от продажи и поправим дела «Кёниг Холдингз», я скажу Алексу, что он обязан что-то сделать для Джона, парень ведь все потерял. По крайней мере, я попытаюсь заставить его вложить деньги в новую ферму – для Джона. Конечно, она будет значительно меньше Кёнигсхауса, хотя, вполне возможно, прибыль от нее будет значительно больше. Джон станет сам себе хозяином, а через несколько лет вернет, если захочет, вложенные средства, и тогда ферма будет принадлежать ему.

Уф.

Чарльз откинулся на спинку стула и поздравил себя с победой. Недурно, если учесть, что он придумал все только что, на месте. Неужели она не понимает, что я делаю это для нее?

Однако если он ожидал благодарности, то сильно ошибался.

– Продать Кёнигсхаус? – с неожиданной яростью воскликнула Элен. –

Сразу после смерти Филиппа? Даже когда он был жив, эта мысль приводила Джона в ужас, а сейчас – черт возьми, как ты думаешь, что станет с ним сейчас?

– Успокойся, ради Бога! Джон уже не ребенок. Ты не можешь защищать его всю жизнь, и уж никак не сможешь защитить от потери Кёнигсхауса!

– И это говоришь мне ты?

Элен трясло от гнева. Джона предали и лишили наследства, а Чарльз, ее единственный возможный союзник, лепечет что-то о своем чертовом бизнесе и продаже Кёнигсхауса.

– Давай рассказывай! Кажется, я знаю, что ты скажешь. «Ферма сосет из нас все соки, поглощает все деньги, нас ждет банкротство, единственный выход – продать». Ты это хотел сказать? Если так, то Джону будет лучше с Алексом. По крайней мере, тот хочет позаботиться о мальчике!

– Нет, не это. Но чтобы выслушать меня, тебе нужно сначала успокоиться. – Чарльз побелел от гнева, они с Элен уставились друг на друга. – Я хочу напомнить тебе одну библейскую притчу, нам всем не мешало бы почаще заглядывать в Книгу Книг. Скажи мне, что ты знаешь о возвращении блудного сына? Вот он вернулся в семью после стольких лет скитаний – что о нем известно наверняка?

– Что ты хочешь этим сказать? Чарльз рассмеялся.

– Я не сомневаюсь, что к нам явился блудный сын Кёнигов собственной персоной. Не забывай, мы с Алексом вместе выросли. У нас с Филиппом такая разница в возрасте, что Алексу я скорее старший брат, чем дядя. Я помню его так, как будто мы расстались только вчера. – Чарльз прикрыл глаза. Видно было, что воспоминания не доставляют ему большого удовольствия. – И сейчас я много припомнил. Алекс не изменился.

О чем он говорит?

– Например? – спросила Элен.

Чарльз встал, взял ее за руку, заставил подойти к окну.

– Например, он всегда любил прихвастнуть, приукрасить события.

Перед домом находилось несколько машин – джип, пикап и трейлер с грузовым прицепом, которыми пользовался Джон; небольшой автомобиль, на котором приехал управляющий банка; остальные машины принадлежали, вероятно, гостям.

– И на что я должна смотреть?

– Вот на это, – Чарльз указал на ничем не примечательную серо-

коричневую двухдверную малолитражку.

– И что в ней такого особенного?

– На этой машине приехал Алекс.

– Ну и что?

– Это машина великого бизнесмена, подбирающегося к своему первому миллиону.

– Но это всего лишь машина! – взорвалась Элен. – Как ты думаешь, легко ли в наших краях взять напрокат «мерседес» или «порше»?

– Ладно, оставим это, – Чарльз мрачно улыбнулся. – Давай-ка вспомним Библию. Почему блудный сын вернулся домой?

– Почему? – ей хотелось его ударить. – Чтобы повидаться с отцом! Потому что он знал, что, пока отец жив, он захочет встретиться с ним! Его семья, его мать…

– Угу, – с холодной яростью кивнул Чарльз. – Этот самовлюбленный ублюдок ни за что не приехал бы сюда ради отца, и уж тем более ради хорошенькой, убитой горем мачехи. Он приехал домой, потому, что у него кончились деньги. И потому что он знал, что домашних будет легко разжалобить.

Теперь Элен слушала очень внимательно. Чарльз безжалостно продолжал:

– Помнишь, что сказал Конфуций – а может быть, какой-то другой умник: дом, это то место, где тебя обязаны принять.

Он замолчал в ожидании возражений, но Элен не решилась прервать его яростную тираду.

– Должен признаться, нашему юному Алексу здорово повезло с возвращением, – с издевкой сказал Чарльз. – Он, небось, надеялся, лишь чуть-чуть запустить руки в кубышку, а она вдруг достается ему целиком! Но послушай, Элен!

Он схватил ее за руку, повернул к свету, заглянул в глаза.

– Я хочу задать тебе один вопрос. Предположим, Филипп не изменил завещание, и все досталось Джону: Кёнигсхаус, деньги, все на свете. И вдруг на похороны является Алекс и делает трогательное признание, что его великий бизнес дышит на ладан и что он очень надеется на своих обеспеченных родственничков – неужели вы с Джоном не пожалели бы его? И неужели вы не посчитали бы своим долгом позаботиться о бедном несчастном ребеночке, и хорошо позаботиться?

– Да! – с вызовом выкрикнула Элен. – Да, мы бы позаботились! И от всей души!

В конторе повисла тишина. Бен не выдержал первым и поспешил подвести итоги.

– Вот и вся история Кёнигсхауса. «Кёниг Холдингз» требуется капитал, ферма высосала из нас все до последнего цента. Даже в лучшие годы прибыль не превышала одного процента. А сейчас мы просто истекаем кровью.

Алекс поднял голову.

– Большие долги?

Бен кивнул.

– С каждым днем набегают проценты.

Алекс затаил дыхание.

– И счетчик тикает?

– Все громче и громче.

Карри важно кивнул.

– Мистер Кёниг, я могу это подтвердить. Наш банк вынужденно участвовал в утечке капитала. Наш сотрудник, ответственный за операции в данном регионе, уже многие годы советовал мистеру Кёнигу, – он поспешно поправился, – мистеру Филиппу Кёнигу либо покончить с долгами, либо продать ферму.

– Продать?

Из него может получиться неплохой хозяин, нехотя признался себе Бен, когда он так смотрит и задает вопросы, кажется, он весь внимание. Эта мысль показалась Бену неожиданным лучиком надежды.

– Да, продать! – твердо произнес он. Может быть, он сможет наконец освободиться, они все смогут освободиться…

– Я вас слушаю, – улыбнулся Алекс и поудобнее уселся на столе Филиппа.

– Чарльз уже давно искал покупателей, – продолжал Бен. – Предложений было много, но лидером оказался японский консорциум…

У Алекса засверкали глаза.

– И у них есть наличность?

Бен смущенно рассмеялся.

– У нее есть.

– У нее? – Карри не так-то часто приходилось встречать женщин, занимающихся бизнесом. – О ком вы говорите?

– О миссис Мацуда.

Никто не заметил, как вошел Чарльз. Он стоял в дверях и с невозмутимым видом оглядывал собравшихся, поигрывая папкой с материалами, касающимися продажи Кёнигсхауса, – эту папку он

подготовил еще для Филиппа.

Алекс широко улыбнулся, протянул ему руки.

– Заходи, Чарльз, ты появился очень вовремя! Так что за леди ты нашел?

Чарльз уселся на стол напротив племянника, немного помолчал.

– Миссис Мацуда возглавляет консорциум, основанный ее покойным мужем. Штаб-квартира находится в Токио, а сфера деятельности – сеть ресторанов быстрой еды по всему миру. Бургер-бары. Очень популярны в Америке.

Взгляд Алекса все еще выражал радостное ожидание.

– Так почему она хочет потратить парочку-другую миллионов на Кёнигсхаус?

– Гамбургеры, – ответил Бен.

– Что?

Чарльз насмешливо уставился на озадаченного Алекса. Называет себя бизнесменом, а не разбирается в простейших вещах!

– Она хочет добиться так называемой «вертикальной интеграции», иметь в своем распоряжении всю технологическую цепочку – от бычка до гамбургера.

– Это исключает посредников. – Карри не мог допустить, чтобы деловые разговоры велись без него. Он важно кивнул. – Себестоимость срезается чуть не до кости.

Алекс заразительно рассмеялся.

– А с костями она что делает?

С чувством юмора у парня все в порядке, этого у него не отнимешь, восхищенно подумал Карри. Пожалуй, он более интересная личность, чем Джон. И будет гораздо лучше, если фермой – или компаниями, – в зависимости от того, чем он захочет заняться, – будет управлять человек его возраста, а не двадцати с небольшим лет, как Джон. Кто бы мог подумать? Может быть, старый черт Филипп все сделал правильно?

Карри встрепенулся: задумчивый взгляд нового хозяина был теперь устремлен на него.

– Я хотел бы спросить вашего совета, мистер Карри, – вежливо произнес Алекс.

– Конечно, конечно!

– Какова моя правовая ответственность по отношению к имуществу Кёнигов? – Он неловко улыбнулся. – Я не хочу торопить события, и я надеюсь, что своим смехом никого из вас не обидел. Я не забыл, что мы только что похоронили отца. Но мне почему-то кажется, что пока мы не

разберемся с делами, покоя не будет. Поэтому я хочу, чтобы все знали, на каком они свете. А также то, что я никого не собираюсь лишать их прав.

Даже Карри почувствовал, как накалилась атмосфера. И Бен, и Чарльз смотрели на Алекса с повышенным интересом. Наконец-то Карри дождался своего звездного часа.

– В любом случае вы должны действовать, сообразуясь с интересами Кёнигсхауса и всего имущества в целом, – напыщенно произнес он. – Однако дело обстоит именно так, как сказано в завещании покойного мистера Кёнига.

Алекс подался вперед.

– Да?

– Да, – твердо ответил Карри. – Едва только завещание будет утверждено, а у меня нет оснований сомневаться в его подлинности, моя миссия душеприказчика закончится. Вы окажетесь единовластным хозяином всего того, что Филипп Кёниг считал своим. С моим самоустранением, – он не к месту рассмеялся, – вы станете королем Королевства.

– А это значит?..

Он оскалился, как динго, подумал Чарльз. Как блестят у мерзавца глаза! Еще бы им не блестеть!

– А это значит, – не выдержав, медленно произнес Чарльз, делая ударение на каждом слове, будто разговаривал со слабоумным, – что… ты… черт возьми… можешь… делать… все… что… хочешь!

# 13

Филипп Иоганн Кёниг, старший ученик, Рокхамптон колледж, 1948-49. Бен оторвал взгляд от мерцающего экрана монитора, поднял глаза и с ненавистью уставился на школьную фотографию Филиппа. И как только он мог подумать, что с появлением Алекса все образуется? Можно было бы сразу догадаться, что Чарльз не собирается сдаваться без боя. Он слишком долго был во власти Филиппа, чтобы добровольно надеть на шею новое ярмо. Наверно, он свыкся с мыслью, что ему придется уступить руководство Джону, но уж никак не этому Человеку Ниоткуда, да еще в тот момент, когда дело всей его жизни висит на волоске.

И это после всего того, что им пришлось пережить…

А что касается Алекса, то он готов, если понадобится, дать отпор, в этом можно не сомневаться. Сколько бы он ни улыбался, слабохарактерным его не назовешь. Да, пока что он очень мил, и, когда Чарльз бросил ему вызов, он уступил и даже подставил другую щеку. Но вечно так продолжаться не может.

Бен со стоном обхватил голову руками. Проклятый Филипп!

Он водил их всех за нос, кормил обещаниями, что Джон унаследует Кёнигсхаус, а теперь пожалуйста!

Ладно, допустим, он хотел успокоить свою чертову совесть, в этом нет ничего удивительного, ведь женитьба на Элен – только полдела. Двадцать пять лет – долгий срок, но Бен хорошо помнил, что еще до появления Элен Филипп обращался с Алексом не как с родным сыном, а как с распоследним подсобным рабочим, вором и пьяницей, которого хозяин вознамерился наконец проучить. Да, Алекс сбежал не только из-за неприлично поспешной женитьбы отца!

Но даже если завещание было изменено под влиянием угрызений совести, неужели Филипп не понимал, что Алекс может объявиться? В конце концов, тело так и не нашли. Если этот старый мерзавец мог без малейших колебаний перечеркнуть все, что было написано в завещании, если он не дал себе труда подумать, каково придется Джону, которого он не удосужился отправить в приличную школу и который по его милости может быть только скотоводом, то, Господи прости, он заслуживал смерти.

Джон. От мысли о нем Бену стало еще хуже.

Какой дьявол надоумил его хоть на секунду вообразить, что будущее Джины может быть связано с Джоном? Безошибочный инстинкт одинокого

отца подсказывал ему, что Джина влюблена в Джона. И хотя Бену было страшно подумать, что какой-то другой мужчина займет в ее сердце то место, которое прежде принадлежало ему одному – это чувство знакомо многим отцам, – он прекрасно понимал, что только Джон достоин быть рядом с его дочерью, этой прекрасной и отважной девочкой-женщиной.

И он позволил себе размечтаться, что так и будет? Больше того, что так и должно быть? Как бы не так!

Чертовы Кёниги!

Все они одинаковы, и Джон, наверно, не лучше других! Все они думают лишь о себе и о Кёнигсхаусе, и ничего хорошего от них ждать не приходится! Нужно было бежать с фермы, едва он научился ходить, избавиться от всей этой проклятой своры! А вместо этого он потратил всю жизнь на то, чтобы водить их за ручку и вытирать им попки и, похоже, обречен делать это до самой смерти. А теперь еще они посягают на самое ценное, что у него есть!

Выхода нет, даже теперь, когда старый черт умер. Бежать некуда. Чарльз, Алекс и Джон постепенно разнесут все в клочья, а он окажется мальчиком для битья.

Звук шагов заставил его обернуться. Он увидел, как Джина взбегает по ступенькам. Какая у нее удивительная, скользящая походка. Бен включил экран монитора и сделал вид, что погружен в работу. Она появилась в дверях.

– Папа!

Ее ручки обвились вокруг его шеи, влажная щечка прижалась к его щеке.

– Что, моя любимая? – хрипло спросил он. – Нашла Джона?

Дочь резко отстранилась.

– Да, – ровным голосом ответила она и уселась на краешек стола. – Он поехал к пастухам. Зализывать раны.

Бен никак не ожидал, что станет защищать того самого человека, которого только что проклинал.

– Если вспомнить, что сделал с ним этот старый мерзавец Филипп…

– Да, я знаю. – Джина подняла голову. Так и есть, эти доверчивые глаза блестели от слез. – Отец, что нам делать?

Бен безрадостно усмехнулся.

– Делать нечего, разве что убить Алекса. А потом окажется, что у него в Сиднее жена и пятнадцать штук детей. Так что самое разумное – как можно скорее уехать отсюда, вернуться домой. Мы ведь с самого начала собирались пробыть здесь всего несколько дней. У меня осталось не так

много дел, я почти все привел в порядок. Только еще кое-что проверить. И Алекс просил научить его обращаться с компьютером, показать, как это делается. Много времени это не займет. Как только я все закончу, мы улетим на вертолете. Если хочешь, я попрошу Алекса, и он отправит тебя пораньше.

– Нет, папа.

– Значит, договорились. – Его взгляд был устремлен вдаль. – Что у нас сегодня, среда? Мне понадобится день. Если все будет хорошо, в пятницу вечером мы уже будем у себя. Тебя это устраивает?

– Нет, папа. – Джина легко спрыгнула со стола, подошла к окну. – Я впервые говорю тебе «нет», и я хорошо подумала. – Она обернулась, он отметил ее твердый взгляд, волевую линию подбородка. – Я не уеду до тех пор, пока не выясню отношений с Джоном, пока не увижу его, не поговорю с ним по-человечески.

«Какие отношения с Джоном?» – чуть не закричал Бен. Он прекрасно понимал, что теперь, когда Джон обесчещен, лишен всего, когда на собственной земле он оказался на положении наемного рабочего, и даже хуже, он ни за что не сделает Джине предложения. Бен отчаянно боялся, что Джон не сможет устоять и воспользуется утешением, которое предлагает такая юная очаровательная девушка…

Он хорошо помнил, какие советы давали ему самому, когда он влюбился в ее мать. Приятель, что ты церемонишься с этими черномазыми? Хочешь спать с ними – спи, но жениться-то зачем? Ты ведь не алкаш какой-нибудь! Наверно, Джону это уже тоже сказали. А если он такой же, как большинство мужчин, то ему и говорить не надо…

Он притворно закашлялся, пытаясь скрыть свой гнев, но Джина уже снова смотрела в окно.

– Дело не только в Джоне, – медленно проговорила она. – Ты знаешь, я хожу в селение, знакомлюсь с маминым народом. Это удивительное место.

– Да, удивительное. – Бен вспомнил, как издевался над дочерью Филипп. – Ты там танцевала?

Она кивнула.

– С первого же дня. Они спросили меня, чем я занимаюсь, я стала показывать. Потом они стали показывать свои танцы, отдельные движения. Так и пошло. Я многому у них научилась.

– Наверно, они у тебя тоже.

– Да. – Джина нахмурилась. – Я впервые исполняю роль учителя. Пожалуй, мне это нравится. И потом, мне нужно чем-нибудь заняться, пока Джон не вернется.

– Джина, любовь моя…

Девушка покачала головой, отметая немую мольбу отца.

– Я все равно это сделаю, неважно, сколько мне придется ждать. Я знаю, сегодня они ночуют в буше, скот ведь все еще у водопоя, так и остался там со дня смерти Филиппа. Не знаю, сколько времени займет перегон скота, вполне возможно, несколько дней. Но я не вернусь в Сидней, пока не поговорю с ним – и может быть, не один раз.

Бен ощутил свою беспомощность, он был не в силах повлиять на ход событий. От страха ему хотелось заплакать.

– Я просто не хочу, чтобы тебе было больно. – Нет, так нельзя, нужно взять себя в руки. – Я понимаю, ты делаешь это ради него.

– Нет, отец, – Джина неожиданно улыбнулась. – Я делаю это ради самой себя.

Пока все идет прекрасно!

Алекс с трудом сдерживал возбуждение. Господи, сколько он уже успел сделать! После беседы в конторе он первым делом проводил этого напыщенного придурка, управляющего банка, Карри, или как его там, к мятой колымаге и выразил полнейший восторг по поводу идиотского предложения встретиться на днях в городе и пообедать вместе.

Потом вернулся к свирепому Чарльзу и в один миг осчастливил его, согласившись, чтобы Миссис Денежный Мешок немедленно – а лучше еще быстрее – доставили в поместье на вертолете. И в завершение порадовал старого пердуна Бена парочкой изящных банальностей о преданности и безупречной службе, пусть и дальше ишачит. А теперь он может налить себе виски, оглядеться и расслабиться. Все, что видит глаз, принадлежит только ему!

Налить себе виски? Алекс громко рассмеялся.

Дружище, пора избавляться от старых привычек, одернул он себя. Теперь ты не просто Кёниг, а тот самый Кёниг, хозяин и повелитель, зачем лаять самому, когда есть собаки!

– Роза, – начал было он, открывая дверь кухни, – как насчет…

Но женщина, равнодушно водившая тряпкой по столу, была совсем не похожа на Розу. Алекс хищно прищурился, разглядывая узкие бедра и стройные ноги – со спины ее можно было принять за ребенка, даже за мальчика. Но когда она обернулась – Господи, одного взгляда на нее спереди хватило, чтобы сразу понять, что это то, что нужно. Им овладело знакомое возбуждение, он улыбнулся.

– Ты Элли, я не ошибся? – Алекс непринужденно двинулся женщине

навстречу. Она выдала всю гамму – от визгливого хихиканья до низкого горлового смешка, окинула его опытным, дразнящим взглядом.

– Шутки шутите, мистер Алекс? Скажите еще, что не узнали меня!

Элли притворно надула губки, повела плечом, так что колыхнулись ее пышные груди. Жест был нарочито вызывающий, это понял бы на его месте любой мужчина, и очень возбуждающий. Эти черные обладают воистину колдовской силой, он снова почувствовал ее на себе.

– Не узнать тебя? – ухмыльнулся он. – Невозможно! Но ты не та Элли, которую я помню, ты слишком молода.

Удивительно, но подобная лесть всегда достигает цели. Только посмотрите, как она расцвела от удовольствия. Еще немного, и сама пойдет ко мне в руки, подумал Алекс.

– Когда вы исчезли, я была маленькой-маленькой девочкой, – хихикнула служанка. – И я все еще здесь и не забыла вас!

Он сделал вид, что вспоминает прошлое, а сам обшаривал глазами ее тело. Элли обдала его жарким взглядом.

– И вы не забыли меня!

– Да-да, кажется, я припоминаю тощенькую такую дурочку, страшную, как смертный грех, она все время ошивалась в кухне. Неужели это ты? – Он усмехнулся. – А ты здорово изменилась. Тогда ты выглядела совсем по-другому.

Элли уже не смеялась.

– Конечно, – прошептала она и сделала шаг ему навстречу, искоса бросив вызывающий взгляд. – Времена меняются, мистер Алекс. Теперь я женщина.

В кухне было очень тихо. Ее тело изнемогало от ожидания, а он казался совершенно спокойным. Напряжение достигло предела, казалось, между ними натянута струна, которая вот-вот разорвется.

Алекс стоял с равнодушным видом. Настоящему Казанове незачем суетиться. Уже в шестнадцать лет он понял, что нравится женщинам, и с тех пор упивался чувством превосходства – оно возникало у него всякий раз, как он замечал их неприкрытое желание. Другие мужчины плакались за кружкой пива, обсуждали, как «заманить птичку». Такие разговоры вызвали у него откровенный смех. Если знаешь, как себя вести, не придется не то что заманивать, а пальцем пошевелить.

Нет, пожалуй, пальцами пошевелить придется. Алекс с удовольствием наблюдал, как тонкая ткань дешевенькой блузки натянулась под набрякшими сосками. Увидев, куда он смотрит, Элли опустила глаза, но не отошла.

– Итак, – насмешливо произнес он и сделал шаг вперед. Элли отступила, налетела на стол, который только что протирала, откинулась назад, будто бы пытаясь избежать объятий, а на деле чуть не ткнулась грудью ему в лицо, когда он подошел к ней вплотную.

Она откинула голову, тихо, протяжно застонала не то от наслаждения, не то от страха, чем возбудила его еще больше.

– Моему мужу это не понравится!

Алекс улыбнулся:

– Я не собираюсь трогать твоего мужа. По-моему, ты достаточно взрослая, чтобы делать, что хочешь. А мне кажется, я знаю, чего именно ты хочешь.

Можно подумать, что есть хоть одна женщина, которая бы этого не хотела, с насмешкой подумал он.

Элли надула губы:

– Вы не понимаете! Он бешеный и такой ревнивый!

Алекс медленно провел пальцем по ее подбородку, потом вниз по шее, спустился в ложбинку между грудями.

– Так пусть у него будет повод для ревности! Он стал завораживающе медленно расстегивать верхнюю пуговку ее блузки. Ее страсть разгорелась мгновенно, как пожар в буше, стоило лишь дотронуться до нее. Некоторых женщин нужно часами разогревать, чтобы они дошли до этой стадии. Он видел, как в ожидании ласки твердеют ее соски. Одна пуговка… вторая…

Элли тяжело дышала. Смуглая, судорожно сжатая в кулак ручка потянулась к его поясу. Он отстранился – лучше держаться от греха подальше – и трезво подумал: не здесь же. Он никогда не терял холодной ясности мысли, даже в самый яростный пик наслаждения. Так где же?

Вот прекрасный финал не менее прекрасного дня, думал он с холодным торжеством. Блудный сын возвращается домой, хоронит отца, получает в наследство все королевство, собирает добычу и droit de seigneur[1] празднует свой успех в объятиях одной из рабынь. Лучше не придумаешь! И все это вполне заслуженно – стоит лишь вспомнить, что ему пришлось пережить…

Так где же?

– Ох-х… скорее… о-о-ох-х-х…

Нужно срочно куда-то перебираться, а то красотка уже раскалилась добела.

– Послушай, детка, – начал он. – Элли… Открылась дверь, в кухню вошла Роза. В руке как вещественное доказательство она несла столовое серебро.

– Это называется почистить ножи?.. – То, что она увидела, заставило ее мгновенно замолчать. Она замерла на месте – так замирает собака, ожидая приказа хозяина.

Алекс отвернулся. Ни на Розу, ни на Элли – та неловко пыталась застегнуть пуговицы – он даже не посмотрел.

– Я собираюсь в свою комнату в Башне, – как ни в чем не бывало произнес он. – Думаю перебраться туда. Когда решу, что нужно сделать, вы обе мне понадобитесь.

Он остановился в дверях, небрежно прислонился к косяку.

– Да, а когда будет наведен порядок, пусть кто-нибудь из вас принесет мне виски. – Он помолчал. – Пожалуй, ты, Элли. – Он одарил служанку нахальной улыбкой. – Сделай двойной, ладно?

Неужели эта позабытая Богом земля казалась ему прекрасной? И вообще, о чем он раньше думал?

Темнело. Белесое небо было таким же бесцветным, как его разбитые мечты. Джон остановился у источника, огляделся вокруг и ему захотелось очутиться где угодно, только не здесь. Все так же тускло поблескивало неподвижное зеркало воды, шелестела листва эвкалиптов, все так же возвышалась неприступная стена первозданного песчаника, на протяжении многих миллионов лет считавшаяся у аборигенов священной, над его головой пронеслась белым комочком запоздалая крачка – она летела навстречу ночи, навстречу первым грустным звездам, оглашая окрестности своими жалобными криками. Все было, как всегда. Это он изменился до неузнаваемости.

Как мог отец лишить его наследства?

И не только его, и маму тоже, где ей теперь жить, что, черт возьми, делать? Господи Боже мой, она не сможет жить одна, она даже чек ни разу не подписывала!

Как он мог?

А с другой стороны – что ему оставалось делать? Алекс не погиб. Рано или поздно он вернулся бы к родному очагу. И уж если этому суждено случиться, так лучше сейчас, пока Джон не успел почувствовать себя хозяином Кёнигсхауса.

Лучше, однако, об этом пока не думать.

Нужно перегнать скот, отсортировать, погрузить на машины, а уж потом сколько угодно размышлять о том, как жить дальше.

Но не обо всем.

Одной заботой у него стало меньше, за него уже все решили.

Джон слез с лошади, погладил ее по морде, потрепал за уши.

О Джине можно больше не думать. Джина.

Сама мысль о девушке, одно ее имя вызывало резкую боль. Когда Джон мечтал о том, как они поженятся, он видел себя будущим хозяином Кёнигсхауса, счастливым, полным надежд.

А теперь?

А теперь он хуже наемного рабочего – потому что не представляет себе, что значит наниматься, работать на кого-то. Он умеет быть только хозяином. А если я здесь не хозяин, так кто же я? – мысленно вскричал он.

Внезапно возникший из темноты Дасти оторвал его от созерцания молодой луны.

– Эй, босс!

Казалось, друг читал его мысли.

Наверно, так оно и есть, рассеянно подумал Джон. От Дасти ничего не скроешь – да я и не собираюсь скрывать.

Появился Фрэнк, взял у него из рук поводья, отвел усталую лошадь в ближайший загон. Они ухаживали за мной, как за больным, как будто я не в себе, мелькнула очередная мысль. Может быть, они и правы.

– Босс, сейчас будем есть.

Дасти легонько подтолкнул Джона к костру. Слим подбросил еще дров.

– Пива хочешь?

Джон с благодарностью взял протянутую ему банку, сорвал кольцо и в несколько глотков влил в себя содержимое. Дасти молча протянул ему следующую, уселся на корточки рядом.

У подножия Чертовой Скалы клубился легкий туман, скрывая пещеру, в которой Джон прятался в детстве. Генри устраивал на ночевку скот, остальные были заняты обычными для этого предвечернего часа делами. Легкий ветерок доносил со стороны привычный запах стада. Израненная душа Джона стала понемногу оживать. Он обхватил колени руками, как в детстве.

– Знаешь, отец очень любил это место. Если бы у него был выбор, он бы предпочел умереть здесь.

Дасти кивнул.

– Когда я был маленьким, мы часто приходили сюда, разбивали лагерь, спали в пещере – только он и я. – Джон помолчал. – Здесь, наедине с природой, он был совсем другим. Лучше.

Дасти снова кивнул.

– Здесь все становятся лучше.

Джон с трудом сдерживал подступившие вдруг слезы.

– Не могу поверить, что его больше нет. Где он сейчас? Почему он должен был умереть?

Дасти ответил не сразу. Он и сам задавал своим духам подобные вопросы. От второго вопроса ему стало не по себе, поэтому он решил сосредоточиться на первом.

– Босс вернулся домой, – просто ответил он. – К Отцу Всех Вещей. Он не умер, просто перешел в другую комнату. Там мы с ним и встретимся, когда придет время. И он будет таким же, как всегда.

Таким же, как раньше…

Джон вспомнил Филиппа, каким тот виделся ему в самом раннем детстве. Отец отличался суровостью, его отношение к сыну больше смахивало на отношение льва к своему детенышу. Но это был сильный, веселый, живой человек, пусть с тяжелым характером, но честный и надежный.

Джон вздрогнул.

Когда же отец начал вести себя странно, с каких пор его стали одолевать неожиданные приступы ярости, сменяющиеся безудержной веселостью, переходящей подчас в жестокость – так он вел себя с Чарльзом, с мамой, с Беном, с Джиной…

Джина.

Опять его пронзила боль, засела в груди, под ребрами. Наверно, подобное бывает при сердечном приступе. Джон откинул голову, постарался дышать ровно и глубоко. Генри уже подходил к костру, за ним по одному и по двое тянулись остальные.

Джон почувствовал, что сегодня ему не вынести их общества, обычных разговоров за пивом и сигаретами – о том, как прошел день, о женщинах. Он вскочил на ноги и поспешно произнес:

– Послушай, дружище, я не голоден. Пусть ребята не обижаются, но сегодня я хочу последовать примеру отца. Буду спать вон там, один. – Он неловко пожал плечами. – Толку от меня все равно никакого.

Дасти кивнул.

– Хорошо, босс. – И улыбнулся, давая понять, что объяснения не нужны. Он знал, сегодня Джон не может поступить иначе.

И еще он знал, что незачем предупреждать: побереги себя, подумай об опасности, помни об этих чертовых королевских коричневых… Дасти уже попросил своих духов позаботиться о Джоне и был абсолютно уверен, что того, кто приходил за Филиппом, юный Кёниг не интересует. Каждому отпущено свое время, и черед Джона еще не пришел, в этом он был так же уверен, как в существовании на небе Большой Радужной Змеи.

Дасти вопросительно посмотрел на Джона.

– Помощь нужна?

– Нет, спасибо.

Джон помахал ему рукой и отошел от костра. Спальные мешки лежали на земле, там, где их сгрузили с вьючной лошади. Он взял себе один и направился вверх, к выходу из ложбины, туда, где открывался проход к источнику. Примерно на полпути он нашел место между двумя валунами, там как раз мог разместиться один человек.

Конечно, он не мог бы с уверенностью сказать, что это то самое место, было слишком темно, однако, пока он устраивался на ночлег, его не покидало чувство, что именно здесь отец провел последнюю ночь своей жизни, и эта мысль согревала его.

Он долго не мог уснуть. Временами на него накатывала такая мучительная тоска, что ему оставалось лишь ждать, когда она отпустит его; временами он впадал в оцепенение, неотрывно смотрел на Южный Крест, Млечный Путь, вбирал в себя их холодное белое сияние. Что говорил Слим о детях-духах, обитающих в источнике? Может быть, и здесь, в этой обители смерти, чей-то дух ждет своего часа, чтобы появиться на свет…

Наконец он забылся тревожным сном. Он то проваливался в забытье, то просыпался. Похолодало, и его сон стал еще более беспокойным. Он понимал, что переходит из одного сновидения в другое, но не мог ни уснуть по-настоящему, ни проснуться.

Он чувствовал, что его окутывает серый предвечерний туман. Луна скрылась в облаках, а туман все густел и густел, заволакивал каменистое плато. И в этой сгущающейся тьме плясали еле заметные огоньки.

Внезапно туман исчез, раздвинулся как занавес перед началом представления. Джон увидел себя со стороны: вот он лежит на земле в спальном мешке, лицо спрятано от холода. Призрачный свет – наверно, от луны? – заливает массивную фигуру мирно спящего человека.

Чуть поодаль, в долине, виднелась лошадь – огромный белый жеребец. Но ведь это Кайзер, удивленно подумал во сне Джон, а не старый мерин, на котором я приехал. Теперь он разглядел и людей у костра, тоже завернутых в одеяла: Генри, Джеймс, перечислял он во сне спящих, Дасти, Слим, Фрэнк и Джон…

Но если Джон там, то кто же лежит здесь?

Ужасающе медленно, как бывает только в кошмарных снах, он повернул голову, чтобы еще раз посмотреть на одинокого человека, примостившегося в ложбине меж двух валунов.

Одинокого – нет, уже не одинокого, теперь сзади появилась чья-то

тень, и эта тень приближалась, подкрадывалась, как подкрадывается хищник к своей добыче. За ней виднелись еще две тени, они почти сливались с темнотой, двигались молча, как стая волков. И вдруг от них отделились три тени поменьше, странные, длинные, извивающиеся, три отвратительные шипящие тени, и они набросились на спящего.

Ужас охватил Джона – такой же ужас испытал до него Филипп. Джон пытался закричать, стряхнуть с себя оцепенение, но это ему не удалось. Он не смог разбудить лежащего на земле человека.

Тогда, все еще во сне, Джон бросился вперед, схватил спящего за плечо, изо всех сил потряс его. Тот перевернулся на спину – ужасающе медленно, с безжизненностью тряпичной куклы. Две или три змеи выскочили из-под тела, нанесли молниеносный удар и скрылись в буше.

Теперь лунный свет заливал неестественно вывернутую голову спящего. Беззвучный крик исказил черты его лица, его глаза смотрели в лицо смерти, но взгляд уже был устремлен в вечность. Но вот из-под его шеи показалась голова еще одной змеи. Зашипев, как скорпион, она погрузила свои острые зубы в шею жертвы, потом еще и еще, и теперь страшные кровавые ранки испещрили лицо, шею и грудь несчастного.

Джон видел, как исчезают во мраке двуногие убийцы. Они все оборачивались, будто еще не до конца насладились делом рук своих. Джон не мог отвести глаз от их предводителя, он уходил последним, последним растворялся во тьме. Это лицо мне знакомо, вскричал Джон, я знаю, кто это!

И, как часто бывает во сне, он был абсолютно убежден, что стоит ему постараться, приложить еще одно, последнее усилие, и ему удастся разглядеть в ночной мгле лицо убийцы своего отца. Но в ту же секунду он проснулся. Теперь он твердо знал, что Филипп погиб не случайно, что он пал от руки убийц, уготовивших ему столь жестокую смерть. А еще он твердо знал, что не успокоится, пока не отыщет преступников, не предаст их в руки правосудия, чтобы они ответили за свое ужасное злодеяние.

# 14

Клубы пыли полностью скрывали джип. Подъезжая к селению, Элен притормозила, осторожно проехала под аркой, образованной переплетением узловатых ветвей эвкалипта, и остановилась в пыли у самой большой хижины. Не убирая рук с раскаленного руля, принялась она оглядывать лагерь.

Казалось, время остановилось. Лагерь выглядел точно так же, как до появления первых белых переселенцев. В центре, под защитой высокого эвкалипта и нескольких деревьев поменьше, размещался костер. Вокруг виднелись небольшие хижины, чуть поодаль располагались постройки покрупнее – то были семейные жилища. С незапамятных времен образ жизни аборигенов почти не изменился. И лишь несколько побитых автомобилей и добротная конюшня были явными приметами двадцатого века.

В центре селения со смехом резвились в пыли голые ребятишки, играли в свои извечные детские игры. За ними бесстрастно наблюдали сидевшие у костра старейшины племени. В тени, привалившись к стенам хижин, попивали пиво мужчины помоложе, а вокруг бродили полуголодные псы, искали в пыли объедки. Работали только женщины. Они готовили еду, нянчили плачущих младенцев, вовремя отлавливая не в меру осмелевших юных путешественников, развешивали выстиранные вещи, собирали высохшие и приветствовали друг друга пронзительными возгласами, похожими на крики попугаев.

Элен выключила мотор, обернулась к Джине.

– Все в порядке? Когда мне за тобой заехать?

Джина улыбнулась.

– Наверно, часам к шести, чтобы успеть переодеться к обеду.

Переодеться, улыбнулась про себя Элен. Если учесть, что сегодня Джон должен вернуться с объездки, наверно, она захочет не просто переодеться.

Впрочем, ее это не касается.

А если у них что-нибудь получится, как она к этому отнесется, спросила себя Элен. И сразу поняла, каков будет ответ. Если хоть что-нибудь сможет сделать Джона счастливым, что угодно – или кто угодно, не говоря уже о таком чудесном создании с огромными печальными глазами…

«Ради Бога, перестань строить воздушные замки», – одернула она

себя.

«Ты не сможешь защищать его всю жизнь, а от этого тебе его тем более не защитить», – сказал ей Чарльз.

В тот момент она возненавидела его, но он был прав. Джон уже не маленький мальчик, он взрослый мужчина. Она не сможет прожить за него жизнь. Элен выпрямилась, расправила плечи. Что же, как будет – так и будет.

– Ладно, – небрежно ответила она. – Вечером увидимся. Желаю хорошо провести время.

Джина смотрела вслед прыгающей на ухабах машине и в который уже раз сокрушалась, что не может набраться храбрости и поговорить с Элен. А ей так нужно с кем-нибудь поделиться!

Наконец она решительно вздернула подбородок и направилась к центру селения, где возились в песке дети.

– Эй, приятель! – она потрепала по головке одного из малышей. – Как дела? Все хорошо?

– Хорошо-хорошо! – рассмеялся он, протягивая ей руки. Она подняла его, прижала к себе.

– Ух, какой ты большой! Со вчерашнего дня ты здорово вырос! Скоро станешь совсем взрослым, сможешь жениться! Ты хочешь жениться на мне?

Малыш рассмеялся, от удовольствия зажмурив глаза, уткнулся ей в плечо, снова поднял голову – он играл в прятки.

– Жениться, жениться, жениться, – закричал он.

Сзади раздался громкий смех.

– Такая девушка, как ты, – и замуж! И зачем тебе это? Учи лучше танцам – и ни забот тебе, ни детей!

Обернувшись, Джина увидела Дору, свою ровесницу, если не моложе, которая выглядела лет на пять, а то и на все десять старше. У нее уже было не то двое, не то трое детей, а достоинства мужа, если таковые и были, давным-давно превратились в ее глазах в недостатки. Однако Дора не унывала.

– Занимайся лучше своими танцами, у тебя это здорово получается, – усмехнулась она, забирая у Джины ребенка. – Они уже собрались, тебя ждут.

– Спасибо! – Джина заспешила в селение. Там, в тени огромного эвкалипта, собрались «ее» танцоры, как она привыкла их называть. Здесь были и совсем молодые юноши и девушки, и лучшие танцоры племени – крупные, атлетического сложения мужчины. В центре небольшого кружка

сидел на корточках старик – он играл на большой бамбуковой трубе, диджериду. Остальные подпевали, выводили высокими голосами заунывную мелодию или отбивали ритм – кто на барабанах, кто ударяя одной палочкой о другую.

Джина остановилась, завороженная жутковатыми ритмами. Эти песни трогали ее за душу, хотя она не понимала ни слова. Солнце поднималось все выше, в жарком мареве долго не смолкали протяжные звуки диджериду.

Вийа нарани, джилалан, нагугари, пел старик. Коппи унга, аллингер ерра-балана.

– Ты понимаешь, что он говорит?

Это был Тимбо, он одним из первых проявил к ней интерес. Красивый восемнадцатилетний юноша, невысокий и коренастый, прирожденный танцор, оказался кладезем информации. Он прекрасно знал танцы, передаваемые из поколения в поколение, и с радостью взялся ей помогать.

Джина с улыбкой покачала головой.

– Понятия не имею.

Она прислушалась. Заунывные звуки диджериду переходили от верхних октав к нижним, древний инструмент стенал, как живой человек.

– Это жалобная песнь умирающего, – тихо произнес Тимбо. – Он прощается с любым человеком. Он говорит: «Вот я ухожу, ухожу в путешествие, я должен тебя покинуть, дай мне воды, ибо солнце садится…» – Юноша замолчал. – Это история фермы, того, что здесь случилось много-много лет назад.

Джине стало ужасно интересно.

– Расскажи мне.

Тимбо удивленно посмотрел на девушку.

– Ты любишь печальные истории?

– Не знаю, – задумчиво ответила она. – Но ты расскажи.

Юноша уселся поудобнее и устремил свой взгляд вдаль, туда, где виднелись черные безжизненные деревья. На фоне сверкающего неба они казались рядами виселиц. Высоко в небе закричала невидимая птица, заплакала, как ребенок, ей вторила древняя бамбуковая труба: старик извлек из ее полого нутра каскад жалобных криков.

– Ты ведь знаешь, кури жили здесь много тысяч лет.

Это было утверждение, не вопрос, но Джина поспешила ответить.

– Я знаю, что с каждой новой находкой археологов дата сдвигается – сорок, пятьдесят, шестьдесят тысяч лет…

Она вздрогнула, на миг представила себе этот древний безлюдный мир.

– Да. – В глазах Тимбо читалось холодное осуждение, но оно относилось не к ней. – И они могли здесь жить, потому что рядом была вода – пока не пришли белые люди.

– Здесь? В Кёнигсхаусе?

– Да. – Мрачная улыбка тронула губы юноши. – Только называлось это место не так. До Иоганна.

Иоганн. Прапрадед Джона. Джина кивнула.

– Продолжай.

– Он пришел сюда, потому что здесь была вода, хорошая вода у Чертовой Скалы, и ее было много. Но он пришел, чтобы забрать землю себе, себе и своим сыновьям. Он пришел, чтобы основать Королевство. Для него вода была на вес золота, и он не собирался ею делиться.

Джина мало что знала о соплеменниках своей матери, но одно она усвоила твердо – у них не было понятий «твое» и «мое», они жили одной большой семьей, как в садах Эдема.

Снова зазвучал ровный голос Тимбо.

– Он захватил водопой, привел сюда свой скот и стал убивать кенгуру, чтобы они не мешали его коровам. И у людей не стало ни воды – кроме той, что они находили в маленьких лужицах, – ни еды, потому что не стало кенгуру. Наступил голод. Тогда старейшина увидел сон, и в этом сне Великий Дух Карора, который давным-давно, еще во времена Великого Царства Снов вышел из самого первого источника, сказал ему, что скот – это те же кенгуру, только они родились заново в новом обличье. Это те же кенгуру, на которых раньше охотились, духи кенгуру, которые вернулись в виде коров, чтобы люди не умерли с голоду. Так что воины могут их убивать, чтобы люди их ели.

– Ох, нет! – запротестовала девушка, ибо уже знала, что последует дальше.

– И вот молодые мужчины пошли и убили коров, ровно столько, сколько нужно, чтобы накормить стариков, женщин и детей. А Иоганн пришел со своими людьми, ружьями и хлыстами и убил воинов, а остальных загнал на Чертову Скалу умирать. – Тимбо помолчал. – Мы называем ее Чертовой Скалой, потому что старый черт убил всех мальчиков и девочек, чтобы изгнать племя с этой земли.

Рассказ, сопровождаемый стоном и плачем старинной трубы, приближался к своей кровавой развязке. Удары барабанов казались вздохами умирающих стариков, палочки постукивали, как мертвые детские косточки. Сердце Джины стучало в такт бесконечной мелодии; она отчетливо представляла себе, как людей сбрасывают со скалы, как матери

прижимают к себе младенцев перед последним смертельным прыжком. Во взгляде Тимбо ей чудилась серо-коричневая вода, в которой плавают разлагающиеся трупы, темная земля, по которой стекают реки крови.

Господи, и как она могла подумать, что стоит ей сойти с трапа самолета и она сможет сродниться с этими людьми? Их разделяла глубокая пропасть, подобная той, в которой погибли предки этих людей; по одну сторону были «белые», по другую – «черные». А она как последняя дурочка мечтала, что своими силами сможет перебросить через эту пропасть мостик – при таком-то прошлом!

– Что, учительница, сама учишь историю?

Громкий насмешливый голос вывел Джину из размышлений. Она с трудом заставила себя улыбнуться.

– Здравствуй, Марк, – спокойно произнесла она.

Он был уже изрядно пьян, хотя до обеда было еще далеко. В каждой руке он держал по открытой банке пива и поочередно к ним прикладывался.

– Ист-рию, – торжественно повторил Марк, как будто высказал потрясающе умную мысль. Но тут его заплетающиеся, как язык, мысли приняли новый, опасный оборот.

– Ты пр-шла из дома? – вызывающе спросил он. – Вид-ла мою ж-ну?

Джина знала, что на подобные вопросы лучше не отвечать. Это был самый несчастливый брак во всем селении. Во время своего первого посещения Джина стала свидетельницей жуткой сцены: пьяный Марк избивал Элли за то, что она собиралась в господский дом на работу.

Однако если она оставалась в деревне, муж мог побить ее за то, что она не хочет работать – ее жалкий заработок был единственным средством их существования. Джина старалась обходить стороной этого старого, злобного, вечно пьяного мужчину, который наводил на нее ужас. Сегодня ей явно не повезло.

И столь же явно Марк напрашивался на скандал. Он стоял перед девушкой покачиваясь, в рваной майке и грязных шортах, от него разило пивом и немытым телом. Красные поросячьи глазки светились подозрительно – по такой жаре он слишком много выпил.

Только этого не хватало, ужаснулась Джина. Ни одной женщине не справиться с ним, особенно когда он пьян.

Марк заметил ее взгляд, и его раздражение выплеснулось наружу.

– Как ты смотришь на меня, сука? – завопил он. – Не смей задирать нос, ты никто и ничто, сука ублюдочная! Проваливай отсюда, катись в большой дом, там тебе самое место, пойди посмотри, что сделал с тобой

твой большой папочка! Наконец-то отрезанный ломоть получил свою долю, получил то, что ему причитается!

Но тут его запал иссяк. Дальше послышалось лишь невнятное бормотание.

– Твой папочка… твой отец… ты так думаешь… они все так думают…

– Эй, пойдем-пойдем, Марк!

Услышав крики, несколько молодых людей подхватили старика под руки и оттащили к хижине, где осторожно усадили в тени, привалив спиной к стене.

Джина обернулась к Тимбо.

– Мой большой папочка? – удивленно спросила она. – Что он хотел сказать?

Тимбо равнодушно пожал плечами.

– Понятия не имею. – Для него все взрослые были сумасшедшими, не говоря уж о таких старых пьяницах, как Марк. – Нашла на кого обращать внимание! – Он рассмеялся. – Если тебе нечем себя занять, думай лучше о нас. Уж мы найдем, как тебя развлечь!

Где он может быть?

По крайней мере, теперь она сможет заняться поисками.

Чарльз улетел в Сидней, откуда должен привезти потенциальных покупателей, Джон в буше, объезжает скот, Бен, как всегда, засел в конторе, а Джина в селении аборигенов.

Оставался Алекс, но и у него сегодня утром много дел. Сразу после завтрака он отправился в свою бывшую комнату в Башне, как он ее называл. Это была квадратная кирпичная двухэтажная пристройка, много лет назад возведенная одним из давно умерших Кёнигов, с высокими окнами и балконом на втором этаже. Ее обитатель мог чувствовать себя господином и повелителем всего, что видит глаз.

Башня.

После исчезновения Алекса они с Филиппом ни разу не произнесли это слово. За те двадцать пять лет, что прошли со дня побега, в комнате пасынка ничего не изменилось. Когда стало ясно, что беглец не вернется, с постели сняли белье, выкинули из корзины мусор и оставили комнату такой, как есть.

А теперь?

Тридцативосьмилетнему Алексу, конечно же, не понадобятся вещи тринадцатилетнего мальчика. Зато ему придется потрудиться, чтобы сделать комнату пригодной для жилья. Так что у него вряд ли возникнет

желание искать мачеху на втором этаже большого дома.

Значит, сейчас самое время. Если Чарльз исполнит свое намерение привезти из Сиднея покупателей, другой возможности не представится. Придется организовывать обед, готовить комнаты для гостей, наводить повсюду порядок. Так что же ты медлишь? Шевелись!

Элен поднялась по лестнице и решительно направилась в комнату Джона. Она сразу же увидела то, что искала. На комоде, среди немногочисленных мужских безделушек, лежал тот самый темно-коричневый конверт с надписью «Вскрыть после моей смерти», его-то она и видела в столе Филиппа. Давным-давно, когда Джон был еще маленьким, Филипп сам показал ей этот конверт.

«Здесь собрано все, – сказал он тогда. – Номера банковских счетов, распоряжения, все на свете».

Но это было до того, как Чарльз преуспел в городе и образовалась фирма «Кёниг Холдингз», до того, как на ферме появились компьютеры, до того, как компания «Кёниг Кеттл» разрослась настолько, что ее интересы вышли далеко за пределы Австралии. Так что на сегодня «все на свете» явно не поместится в одном конверте.

Но сейф как стоял в конторе, так и стоит – массивное темно-зеленое чудовище со свинцовыми пластинами и стальной обшивкой. И шифр, должно быть, не изменился – в старых сейфах, в отличие от новых, комбинацию цифр менять нельзя. И что бы ни хранил там Филипп, должен же он передать код своему преемнику.

Элен торопливо подошла к комоду, схватила конверт, высыпала на постель содержимое.

Шесть цифр, Джон сказал, что у всех старых сейфов код состоит из шести цифр. Она лихорадочно перебирала на удивление скудное содержимое конверта: несколько листков с номерами банковских счетов, самые заурядные инструкции, среди которых не нашлось ничего, что хотя бы отдаленно напоминало шифр. Наверно, она плохо смотрела, он должен быть здесь!

У Элен тряслись руки, но она заставила себя еще раз просмотреть каждый листок. В комнате было прохладно, окна выходили на запад, но она обливалась потом. Наверно, прошло значительно больше времени, чем она думала. «Не теряй голову, – сказала она себе, – успокойся, должен же где-то быть записан шифр, как же иначе?»

Может быть, его нужно искать среди других цифр? Она начала сначала. Однако наборы цифр обозначали номера или коды банковских счетов; сейф был изготовлен лет за сто до того, как банк открыл эти счета.

Может быть, дата? 29 мая 1972. Нет, она явно идет по ложном следу.

«У меня слишком быстро опустились руки, – повторяла Элен про себя, глотая слезы. – Это где-то здесь, ищи, продолжай искать!»

На всякий случай она запомнила дату – а вдруг это действительно шифр, – сложила листки в конверт и аккуратно положила его на комод, так, как он лежал до ее прихода, – надписью вверх. Она сама не знала, почему это сделала, разве что ей ужасно не хотелось, чтобы Джону стало известно, что его мать отчаянно ищет сама не знает что и еще более отчаянно боится это найти…

Выйдя из комнаты, Элен закрыла дверь на щеколду и медленно направилась в изящно обставленную спальню, их с Филиппом общую спальню. Комната занимала всю фасадную часть второго этажа и располагалась прямо над центральным входом. С широкого балкона открывался прекрасный вид на необозримые владения Кёнигов. Спальня переходила по наследству от одного хозяина Кёнигсхауса к другому, в ней он отдыхал от бесчисленных забот, связанных с его высоким положением. Белые стены, деревянные панели, светло-зеленый ковер, обои с вытисненными цветущими веточками… Просыпаясь в этой комнате, можно было подумать, что вы находитесь в Англии, милой весенней Англии.

Но все, к чему прикасался Филипп, очень скоро переставало быть милым. Огромная старинная дубовая кровать с балдахином, массивное кресло-качалка и старинный дубовый стол носили на себе отпечаток его присутствия, создавали впечатление комнаты холостяка, позволяющего себе курить в спальне.

Стол притягивал Элен как магнит. Если шифр где-нибудь записан, то скорее всего листок хранится здесь. Все те годы, что Элен провела с Филиппом, с самых первых дней ее появления в этой комнате, много лет казавшейся ей спальней другой женщины, стол был заперт.

Простая мера предосторожности, ответил ей Филипп, когда она спросила его об этом, и она поверила. С годами ей удалось превратить спальню и в свою тоже, удалось постепенно избавиться от «ее» присутствия – Элен почти никогда не произносила имя первой жены Филиппа. Она переставила мебель, сменила обои, у одной стены поставила новый столик, у другой – книжный шкаф и наконец почувствовала, что комната принадлежит лишь ей и Филиппу.

Однако призрак иногда нарушал их покой. Она боялась, что он может явиться и теперь. Роза считала, что Труди вернулась за Филиппом. Неужели она права, с ужасом думала Элен.

Она подошла к стоявшему у изголовья столику, взяла связку ключей, с

которой Филипп никогда не расставался и брал с собой даже в буш. Не обращая внимания на современные блестящие ключи, она стала один за другим пробовать те, которым явно было много лет. Наконец она нашло то, что искала. Ключ легко повернулся в замке. Элен выдвинула ящик – он оказался неглубоким. С черно-белой фотографии на нее смотрело прекрасное, озаренное жизнью лицо давно умершей женщины.

Труди.

Конечно. Кто же еще?

Впору поздороваться. Или выругаться.

Вот и разрешилась загадка, мучившая ее целых двадцать пять лет: куда подевался портрет первой жены Филиппа, смотревшей на нее со стены спальни в тот первый раз, когда Филипп привел ее в свой дом, в эту комнату, в свою постель. В следующий раз Труди уже не было. Элен понимала, что Филипп спрятал фотографию – такие вещи не выбрасывают; но она считала, что молодой жене не пристало ходить по дому и искать портрет, а с годами она забыла о его существовании. Но ей и в голову не могло прийти, что все это время он пролежал здесь, в спальне, что Труди являлась свидетельницей их самых интимных тайн, а в последние годы – самых постыдных деяний.

Элен почувствовала, как подступает дурнота, ей хотелось схватить портрет, скинуть его с самой вершины Снежных Гор и увидеть, как он разбивается вдребезги, или изорвать в клочья и спустить в унитаз. Она заставила себя взять фотографию в руки, положить на кровать. Сначала нужно найти то, что она ищет, а уж потом у нее будет предостаточно времени, чтобы решить, как поступить с Труди. Пока что она ни на шаг не продвинулась в своих поисках.

Содержимое запертых ящиков часто являет собой причудливую смесь ценных вещей и безделушек, и ящик Филиппа не был исключением. Здесь лежали старинные золотые запонки – с брильянтами, с жемчугом, тяжелая ониксовая печатка с выгравированной готической буквой «К», еще одна, из гранита и кровавика, золотые кольца с печаткой, а также несколько тяжелых золотых мужских часов из тех, что носят поверх жилета, и цепочки к ним. У Филиппа не было времени пользоваться такими вещами, он презирал мужчин, любящих «украшения», как он их называл.

Рядом со старинными драгоценностями лежали безделушки, некоторые из них явно сохранились со времен его детства. Красный воск для печатей и коробка спичек, старые ключи, сломанный перочинный нож, несколько открыток от давно позабытых друзей. Все это Элен отодвинула в сторону. Внизу лежали письма, официальные и личные. Она внимательно

их просмотрела. Ни за что в жизни не хотелось бы ей увидеть то, что попало наконец в ее руки.

На самом дне ящика находилось несколько ничем не примечательных конвертов с напечатанным на машинке адресом, обычная деловая переписка.

Дорогой мистер Кёниг, начиналось первое письмо, оно было отправлено из Сиднея. Сообщаем, что такого-то числа вам назначен прием у мистера…

Второе письмо вносило некоторую определенность:

*Сообщаем, что мы готовы к проведению рентгенологического обследования, предложенного мистером…*

Прослеживалась определенная динамика событий:

*…На прием, чтобы обсудить результаты обследования…*

Каковы были результаты, явствовало из последних, более настойчивых посланий:

*…Довести до вашего сведения, что в данном случае крайне важно принять безотлагательные меры. И хотя прогноз далеко не благоприятный – Вы просили сообщить Вам правду. Однако с применением современных лекарств и методов лечения можно замедлить развитие опухоли и продлить годы жизни.*

*В случае опухоли головного мозга, особенно если она захватила гипофиз, хирургическое вмешательство может привести к частичной потери речи и двигательной активности. Вполне возможно, что Вы будете прикованы к инвалидной коляске.*

*При отказе от лечения Вас ожидает не только усиление болей, но и нарушение психики, смена настроений, депрессии, к которым у вас уже наметилась склонность.*

Рак.

У него был рак.

Элен посмотрела, когда было отправлено первое письмо. Почти три года назад у Филиппа определили рак, опухоль головного мозга, и он отказался от лечения.

Отказался от хирургического вмешательства, потому что боялся остаться калекой. И он носил это в себе, решив до последнего дня оставаться тем Филиппом, каким был всю жизнь, и изо всех сил бороться с болезнью. Тихое угасание – не для него.

Элен аккуратно сложила письма, каждое в свой конверт, и убрала в стол. Потом заперла ящик, положила ключи на ночной столик Филиппа,

осторожно прилегла на свою половину кровати.

Она долго смотрела в потолок. Яростное полуденное солнце пробивалось сквозь подъемные жалюзи, прочертило на белых стенах темные полосы. Шло время, полосы передвигались по стене, а ее невидящие глаза были все так же устремлены в потолок. Наконец она заплакала. От боли у нее разрывалось сердце, ее горе было так велико, что ей не хотелось больше жить. Элен Кёниг оплакивала смерть своего мужа.

# 15

Джон.

Нужно поговорить с Джоном.

И нужно перестать плакать, нужно остановить этот бесконечный, бессмысленный поток слез. Неужели она все еще горюет о Филиппе? Нет, она плакала о том, что не смогла стать хорошей женой.

Она оплакивала женщину, которая стояла и смотрела, как ее муж приближается к вратам смерти, тогда как должна была идти с ним рука об руку, покуда это возможно; женщину, которая после стольких лет совместной жизни не протянула ему руку помощи, не произнесла ни слова утешения, пока он пил свою горькую чашу до самого дна.

Она оплакивала женщину, потерявшую прекрасного мужа, но потерявшую его за много лет до его смерти, так что в ее воспоминаниях остался не сам Филипп, а его жестокий двойник, занявший чужое место и отравивший последние годы их совместной жизни.

Какое счастье, что она сможет сообщить Джону правду об отце, объяснить, сквозь какие муки пришлось ему пройти. Объяснить, что его приступы ярости и неожиданное изменение завещания являлись следствием грозной опухоли в мозгу.

Так что она хочет сказать?

Что Филипп сошел с ума?

Эта мысль поразила Элен в самое сердце. Она достала носовой платок, спустила ноги с постели – лежать она больше не могла. Джону станет только хуже. Одно дело – знать, что он потерял Кёнигсхаус, потому что отец заболел, сошел с ума, и совсем другое дело – считать, что Филиппом двигало запоздалое раскаяние, что его последний поступок на этой земле был долгом чести…

Конечная мысль ужаснула Элен. Она поймала в зеркале свое отражение: в лице ни единой кровинки – и вздрогнула, будто увидела призрак. Его последний поступок на этой земле.

Филипп знал, что умирает. Он отказался от операции, от любого лечения, потому что боялся превратиться перед смертью в инвалида, хуже того, в растение. Но его ждало другое – медленная деградация, неизбежный распад личности. Так, может быть, он выбрал бы долгое путешествие в буш с одним лишь дробовиком в руках, почетный для скотовода способ уйти из жизни? Пожалуй, Филиппу хватило бы на это силы воли.

Мог ли он покончить с собой?

В любом случае, его конец был близок, у него была разросшаяся, неоперабельная опухоль. И хотя внешне он казался таким, как всегда: спорил с Беном и Чарльзом, принуждал ее заниматься любовью, – это был уже мертвый человек.

Мысли Элен устремились дальше. Нет, ни один человек не выберет себе такую смерть, даже если и решит покончить счеты со своей разбитой жизнью! Смерть сама набросилась на Филиппа, когда он только приближался к последнему акту трагедии. И если Кёниг выбрал королевскую коричневую змею, чтобы ускорить переход из своего Королевства в другое, загробное, – не было ли в этом своей страшной логики?

– Спасибо, Чарльз. Потрясающе. Значит, увидимся в шесть. Грандиозно! Пока.

Алекс, находившийся в своем уютном кабинете на первом этаже, задумчиво положил трубку на рычаг, взял листок бумаги и стал составлять план действий.

Значит, Чарльзу удалось уговорить Мадам Баттерфляй осмотреть Кёнигсхаус до отъезда в Токио? Молодец. Бог ему в помощь. Одобрительно кивнув, он стал думать, что делать дальше.

Вся честная компания прибудет сегодня к обеду и останется, по крайней мере, до завтра. Нужно предупредить Элен об их приезде, пусть все устроит; потом сходить на кухню, ублажить Розу, чтобы она приготовила что-нибудь особенное, и убедиться, что Элли поможет подать на стол… I Элли.

Улыбка тронула губы Алекса. Ты ведь их с первого взгляда узнаешь, за милю чуешь, а, парень? – поздравил он себя. Ты сразу вычисляешь настоящих любительниц, жарких девочек. Господи, да она все что угодно для тебя сделает – уже сделала! Есть, есть еще порох в пороховницах!

Кто бы мог подумать, что это тощенькое тело завертится волчком, стоило лишь завести его и отпустить? И кто бы мог подумать, что изумительная на вид грудь – даже дешевенькая кофточка не могла испортить впечатление – окажется еще более изумительной на ощупь?

Тело, созданное для любви, темно-коричневое, сверкающее, как бронза, и тающее под руками, как воск. Однако нашлись руки, которые обращались с ним куда менее деликатно.

Алекс нахмурился. На теле Элли были следы побоев. Похоже, причиной ее постоянных разговоров о ревнивом муже было не просто

кокетство, не желание придать остроту внебрачным утехам. Что ж, если такая роскошная плоть вызывает единственное желание – избить, то пьяный муж-абориген – полный кретин. I Роскошное тело… И не только тело.

Маленькие сильные ручки с гибкими, крепкими пальчиками, белые острые зубки, как у кошки, ушки, такие чувствительные, что их обладательница взвивается до небес от одного прикосновения…

Он представил, да нет, почувствовал эти пальчики на себе и вздрогнул от наслаждения. Господи, до чего же она неутомима, ненасытна, она жаждала перепробовать все, что можно, никак не хотела успокоиться…

Он почувствовал знакомое шевеление между ног, обычно предшествующее эрекции. Парень, веди себя прилично! Делу время, потехе час. Не отвлекайся, следи за мячом. Существует еще одна маленькая леди, от которой зависит твое будущее счастье – Миссис Фудзияма, или как ее там. Та Япошечка, Которую Нужно Осчастливить еще до захода солнца.

И не тем способом, в котором тебе нет равных. Жаль, конечно, но что поделаешь. Так, что еще? Поговорить с Джоном. Братишка должен вести себя смирно, это просто необходимо. Если Миссис Как-бишь-ее узнает, что существует обиженный, лишенный наследства младший сын, который может вставлять палки в колеса, причинять неприятности и даже подать в суд, она ни за что не раскошелится!

Нет, нужно все хорошо продумать. Договориться с Джоном, ублажить Элен, подсластить ей пилюлю, переговорить с Чарльзом. А потом совершить продажу, собрать добычу и исчезнуть, испариться, вернуться туда, откуда пришел.

Нет, только не туда, откуда он только что вышел. Алекс нахмурился, покраснел от стыда и гнева. Ему просто не повезло, он попался совершенно случайно. Больше этого не произойдет.

Но даже там, в этом месте – он и сейчас называл его только так – он многому научился, завязал полезные знакомства. Еще какие полезные, можно сказать, незаменимые. Так что все что ни делается – к лучшему.

Но все это в прошлом, все кончено, забыто. Он расплатился, и с лихвой! Больше этого не повторится. Вот только разобраться с продажей, и начнется новая жизнь.

Австралия – чертовски большая страна, чертовски большая прекрасная страна, если хочешь в ней затеряться. И если парнишка уже однажды потерялся, он может сделать это и во второй раз, уж будьте спокойны.

Похоже, все продумано. Как хорошо я сегодня потрудился, с радостным удовлетворением подумал Алекс.

Он снял трубку, переключился на внутренний телефон и, улыбнувшись, проворковал:

– Привет, Роза, ты знаешь, как я тебя люблю? Ты не сделаешь мне виски? Да, двойной. – Он снова улыбнулся. – Я в своей берлоге. И пусть Элли принесет, ладно?

Джон.

Скоро она сможет поговорить с Джоном.

Какая жалость, что к обеду приедет эта японка со своим управляющим. Элен сообщила новость еще в селении, когда приехала за ней. Наверно, гости не станут проводить с семьей весь вечер. Значит, она сможет поговорить с Джоном. Если, конечно, он захочет разговаривать.

О Господи, если бы знать, о чем он думает! Джина тяжело вздохнула, поглубже опустилась в горячую ванну, расслабила уставшие ноги. Ей и нужно-то всего несколько минут – неужели она требует слишком многого?

Всего несколько минут наедине с Джоном.

А если честно, вздохнула Джина, то не несколько минут, а всю жизнь.

Наверно, она сошла с ума, если заходит в мыслях так далеко. Джина села, потянулась за полотенцем. Ты перекинулась с ним всего несколькими словами, ты его совсем не знаешь, может быть, у него на соседней ферме девушка, может быть, они даже обручены. Может быть, ты ему не нравишься, может быть, ему и в голову не придет жениться на тебе.

«Может быть, – говорил ее внутренний голос. И тут же возражал: – но это не так!»

Она тяжело вздохнула. Так или не так, сегодня все выяснится. Когда она увидит Джона.

Джон еще издали увидел вертолет, он кружил в небе, как комар, и жужжал так же. К его великому негодованию, пилот пролетел над самым стадом, явно чтобы показать возможным покупателям владельцами какого замечательного скота они станут, если купят ферму. Погрузка в этот момент была в самом разгаре, Генри и остальные пастухи заводили животных на машины. Но коровы не любят, когда над ними что-то летает, они боятся шума. А испугавшись, бросаются бежать.

Чарльз мог бы это запомнить, ему не раз говорили! Наверно, он так хочет совершить эту чертову сделку, что на остальное ему просто наплевать. Джон яростно выругался, да что толку?

– Ну спасибо, самовлюбленный ублюдок! – закричал он. – Черт бы побрал всю вашу свору! Ты мог напугать скот, вызвать паническое бегство.

Мы бы потеряли половину! И что бы тогда осталось от твоей драгоценной компании?

Не переставая ругаться, он резко развернулся и, не заходя в дом, направился к часовне, где так недавно был похоронен его отец. Бросив у входа кнут, он распахнул двери настежь. В лучах солнца он казался ангелом-мстителем.

На каменных плитах над могилой Филиппа лежали цветы: лилии и белые гардении, обрамленные блестящей зеленью листьев лавра. Они были все так же свежи, их нежный аромат наполнял часовню. Таблички над могилой все еще не было.

– О Господи, отец, – воскликнул Джон, – мы не успели еще сделать тебе медную табличку, а твои кости уже хотят продать! И тебя, и весь Кёнигсхаус!

Джон поднял глаза, с ненавистью уставился на вырезанное из слоновой кости изображение распятого Христа.

– Ты слышал?! – страстно вскричал он. – Ты видишь, что за мерзость творится вокруг? А если видишь, то почему молчишь? Или тебе наплевать?

Гулкая тишина была ему ответом.

– О Господи! – снова возопил он и упал на колени, пытаясь взять себя в руки, пытаясь молиться. Но со вчерашнего дня его мозг пребывал в страшном напряжении, граничившем с безумием. «Отца убили!» – вот единственное, во что он верил.

Он был уверен, что видел вещий сон, уверен до глубины души. Теперь, по крайней мере, стало понятно, почему Филипп, столько лет проживший в буше, не услышал приближения огромной змеи, не смог защититься. Убийца привел с собой двоих подручных, они выпустили трех змей – на случай, если одной будет недостаточно, – и поднесли их к спящему так тихо, что он не проснулся. В этом заключался секрет смерти отца, и он один мог об этом рассказать.

Но кто ему поверит? Чем он может подтвердить свои слова? Представить только: он дает показания в суде. Да, Ваша честь, я знаю, что моего отца убили. Мне это приснилось». Да его засмеют и выгонят с позором!

И кого он может обвинить? Кто эти убийцы? Их точно было трое, предводитель и двое крепких ребят, подручных. Ребят? Он даже не знает, мужчины это или женщины. Извивающиеся в темноте силуэты могли принадлежать как мужчинам, так и женщинам: чтобы напустить на спящего змей, особой силы не требуется. Но кто мог уготовить Филиппу такую страшную смерть?

Джон попытался вспомнить, кого в последнее время выгнали с фермы. Пьяный бродяга, который требовал от Розы еды и крова, – его вытолкнули, не дав ни того, ни другого. Неумеха – наемный работник, которого уволили без лишних разговоров. Оба пытались протестовать, но Филипп подкрепил свои приказы ударами хлыста. Могут ли они убить? А если нет, то кто?

За всю свою жизнь Джон никого ни в чем не подозревал. И теперь его израненная душа испуганно шарахалась от темных мыслей: убийцы – с фермы, из Кёнигсхауса…

Нет! Этого не может быть!

И тем не менее убийца – кто-то из близких.

Кто-то из тех, кого он знает.

Его мысли бежали по кругу, как белка в колесе.

– Я не знаю, что делать, – вскричал он, – мама, папа, помогите мне!

А в ответ – все та же гулкая осуждающая тишина часовни, могильная тишина.

– Скажите, что мне делать…

И наконец он вскричал в полный голос:

– Господи, скажи, что мне делать!

# 16

Взметнув клубы красноватой пыли, вертолет опустился на землю. Элен наблюдала за посадкой с безопасного расстояния. Теперь она выжала сцепление и направила джип к взлетной полосе, встречать гостей.

Поднялась крышка люка, будто скорлупа лопнула – вертолет был белого цвета, и на землю спустился трап. Первым показался Чарльз, искоса взглянул на нее.

– Привет, Элен. Как дела?

– Замечательно, – машинально ответила она. – Все в порядке. А у тебя?

Он обернулся.

– Разреши представить тебе миссис Мацуда и ее советника по финансовым вопросам, мистера Бакли.

– Пожалуйста, зовите меня Йосико.

Наверно, ей лет сорок, подумала Элен, разглядывая спустившуюся по трапу женщину, но точно не скажешь. Восточная красавица без возраста, с первого взгляда видно, что богачка, и не просто богачка, а обладательница того врожденного шика, который не купишь за деньги. Лучшие косметические салоны мира заботились о ее коже, отливающей матовой белизной – такой цвет лица считается в Японии идеалом. Черные как вороново крыло волосы были уложены в прическу, над которой явно поработали парижские парикмахеры, костюм «сафари» из тертого льняного полотна изготовила фирма «Беверли-Хиллз», роскошные коричневые туфли и сумочка увидели свет в Риме, не иначе. А портфель небось родом оттуда, где все еще делают зонтики для королевы Виктории. Сердце у Эллен упало.

Она постаралась подавить в себе зависть. Да, очень богатые люди сделаны из другого теста, безрадостно подумала она. Для начала, они живут дольше.

Тем хуже для остальных!

Рядом с изысканной, ухоженной женщиной Элен чувствовала себя старой, плохо одетой и неуклюжей. Она представила себе, как Чарльз сравнивает ее с изящной Йосико, и ей захотелось провалиться сквозь землю. Нет, пусть лучше провалится Йосико!

– Миссис Кёниг? Я с прискорбием узнала о смерти вашего мужа.

– Зовите меня Элен. Вы о Филиппе? Да, я… Дело в том… – О Господи! Что она мямлит?

Чарльз, как всегда, пришел ей на помощь.

– Спасибо, Йосико. Да, это был выдающийся человек; большая утрата – для Элен и для нас всех. – Он повернулся к трапу, чтобы представить второго гостя. – Элен, познакомься, мистер Бакли.

Она протянула руку. Моложавый мужчина приветствовал ее вежливо, но без тени улыбки. Голос, костюм, бледное ухоженное лицо, рубашка, застегнутая на все пуговицы, очки в стальной оправе – все выдавало в нем американца, энергичного выпускника частной школы, а лет ему могло быть и двадцать восемь и все пятьдесят.

– Бакли, Крэйг Бакли, мэм. – Акцент управляющего выдавал в нем жителя Новой Англии. – Я помощник миссис Мацуда по финансовым вопросам. Моя задача – разобраться в цифрах нашей сделки. Рад с вами познакомиться.

Элен представила себе, как они будут выглядеть в глазах Джона – стальная магнолия и лишенный чувства юмора прилипала, похожий в своих очках на молодого нациста, для которого Кёнигсхаус – набор цифр, не больше. Джон их возненавидит.

На нее все еще был устремлен бесстрастный взгляд угольно-черных глаз.

– Мистер Кёниг – Чарльз – сообщил мне, что у вас есть сын, миссис Кёниг, – произнесла Йосико.

– И приемный сын тоже, – устало ответила Элен.

Миссис Мацуда загадочно улыбнулась.

– И приемный сын. Какая вы счастливая. Я с нетерпением жду встречи с ними обоими.

Пока все прекрасно, повторил Алекс свою излюбленную приговорку – он прибегал к ней в щекотливых ситуациях. В столовой, залитой светом, сверкало серебро, белело камчатное полотно скатерти. Только что как по волшебству появилось первое блюдо, и вкус у него был тоже волшебный. Знакомство с гостями шло прекрасно, но не благодаря братцу Джону!

– Еще вина, Йосико? А вам, Крэйг?

Лучезарно улыбаясь, он от души налил сидевшим рядом с ним гостям прекрасного «Шираз» – Алекс откопал его в отцовском погребе и не поленился заблаговременно открыть, чтобы насладиться ароматом восхитительного кроваво-красного напитка.

– Элен? Бен? Не передадите бутылку Бену? Да, спасибо, Йосико, рад, что вам понравилось.

Ну какого, спрашивается, хрена этот долбаный Джон скорчил такую

мину, будто его вот-вот поволокут на убой? Нужно срочно принимать меры! Алекс вновь чарующе улыбнулся и попробовал разрядить обстановку.

– Итак, Йосико, что вам удалось посмотреть у нас в Австралии?

Японка пожала плечами.

– Сидней, Большой Барьерный Риф, Эйерс Рок.

Чарльз рассмеялся.

– То, что показывают всем туристам! А мы сможем показать вам настоящую Австралию, если, конечно, у вас найдется время.

Миссис Мацуда еле заметно улыбнулась.

– Больше всего мне бы хотелось посмотреть ранчо Кёнигсхаус.

– Ферму!

Джон вел себя как слон в посудной лавке.

– Ферму! – воинственно повторил он, расплескивая вино. – Это у американцев на Диком Западе ранчо, а у нас в Австралии фермы, скотоводческие фермы.

Ну спасибо, маленький братец! В груди Алекса стал закипать холодный гнев. Ладно, никто не ожидал, что Джон придет в телячий восторг от мысли о продаже Кёнигсхауса, от приезда покупателей. Но можно хотя бы вести себя прилично!

Особенно теперь, когда у самого – ни единого шанса заполучить ферму. Неужели так трудно помочь номеру первому с продажей, подставить свое чертово плечо?

«А когда мы приберем к рукам всю сумму, Джонни, мой мальчик, – великодушно обещал ему Алекс, – я о тебе позабочусь, можешь не сомневаться! Старина Чарльз сказал мне, что, если отстегнуть тебе солидный кусочек, дать возможность встать на ноги, это окажется хорошим вложением капитала. Дай только совершить сделку, и ферма для маленького Джонни окажется первой на очереди!»

Я бы и на это пошел, подумал Алекс, лишь бы младший братец взял себя в руки и хоть немного подлизался к Мамочке Денежный Мешок! А этот чертов ребеночек не нашел ничего лучшего, как навалиться на стол и расплескать отличное вино, как будто это простой лимонад, да еще выглядеть при этом таким же счастливым, как ублюдок в День отца!

Алекс посмотрел на сидящую рядом с Джоном чистенькую изящную девушку в модном бледно-розовом платье без пояса, с сережками-цветками в ушах и чуть не рассмеялся вслух.

Черт бы побрал этого Джона!

Нужно же быть таким идиотом!

Неужели он не видит, что зря пыжится, бедной девке нужно совсем другое. Вырядилась, а что толку?

Близорукость других мужчин приводила Алекса в изумление. Они могут встретить женщину, готовую тут же, на месте, выскочить для них из штанишек, а они лишь приподнимут шляпу и спокойно пойдут дальше. Потрясающе! А что касается этой крошки, то дай ей волю, она окажется почище Элли, или он ничего не понимает в женщинах!

Украдкой разглядывая Джину, Алекс заметил, что Чарльз, сидевший слева от миссис Мацуда, завел речи о продаже.

– Нам нужно многое вам показать, и я уверен, что увиденное вам понравится, – вкрадчиво произнес он. – Площадь фермы более семи тысяч квадратных километров, но главное, конечно, это усадьба.

Миссис Мацуда обвела глазами столовую, внимательно осмотрела сизо-серые панели, отделанный багетом потолок, натертый пол.

– Дом очень старый? – спросила она.

– Историческая ценность, – Чарльз пристально посмотрел на Элен. – Хозяйка сама вам все расскажет.

– Он построен больше ста лет назад, – послушно начала Элен, а душа ее изнемогала от муки. «Я оказалась меж двух огней, – думала она с тоской, – если по моей вине продажа не состоится, Джон ничего не получит. А если состоится – станет ли он со мной разговаривать?»

– Это одна из самых старых ферм в Северной Территории, – голос у нее охрип. – Она упоминается во всех справочниках, о ней писали в местных газетах. Это безусловная достопримечательность, образец колониального стиля в архитектуре…

Элен замолчала. Непроницаемо-черные глаза смотрели на нее все так же внимательно.

– Но это ваш дом. А я хочу его купить и жить здесь. Это вас не огорчает?

Огорчает ли это ее? Она сама не знала.

– Пожалуй, нет, – твердо произнесла она. – Времена меняются.

– Может быть, вы с мужем хотели уйти на покой? – продолжала миссис Мацуда. – Передать сыновьям управление фермой и поездить по свету, навестить друзей, попутешествовать?

Элен чуть не рассмеялась. Чтобы Филипп ушел от дел – такое и представить себе невозможно, как невозможно представить себе, чтобы они отправились посмотреть мир. Этакие старички-бодрячки: мы путешествуем по свету на закате дней своих.

– Нет. Он никогда об этом не говорил. Миссис Мацуда кивнула с

самым серьезным видом.

– Понимаю. Муж никогда не говорил с вами о делах?

Почему этот вопрос показался ей таким унизительным?

– Нет, никогда. Последовал новый кивок.

– Мой муж был точно таким же. Он был очень старомодным человеком, приверженцем традиций. – Миссис Мацуда звонко рассмеялась. – Но мужчины умирают, и женщины берут все в свои руки.

Она наклонилась вперед, ее точеный пальчик цвета слоновой кости с розовым лакированным ногтем стал постукивать по белой скатерти.

– Деньги мужа стали моим начальным капиталом. После его смерти, после того, как я нашла помощника, очень нужного помощника… – Японка искоса глянула на очкастого Бакли – тот ловил каждое ее слово. – Знающего и преданного… я увеличила капитал в десять раз.

Она снова посмотрела на Бакли, на этот раз ее глаза недвусмысленно сверкнули. Управляющий с вызовом оглядел присутствующих. Казалось, ее взгляд отражался в его очках.

– И мне приятно сознавать, – миссис Мацуда подняла свой бокал, – что я вела себя как примерная жена. Мне кажется, что мистер Мацуда был бы рад моим успехам.

– Еще бы!

Джон снова вступил в разговор, намеренно громко и воинственно. Миссис Мацуда ненадолго задержала на нем свой взгляд, однако ее реплика относилась ко всем присутствующим.

– Здесь так красиво. Странно, что вы хотите продать поместье.

– Да, но видите ли… – начал Чарльз. Господи, до чего он хорош сейчас, в сиянии свечей, подумала Элен. – Мы считаем, что «Кёниг Холдингз»…

– А я не хочу! – яростно вскричал Джон, наваливаясь на спинку стула. – Я не хочу продавать! Провалиться мне на месте, если это не так! Но вам на меня начхать, не правда ли? Я всего лишь младший брат, что меня слушать?

«Так заткнись, твою мать, а не то…» – подумал Алекс, задыхаясь от гнева. А он-то надеялся, что давным-давно избавился от этого чувства – в тот самый день, когда отряхнул со своих ног прах Кёнигсхауса.

Однако стальная бабочка ничуть не растерялась.

– Мистер Кёниг, – обратилась она к Джону, обнажив в улыбке прекрасные белые зубы. – Вы недооцениваете себя. Ваш дядя Чарльз рассказал мне о вас, о Кёнигсхаусе, о том, как хорошо вы умеете обращаться со скотом.

Такой красивый юноша, с сожалением подумала она, голубоглазый, светловолосый. А какое потрясающее тело…

Жаль, что эти прекрасные и столь желанные юноши совсем не развиты. Хорошо бы взять его с собой в Европу, научить ценить пищу и вина и – и все остальное.

Особенно теперь.

Особенно теперь, когда Крэйг стал таким старым и надоедливым. Наверно, двадцать восемь лет – слишком много для нее, ей нужен мужчина помоложе. Может быть, потом. Посмотрим, как пройдет продажа. Она снова посмотрела на Джона, стараясь не выдать своих мыслей.

– Вы первый ковбой в моей жизни, и я рада познакомиться с вами.

Что это – в ее словах действительно прозвучал призыв, или ему послышалось? Возбуждение Алекса возросло. А почему бы и нет? Этим можно воспользоваться!

Если хоть немного обращать внимание на женщин, разобраться в их поведении труда не составляет. Джон – красивый парень, именно такие и должны нравиться дамам постарше и с хорошим вкусом. И если бы он подумал о своей выгоде, он бы сломя башку бросился за Мадам Юм-Юм, несмотря на красивые грустные глазки Джины!

Если бы он подумал о своей выгоде.

Интересно, братец слишком глуп или слишком пьян?

– Ковбой?! – крикнул Джон. – Стоп! Мы говорим «скотовод» и «ферма» вместо «ранчо». И это моя ферма, и поэтому я буду противиться продаже до последней капли крови!

Он неуклюже наклонился вперед и с пьяным задором продолжал:

– Может, вы поймете, о чем речь, если я вам скажу, что здесь похоронены все мои предки! Предки. Вы хоть знаете, что это такое?

Повисла гнетущая тишина. Презрительная улыбка исказила тонкие губы Крэйга.

– Видите ли, мистер Кёниг, в Японии живут не только кули, гейши и рикши. Сфера деятельности нашего консорциума далеко не ограничивается пределами одной страны. Еще посмотрим, можно ли сказать то же самое о «Кёниг Холдингз»!

Джон язвительно рассмеялся.

– Смотрите, смотрите!

Он слишком много пьет, с ужасом подумала Элен. О Господи, что будет дальше?

Миссис Мацуда отодвинула тарелку, изящно промокнула губы салфеткой.

– Нам необходимо посмотреть бухгалтерские книги и отчеты за последние пять лет. – Она вела себя так, будто ничего не случилось. – А также заверенные инвентарные ведомости, словом, любые документы, показывающие состояние дел на ферме.

– Естественно.

Кивком головы Чарльз указал на Бена – тот молча сидел на другом конце стола.

– Бен наш директор по финансовым вопросам, и пока вы здесь, он в полном вашем распоряжении. Не возражаешь, дружище?

– С превеликим удовольствием, – ответил Бен. Что-то не заметно, чтобы он пребывал наверху блаженства, подумал Бакли. Черт, да что с ними приключилось?

Бен смущенно откашлялся, прикрывая рот рукой.

– Вы здесь до которого числа?

Миссис Мацуда бросила взгляд на своего управляющего и улыбнулась.

– Думаю, мы можем побаловать себя, пробыть здесь столько, сколько захотим. Что скажешь, Крэйг?

Бакли мгновенно вытащил из кармана тоненькую электронную записную книжку и стал нажимать на кнопки.

– Наверно, мы управимся довольно быстро, но дня два-три… до двадцать второго, – неизвестно зачем объявил он. – Тогда к двадцать пятому числу мы успеем в Чикаго, на конференцию производителей и потребителей говядины.

– До двадцать второго?

Пора вмешаться, подумал Алекс, с трудом сдерживая раздражение. Пора взять инициативу в свои руки, хотя это не входило в его планы – он предпочел бы остаться в тени. Показать этим ублюдкам, кто здесь хозяин! От этих идиотов никакой пользы, они понятия не имеют, что значит продавать!

А что касается Джона…

Но он им покажет фокус, научит, как вести дела.

– Вы все успеете, – Алекс приветно улыбнулся. – Чарльз с Беном уже давно готовились к продаже, так что у нас все документы в порядке. Мы с радостью вам поможем.

Джон с грохотом отодвинул свой стул.

– «Мы с радостью вам поможем», – передразнил он Алекса. – Конечно, мы вылижем все задницы до самого Киото, если это поспособствует драгоценной сделке! Но без меня! На меня можете не рассчитывать! И если все вы тут решили разнести Кёнигсхаус в клочья, то я костьми лягу, чтобы

этому помешать!

Пошатываясь, он направился к двери.

– Мне очень жаль, миссис Мацуда, – заискивающе произнесла Элен. – Джон никогда так себя не вел. Не знаю, что на него нашло.

Она сама не верила своим словам. Японка только улыбнулась.

– Ваш сын несчастлив, – промурлыкала она. – К тому же любой юноша может иногда напиться. Но дело есть дело: Кёнигсхаус продается или нет?

# 17

– Извините!

Стараясь не выдать своих чувств, Джина встала из-за стола, вежливо попрощалась и вышла из столовой. И сразу же увидела Джона – спотыкаясь и пошатываясь, он брел к выходу. Два шага, и она его догнала.

– Джон! – Она схватила юношу за руку. – Куда ты?

– Туда. – Он откинул щеколду, распахнул дверь и повторил, указывая рукой в пространство: – Туда.

– Куда?

– Куда угодно!

В таком состоянии он действительно мог уйти куда угодно. А она-то надеялась, что они смогут спокойно поговорить наедине, мечтала, что сможет насладиться его близостью. Ей хотелось стукнуть его. Или себя. Нет, одного она его не отпустит.

– Я пойду с тобой.

– Незачем. – Джон даже не посмотрел на Джину. – Все кончено. – Он попытался высвободиться.

Она еще крепче вцепилась в его руку.

– Что кончено?

– Ничего. Ничего и не было. – Он покачнулся, закрыл лицо руками. – Господи, я совсем пьяный! Не слушай меня, я сам не знаю, что говорю.

– Нет, ты все прекрасно знаешь! – Джина с трудом сдерживала слезы, но гнев не позволял ей молчать. – Не смей со мной так разговаривать, ты ведь знаешь, что что-то было…

Она замолчала на полуслове, голос ей не повиновался. Джон поднял на нее глаза – в них читалась мука.

– Было… между нами, – выдавила она наконец.

Из столовой доносился шум отодвигаемых стульев, голоса стали громче. Обед закончился, с минуту на минуту в холле могли появиться люди. Джон потряс головой, попытался стряхнуть опьянение.

– Здесь нам поговорить не удастся, – медленно произнес он. – Пойдем.

Он взял девушку за руку, вывел на улицу, закрыл за собой дверь. Огромная луна спокойно плыла по усыпанному звездами небу. Прохладный ночной ветерок остудил пылающие щеки Джины. Похоже, на воздухе и Джону стало лучше, теперь он держался на ногах значительно увереннее. Они пересекли лужайку и остановились перед домом для гостей, у самых

ступенек. Было между нами…

Джине хотелось вырвать себе язык. Какой позор – выдать свою любовь человеку, пусть и очень доброму, но абсолютно не разделяющему ее чувств! Ей досталась горькая чаша, и она вынуждена испить ее до дна.

Нужно что-то сказать, загладить промах. Но она не могла произнести ни слова. И тут Джон заговорил, но совсем о другом.

– Эта японская дама, Миссис Как-бишь-ее, – начал он. – Когда она соберется уезжать, я хочу, чтобы ты попросила ее взять тебя с собой.

– Что? – Джина ожидала чего угодно, но только не этого.

– Я хочу, чтобы ты вернулась вместе с ней в Сидней, чтобы ты уехала отсюда. – Джон вздохнул.

Он хочет избавиться от нее?

– Почему?

– Тебе незачем здесь оставаться, вот и все.

Явная отставка, причем высказанная самым обыденным тоном – что может быть горше? Но нет, ей этого мало, ей нужно приумножить свои страдания.

– Должна быть какая-то причина, я хочу ее знать, – настаивала Джина. – Скажи мне.

Джон возвышался над ней, загораживал собой луну.

– Говорить нечего. Уезжай. У нее уже был готов ответ.

– Нет.

Из темноты послышался приглушенный расстоянием крик ужаса, затем – долгий предсмертный стон: какой-то ночной хищник напал на ничего не подозревающую жертву. Джон никак не отреагировал на эти звуки.

– Послушай, – он ухватился за перила веранды, – тут много всего произошло. Вчера… вчера ночью, в буше мне…

Он не мог сказать: «Мне приснился сон». Так говорят только школьницы, изнывающие от любви к какой-нибудь поп-звезде.

– У меня было… странное ощущение… ощущение отстраненности, можно так сказать. У источника. Где… где умер отец. – Джон смущенно покачал головой. – Какой-то дурацкий сон.

– О твоем отце?

– Да. О той ночи, когда он… и о змеях, о трех королевских коричневых…

Трех змеях?

Откуда он знает, сколько их было? Им сказали, что Филипп умер от укуса змеи, вот и все, даже результатов вскрытия еще нет. Так с чего он

взял, что змей было несколько?

– Что еще тебе приснилось? – спросила Джина как можно более небрежно.

Однако Джон почувствовал ее настороженность.

– Так, ничего особенного. Нечто неопределенное… как всегда во сне… какие-то люди, но я никого не узнал. Говорю тебе, дурацкий сон.

Он натянуто улыбнулся.

– Ладно, мне пора. Утром скажу Чарльзу, чтобы придержал для тебя место в вертолете.

– Можешь не утруждать себя, – разозлилась Джина. – Послушай, что я тебе скажу! – Она поднялась на ступеньку, еще на одну. Теперь их лица оказались на одном уровне. – Я не ребенок, и ты за меня не отвечаешь, так что нечего мне приказывать. К тому же я не идиотка. Неужели ты думаешь, что я испугаюсь какого-то непонятного сна? Наверно, ты слишком много выпил, как сегодня, – вот он тебе и приснился!

Ей хотелось сделать Джону больно, но она тут же пожалела о своих словах. Даже при малом освещении было видно, как он покраснел. Он посмотрел ей в лицо – впервые с начала разговора – и выпалил:

– Я не был пьян, если ты это имеешь в виду. Да, мне приснилось еще кто-что… люди… что-то нехорошее, я даже не знаю, что именно. Что-то настолько нехорошее, что я не могу об этом говорить, потому что получится, что я обвиняю кого-то в страшных вещах.

Что-то нехорошее, страшные вещи – о чем он? Детский лепет какой-то. Но вслух Джина этого не произнесла.

– И до тех пор, пока я не выясню, что все это значит, правда это или нет, я хочу, чтобы тебя здесь не было. Чтобы ты не подвергалась опасности.

– Почему я? Как это связано со мной? Теперь Джон чуть ли не упрашивал девушку.

– Если хоть что-то окажется правдой, то опасность будет угрожать всем, кто здесь находится.

«Мне и тем, кто мне дорог», – хотелось ему сказать. Но нет, он не имеет права. Джон предпринял еще одну, последнюю попытку.

– Ради меня. Прошу тебя, уезжай вместе с ними, хорошо?

Увидеть сильного мужчину в униженной, смиренной мольбе – что может сильнее воспламенить женское сердце? Джина не упустила свой шанс.

– Я уеду, – тихо произнесла она, – если ты уедешь со мной!

– О Боже, – простонал Джон.

«Если бы я мог», – услышала она его беззвучную молитву.

Она стояла перед ним совершенно неподвижно. Каждая клеточка ее тела стремилась приворожить его, заставить полюбить. Неужели он не видит, как он ей нужен?

«Посмотри на меня, – внушала она ему, – посмотри на меня, идиот, прекрасный, восхитительный идиот, что мне делать, чтобы ты посмотрел на меня, увидел меня, дотронулся до меня, полюбил меня?..»

Джон бросил на девушку безумный взгляд, как будто до нее вообще не встречал женщин, ощутил нежный аромат ее тела, увидел ее глаза, ее мерцающую в свете звезд кожу, ее алые сережки, будто лепестки роз. Затем поднял руку, осторожно провел пальцем по ее нежной щечке и сокрушенно пробормотал:

– Ох, Джина.

И в ту же секунду ее руки обвились вокруг его шеи, она прижалась к нему всем телом. Он осторожно приподнял ее лицо за подбородок – казалось, он всю жизнь готовился к этому мгновению.

Ее поцелуй был подобен возвращению домой.

Ему хотелось целовать ее без конца. Он прижал ее к себе, ее головка покоилась на его плече, их сердца бились рядом. Он цеплялся за нее, как утопающий цепляется за соломинку.

– Господи, все без толку!

Она в ужасе открыла глаза: он грубо оттолкнул ее, отошел в сторону.

– Я не должен был этого делать, – хрипло произнес он. – Пусть все остается по-прежнему. Ты должна уехать. – Джон повернулся, чтобы уйти. Еще немного, и он скроется в темноте. – Я хочу, чтобы завтра с утра тебя здесь не было!

– Если вам что-то понадобится, попросите Розу, Элли или любого из нас. Роза отведет вас в дом для гостей, проследит, чтобы в ваших комнатах было все, что нужно. Надеюсь, вам будет удобно, – сказала Элен, а про себя подумала: а еще я надеюсь, что больше ни секунды не буду изображать из себя радушную хозяйку, иначе я начну кричать и не остановлюсь, пока не добегу до самого Сиднея.

– Спасибо, все прекрасно, – ответила японка. Под неусыпным наблюдением Розы она проследовала вместе со своим молодым человеком к двери, следом за ними отправился Бен – он тоже собирался лечь спать. – Спокойной ночи.

Послышалось дружное «Спокойной ночи».

– Спокойной ночи, всем спокойной ночи, – Алекс помахал рукой в темноту. – Ну вот, на сегодня все, – подытожил он, закрывая дверь. –

Встреча прошла довольно удачно, вы так не считаете? Мы сделали все, что в наших силах. – Он зевнул, не без изящества потянулся. Так могла бы потянуться пантера. Или тигр. – Пойду выпью глоточек виски у себя в берлоге, а потом на боковую. Нет-нет, не беспокойтесь, Элен, я попрошу Элли, она мне принесет.

– Гм!

В последнее время у Чарльза такой угрюмый взгляд, подумала Элен. Сейчас этот взгляд был направлен на Алекса, который устремил свои легкие стопы в кухню, где убиралась Элли.

– Пошел помогать мыть посуду? Какой примерный мальчик!

Элен устало провела рукой по волосам.

– Прошу тебя, Чарльз! Он обернулся.

– Извини, я не в лучшей форме. День был тяжелый.

Она кивнула.

– У меня тоже. Я иду спать.

– А не хочешь ли выпить перед сном? – нерешительно предложил Чарльз. – Чтобы лучше спалось?

– Нет, спасибо. Я валюсь с ног.

Они вместе поднялись по широкой лестнице, остановились у спальни Элен.

Чарльз поднял на нее глаза. Они так напоминали ей глаза Филиппа, но в них не было жестокого блеска.

– Я еще не ложусь, – неуверенно произнес он. – Если ты передумаешь, крикни мне. – Он кивком указал на комнату в другом конце коридора, где спал в детстве. – Я услышу, здесь близко.

– Спасибо, Чарльз, – устало ответила Элен. – Спокойной ночи.

В комнате царил полумрак. Она почувствовала, что погружается в серо-голубую пустоту, как в невесомость. Вместо долгожданного отдыха на нее навалилось страшное, невыносимое одиночество. Она в ужасе выскочила из спальни. Чарльз все еще стоял на площадке.

– Пожалуй, не откажусь от стаканчика, – смущенно пробормотала Элен, встречая его насмешливый взгляд.

Но он не смеялся над ней.

– Может, пойдем на балкон, – предложил он. – Я схожу в столовую, посмотрю, что там осталось. Мы ведь не хотим помешать парочке в кухне, правда? – Чарльз усмехнулся.

– Ты хочешь сказать, что Алекс… – в изумлении прошептала Элен, – что он и Элли?..

– Наш новый хозяин и повелитель? Думаю, шалости с прислугой –

далеко не самое страшное из его прегрешений, особенно если эта прислуга сама не прочь перепихнуться. – Он рассмеялся. – Но они оба совершеннолетние. Нас это не касается. Пойду посмотрю, чем мы сможем себя побаловать, а он пусть балуется с Элли. Не уходи!

Не успела Элен выбрать себе шезлонг, как Чарльз уже вернулся с бутылкой «Шардонне» и двумя бокалами.

– Садись! И попробуй вино.

Она с радостью взяла протянутый бокал, пригубила холодный, отдающий дубовой корой напиток.

– Но если Алекс и Элли… ты ведь знаешь, какой у нее муж. Однажды я спросила, откуда у нее синяк под глазом, так она мне не сказала. Но я знаю, он бьет ее, мне Роза говорила. Еще она говорила, что он очень ревнивый…

– Элен, – укоризненно произнес Чарльз. – Мы не должны вмешиваться, все равно мы ничего не можем сделать. – Он осторожно опустился в соседний шезлонг.

– Да, знаю.

Луна висела низко над горизонтом, еще немного, и она скроется за горами. Элен так устала, что не хотела спать, и в то же время чувствовала себя необычайно легкой, как будто ее душа покинула на время тело и путешествует по небу вместе с луной. Она услышала свой голос и только потом поняла, что собирается сказать.

– Знаешь, я ведь любила его.

Печальный голос Чарльза, казалось, вторил ее словам.

– Да, знаю.

– Но я и тебя любила. – Неужели ей хватило смелости произнести это вслух?

Ответ прозвучал довольно спокойно, однако по тону чувствовалось, что за двадцать с лишним лет горечь не притупилась, а лишь усилилась.

– Но не так, как я любил тебя. Она не могла не задать этот вопрос.

– Почему ты меня отпустил? Чарльз замолчал, пораженный.

– Так вот в чем дело? Ты устроила мне испытание, ты это хочешь сказать? Хотела посмотреть, настолько ли крепка моя любовь, чтобы отвоевать тебя у Филиппа?

Его слова причинили ей жуткую боль.

– Нет! Все было совсем не так!

Как объяснить мужчине, какой силой может обладать другой мужчина? Как рассказать ему о напоре, о безжалостном давлении, о том, как Филипп лишил ее силы воли, подчинил себе?

– Мне было восемнадцать лет! – вскричала Элен. – Что я понимала в жизни?

– Гораздо больше, чем хочешь показать! – Удивительно, с какой яростью Чарльз произнес эти слова. – Да-да, ты появилась неизвестно откуда и устроилась на соседнюю ферму в самый разгар гуртовки, не правда ли? Никакого прошлого, очень удобно. Никто не знал, откуда ты пришла, где была раньше и с кем…

Снова удар в самое сердце.

– Ты так подумал?

Резкий смех Чарльза напоминал крики пересмешника.

– Уже много позже я понял, что, скорее всего, ты с самого начала имела виды на Филиппа. В конце концов, трагедия в семье Кёнигов ни для кого не была секретом. Ты знала, что брат потерял жену и, должно быть, решила, что он не тот человек, чтобы долго оставаться неженатым. Что может быть лучше: девушка без роду, без племени становится в один прекрасный день хозяйкой Кёнигсхауса?

– Но если…

Элен казалось, что она кружит на месте с завязанными глазами, как в какой-то кошмарной игре в жмурки.

– Но если я с самого начала нацелилась на Филиппа, то почему полюбила тебя? Какова твоя роль?

– Элементарно, мой дорогой Ватсон! – Снова язвительный смех. – Ты говорила, что до меня ни с кем не занималась любовью. Но ты не была девушкой, даже я это понял. Так что если ты хотела заполучить Филиппа, тебе нужно было иметь какое-то оправдание. В этом вопросе мой дорогой братец был на удивление старомодным. Так что более подходящей кандидатуры, чем юный Чарльз, и представить себе невозможно, ведь Большой Брат всю жизнь только и делал, что щелкал младшего по носу. Наверно, ты это знала – женщины обычно чувствуют такие вещи – и решила, что как только он прослышит, что у меня появилась девушка, он тут же захочет ее увести?

Это было уже слишком. Элен думала только об одном – как бы побольнее ударить Чарльза.

– Ты просто ревновал!

Он кивнул.

– Конечно ревновал, как же иначе! В Филиппе было все, к чему я сам стремился, но так и не смог достичь!

– Нет! – отчаянно вскричала она. – Вы были разные, вот и все. Какое это имело значение?

– О Господи, Элен, ты совсем не знаешь мужчин, если задаешь такой вопрос!

– Но почему? Неужели так страшно быть собой, а не им?

– Да! – страстно ответил Чарльз. – Потому что я был лишен всего: внимания собственных родителей, которых интересовал лишь драгоценный первенец; своей индивидуальности, подобающего мне места в жизни. – Он помолчал. – И твоей любви!

– О Господи, сейчас не время…

Чарльз резко приподнялся, сбросил ноги с шезлонга.

– А когда будет время, Элен? Когда? Я люблю тебя с тех самых пор, когда мы были еще детьми, слишком юными, чтобы защитить наше драгоценное чувство, настолько драгоценное, что, только лишившись его, мы поняли, как много потеряли. – Он вскочил, подбежал к перилам. Перед ним расстилался мрачный марсианский пейзаж – холодный свет луны лишил землю всех ее красок, – но Чарльз смотрел перед собой невидящим взором. – Я ждал тебя всю жизнь. Я так и не женился, потому что ни одна женщина не могла сравниться с тобой. Неужели ты этого не знаешь? – Он обернулся и бросил ей в лицо обвинение: – Почему ты вышла за него замуж?

Элен было трудно говорить, губы, казалось, запеклись и распухли.

– Я любила его, мы были счастливы, он дал мне все, о чем женщина может только мечтать.

Чарльз язвительно рассмеялся.

– Боже милостивый, так пишут в дамских журналах! – Он схватил ее за руку. – Ты была с ним счастлива? Я знаю, что он доводил тебя до слез!

– Чарльз, я…

Он не дал ей договорить.

– Филипп находил для тебя укромные места, как я? Прудики, где можно плавать нагишом, как плавали мы с тобой, где можно провести весь день и откуда не хочется уходить? – В глазах Чарльза блестели слезы. – Он когда-нибудь выбирал из твоих волос соломинки, готовил тебе завтрак после того, как всю ночь любил тебя на сеновале?

Элен заплакала.

– Ох Чарльз, почему так получилось? Почему все должно было сложиться именно так?

Он прижал ее руки к губам и стал осыпать их поцелуями.

– Не знаю, – пробормотал он. – Но я знаю другое: теперь, когда этот ублюдок Филипп больше не стоит на моем пути, я не стану медлить ни секунды и добьюсь своей желанной цели – тебя!

# 18

Утро вечера мудренее. Тому, кто это сказал, горько подумал Джон, явно не приходилось встречать такое утро, как сегодня. Его мутило от выпитого, но больше всего мутило от самого себя. Но делать нечего. Нужно открыть дверь и…

– Всем доброе утро.

Пожалуй, не всем, подумал Джон. Ни Бен, ни Алекс еще не спустились, если они вообще собирались выйти к завтраку.

Но она была здесь, а это самое главное. Джон сделал глубокий вдох, пытаясь одновременно утихомирить подступавшую к самому горлу тошноту и страшную боль, от которой раскалывалась голова, подошел к миссис Мацуда – она сидела за столом вместе с остальными – и склонил голову.

– Я должен извиниться перед вами, – начал он, проклиная себя за то, что попал в подобную ситуацию. – Надеюсь, вы понимаете, что я не хотел вас обидеть.

Миссис Мацуда улыбнулась.

Ну-ну. Из мальчика еще может выйти толк.

– Не за что извиняться. Простое недоразумение, не больше.

– Да, но… Я вел себя как идиот, – выпалил Джон, – и потому прошу прощения.

Над столом вспорхнула, сверкнув кольцами и накрашенными ноготками, изящная ручка.

– Не беспокойся, все в порядке. – Миссис Мацуда одарила всех приветной улыбкой.

– Доброе утро, Джон! – с облегчением воскликнула Элен. – Ты как раз к завтраку!

Не успел он сесть, как рядом с ним выросла Роза.

– Что вам принести, мистер Джон?

– Яичницу с ветчиной, – ответила за сына Элен.

Джон поморщился.

– Спасибо, Роза, только кофе.

Он ужасно выглядит, подумала Джина. Она не решалась взглянуть на него и в то же время не могла отвести от него глаз. Так же плох, как папа – тот тоже посерел за последние дни, стал рассеянным, замкнулся в себе.

И я выгляжу ничуть не лучше.

Джина прекрасно знала, что для ее цвета лица нет ничего хуже бессонной ночи, да еще проведенной в слезах. Лишь в счастливые минуты ее кожа приобретала золотистый оттенок, а сейчас она, наверно, бледная, пепельно-серая, без единой кровинки. Цвета серой безнадежности, как сам Джон. Ей хотелось заплакать.

Продолжая улыбаться, миссис Мацуда похлопала Джона по руке.

– Я прекрасно понимаю твои чувства, – сказала она. – Мистер Мацуда ни за что не продал бы такую ферму. Твой отец тоже не хотел продавать, ты пошел в него. Место действительно чудное. Поэтому оно меня и заинтересовало.

– Если оно действительно интересует вас, я мог бы показать вам то, о чем говорил вчера, – мой Кёнигсхаус!

Господи, только этого не хватало! И без того взвинченный Чарльз, сидевший на другом конце стола, встревожился не на шутку.

– Джон, у Йосико и Крэйга впереди долгий день, – предостерегающе начал он. – Я не думаю, что у них найдется время…

– Да нет, немного времени все же найдется.

Миссис Мацуда грациозно поднялась из-за стола. Для такого красивого мальчика у нее всегда найдется время – на то и жизнь, не зря же она работала в поте лица.

– Можно и сейчас. Ты не против?

– А это что такое? Неужели? Ваша личная церковь?

Воздух в часовне оказался затхлым. Лилии над могилой Филиппа увяли, их гнилостный запах вызвал у Джона новый приступ тошноты. Он кивнул.

– В старину рядом с домом обязательно возводили часовню. Большие фермы находились слишком далеко от церквей, вот и приходилось строить свою собственную.

Они стояли у самой двери и под мрачным взглядом огромного Христа над их головами казались карликами. Крэйг переступил с ноги на ногу, блеснул очками и воинственно откашлялся.

– В американской истории ничего подобного нет, – глумливо произнес он. – А здесь чувствуется британское влияние, и потом это так старомодно, вы не находите?

Не обращай внимания, предостерег Джона его добрый ангел. Джон продолжил рассказ.

– Это еще и усыпальница. Здесь похоронены все Кёниги.

Йосико насмешливо улыбнулась.

– Ваши предки?

Вспомнив свою вчерашнюю выходку, юноша смущенно кивнул.

– Да.

Он указал рукой на пол, заставив японку посмотреть под ноги. Каменные плиты прохода, от дверей до самого алтаря, были украшены медными табличками. Джон взял миссис Мацуда за руку, подвел к первой табличке – они чуть не наступили на нее, когда вошли в часовню. Изысканно украшенная табличка принадлежала девятнадцатому веку, однако неумолимая поступь времени и многих поколений Кёнигов не пощадила ее, черные готические буквы почти совсем стерлись. Рядом находилась вторая, точно такая же. Джон наклонился и прочел вслух:

– Иоганн Кёниг, 1850–1930. Беата Кёниг, 1870–1940. Его жена.

Черные, как маслины, глаза расширились от изумления.

– Кёниги живут долго!

– А жены у них обязательно должны быть на двадцать лет моложе? – задиристо произнес Бакли. – Это и без суперкомпьютера видно!

Миссис Мацуда улыбнулась. Так-так, Крэйг ревнует к этому австралийскому мальчику? И правильно делает! Это ему не повредит. А вот отбиваться от рук ему никто не позволял. Не поворачивая головы и обращаясь исключительно к Джону, она мигом привела управляющего в чувство.

– Это и есть тот самый Кёниг, который первым появился в здешних местах?

– Да, именно он основал Королевство. – Джон помолчал. – Или завоевал. Все зависит от того, как на это посмотреть. Он приехал сюда из Германии и привез жену и шестерых детей. – Джон указал на маленькие пластинки, расположенные вокруг родительских. – Ради обладания этой землей он целиком истребил одно из племен… я говорю о соплеменниках Джины, – добавил он с видимым трудом. – Но и своих детей потерял – всех, кроме одного.

Йосико слушала, затаив дыхание.

– Кроме вот этого, – Джон сделал несколько шагов вперед. – Филипп Кёниг, 1885–1917. Он погиб во время первой мировой, в Галлиполи. Иоганн не оставил сына в Европе, на корабле привез тело сюда, чтобы похоронить вместе с остальными Кёнигами. И с его женой. – Он указал на следующую табличку. – Сара Джейн Кёниг, 1887–1961. Это мои прадед и прабабка. Следующим Кёнигом стал Джон. – Новая табличка. – А потом… – он замолчал, взял себя в руки. – А потом мой отец.

Даже Бакли хватило ума воздержаться от комментариев по поводу

пустой каменной плиты над могилой Филиппа и расположенной рядом таблички: Труди Мария Кёниг, 1935–1969.

Джон повернулся к миссис Мацуда, посмотрел ей в глаза.

– Теперь вы понимаете, что я чувствую, когда заводят речь о продаже Кёнигсхауса? Я не могу… – он стиснул зубы, – не могу представить себе жизнь вне Королевства. Мертвых Кёнигов здесь больше, чем живых, это наша история. И мы не можем вырыть их кости и забрать с собой!

Миссис Мацуда выдержала его взгляд.

– Все имеет свою цену, – ответила она.

– Нет, не все.

– Послушай, парень!

Наконец-то Бакли почувствовал под ногами твердую почву и счел своим долгом вмешаться.

– Если верить вашим собственным отчетам, доход у вас, ребята, не превышает одной целой и трех десятых процента – и это в лучшие годы! Даже самый захудалый банк на свете обеспечит вам большую прибыль, если вы просто кинете туда свои деньги!

Джон упрямо покачал головой.

– Есть вещи, которые не продаются. Терпение у Крэйга лопнуло.

– В вашем бардаке все равно нужно навести порядок, пора бы вам это понять. Вы могли бы продать что-нибудь из своих сиднейских владений, торговые компании в Гонконге, что угодно. Они приносят прибыль, избавиться от них не составит труда. А эта твоя драгоценная ферма – сточная яма, труба, в которую улетают денежки. Вам еще очень повезло, что нашелся покупатель, то бишь мы. А у нас, кажется, есть продавец… – Крэйг попал в полосу солнечного света и гордо выпрямился. – Лично мне все ясно. Мы договариваемся о цене, и фирма «Мацуда ПЛК» выигрывает гейм, сет и всю партию.

*** * ***

– Кофе горячий?

– Я сварю свежий, – ответила Роза, с трудом поднимаясь из-за кухонного стола.

Элен покачала головой.

– Не беспокойся, меня вполне устроит этот. – Она подошла к плите, налила себе полную чашку. – Я хотела сообщить, кто у нас сегодня обедает.

На столе у Розы были разложены ее драгоценные гадальные карты. Могут ли они предсказать будущее? А если могут, так ли уж ей хочется его узнать? Элен казалось, что она оторвала Розу от какого-то сугубо интимного занятия, поэтому она отвела глаза.

– Миссис Мацуда со своим помощником наконец-то сегодня улетают. И еще одним гостем будет меньше.

Роза видела, что вчера Джон и Джина вместе ушли из-за стола, а сегодня их мрачные лица говорили сами за себя, карты тут не нужны.

– Миз Джина уезжает?

– Джина? Нет. – Мысли Элен были настолько поглощены Чарльзом и Джоном, не говоря уж о миссис Мацуда, что она совсем позабыла о своей юной гостье. – Нет, я говорю об Алексе. Он решил тоже слетать в Сидней, уладить кое-какие дела, так что несколько дней его не будет.

– Хорошо. Больше ничего?

Эти глаза ничего не упускают, подумала Элен. Вот бы узнать, о чем думает Роза, ведь ей известно о Кёнигсхаусе все или почти все. Если бы она рассказала, что знает, получилась бы целая книга.

Может быть, ей известен шифр этого проклятого сейфа? Господи, что за глупости лезут в голову. А вдруг?

Нет, не может быть, этого Роза знать не может. И спрашивать нельзя. Никто не должен знать, что она его ищет. А если найдет, никто не должен знать, что он вообще существовал.

С другой стороны, если она сама не сможет открыть сейф, не сможет найти шифр, то этого не сделать никому из обитателей Кёнигсхауса, в этом Элен была уверена.

Кёнигсхаус.

Еще один неразрешимый вопрос, еще один повод для беспокойства.

Что бы ни говорил ей Чарльз, Элен никак не могла поверить, что продажа фермы будет самым лучшим выходом из создавшегося положения. А со вчерашнего вечера она не знала, что думать о самом Чарльзе. После его признания она в слезах убежала в свою комнату и до сих пор так и не смогла решить для себя, что же это было: объяснение в любви или угроза.

Что ей делать?

Любит ли она его, хочет ли?

И как она может кого-то желать, когда не прошло и двух недель со дня смерти мужа?

А что скажет Джон? Он боготворил отца.

Как он отнесется к подобной замене? Да еще кем, Чарльзом? «Элен, ему двадцать четыре года!» Сколько презрения было в словах Чарльза! Но

для Джона я прежде всего мать! Многим ли сыновьям понравится, если мать влюбится в другого мужчину, ляжет с ним в постель?..

Нет, она явно сходит с ума!

Взгляд Розы оставался по-прежнему бесстрастным. Может быть, она умеет читать чужие мысли? На столе все еще лежали разноцветные карты Таро – островки голубого, желтого и красного.

– Послушай, Роза, ты не хочешь мне погадать? – неожиданно спросила Элен.

Домоправительница не шевельнулась.

– Вы в это не верите, миз Кёниг.

– Я сама не знаю, верю или нет. Давай попробуем. Ну давай же, Роза!

Узловатые коричневые пальцы пауками разбежались по столу, мгновенно собрали карты, перетасовали их и стали раскладывать. Роза перехватила взгляд Элен.

– Старые карты лучше всего, – ворчливо пояснила она. – В них больше силы.

– А сколько лет этой колоде?

Роза редко улыбалась, но сейчас ее угрюмое лицо засветилось от гордости.

– Мистер Филипп привез их мне в самый первый раз, когда поехал во Францию.

– В самый первый раз? – Элен пыталась сообразить, когда это было. Филипп любил Францию и ездил туда время от времени, иногда надолго. – Лет сорок назад, если не больше?

– Да, наверно. – Теперь карты занимали все внимание Розы. – Из самой из Франции.

Элен не смогла сдержаться.

– Это все, что он привез тебе?

Роза помолчала, а затем ответила, не поднимая головы:

– Да. Из Франции. В тот раз.

– А… в другие разы? Роза не стала церемониться.

– Вы ведь знаете мистера Филиппа, миз Кёниг. Он всегда был мужчиной.

Хлопнула дверь, в кухню с надутым видом вошла Элли. Казалось, она принесла с собой не только ведро и тряпку, но и ядовитое облако недовольства. Небрежно кивнув хозяйке, женщина повернулась к Розе и произнесла сердитой скороговоркой:

– Я протерла веранду, убралась после завтрака. Что еще?

Во взгляде домоправительницы читалось явное неодобрение.

– Сходи в дом для гостей, приберись там. – Элли понуро побрела к выходу. Элен проводила ее глазами.

Элли… И Алекс…

Первая карта легла на стол. Влюбленные. Ее всегда поражала эта карта: вместо счастливой пары на ней были изображены две женщины и мужчина, застывший в вечном полуобороте от одной к другой. Вот, наверно, предел мечтаний большинства мужчин, блаженство в их понимании: несколько женщин, которые всегда под рукой.

Как Алекс…

И Элли…

Элен замерла, пораженная только что пришедшей ей в голову мыслью. Как Филипп. И Роза.

Что отец, что сын.

Алекс вчера как ни в чем не бывало развлекался с прислугой буквально под самым носом гостей, с которыми он собирался заключить важную сделку.

Филипп поступил бы точно так же.

В памяти всплыли все неясные опасения, все смутные подозрения прошлых лет.

Допустим, Филипп взял Розу в домоправительницы, когда они оба были молоды и еще не обзавелись семьями – Элен всегда казалось, что слово «домоправительница» означает нечто большее, чем управляющая домашним хозяйством. Однако она была уверена, что если между Филиппом и Розой и существовали какие бы то ни было отношения, они должны были прерваться в тот самый момент, когда он женился на Труди.

А почему, собственно, они должны были прерваться? Женщина не теряет своей привлекательности только оттого, что любивший ее мужчина женился на другой. А Роза все время была здесь, под рукой, и все также предана Филиппу. Она жила с ними, являлась таким же членом семьи, как их собственный сын.

Она была частью этого брака с первого до последнего дня, до того самого дня, когда умерла Труди. Наверно, Роза, как обычно, приготовила им завтрак, а потом смотрела им вслед, когда они отправились в буш…

А потом он стал вдовцом, а Роза по-прежнему была при нем.

И это продолжалось до тех пор, пока не появилась она, наивная восемнадцатилетняя Элен, целиком и полностью подчинившаяся воле мужа.

Даже будь у него десяток женщин, она так ничего и не заметила бы, не задала ни единого вопроса. Однако кем нужно быть, чтобы долгие годы, на

протяжении двух браков, иметь любовницу и чтобы эта женщина жила под одной крышей с молодой женой, которая обожала своего мужа и ни в чем ему не отказывала? Таким человеком, как Филипп. Сильным и ненасытным. К сексу он относился, как к еде, а от души поесть он мог и два, и три, и четыре раза, и так каждый день. И он любил разнообразие, остроту ощущений. А что может быть лучше, чем иметь под рукой и белую, и черную женщину. Наверно, он насладился сполна. Тайком ускользнуть от благоуханной хозяйки дома, из ее роскошного будуара, чтобы совокупиться в грязной кухне с ее сестрицей – Золушкой – в этом весь Филипп Кёниг, в этом заключалась для него власть над подданными его Королевства.

На стол легла вторая карта, Король Мечей.

Элен схватила Розу за руку.

– Что происходит? Та будто окаменела.

– Не знаю, о чем таком вы говорите.

– Ты знаешь все! А если не все, то значительно больше, чем хочешь показать!

Роза стояла на своем.

– Я знаю, что говорят карты, больше ничего.

– Хорошо, тогда спроси у них вот что. – Наверно, она обидела Розу, но сейчас ей было на это наплевать. То, что она хочет узнать, должно интересовать и Розу тоже. – Что станет с Кёнигсхаусом? Продадут его или нет?

– Я уже спрашивала. Они не говорят мне, будущее темно и неясно.

– И это все? Что еще ты в них увидела?

– Разговоры о продаже. Но разговоры были и раньше. Карты говорят, что мистер Чарльз за, а мистер Джонни против, но кто победит, кто помешает продаже – они не говорят. – Роза пристально посмотрела на Элен. – Мы ничего не знаем, не можем предсказать. Раз мистер Филипп умер, может случиться что угодно. – Она сжала кулачки, большие пальцы спрятались внутрь, как у испуганного ребенка. – Я всю жизнь прожила здесь, и нигде больше. Если мистер Алекс останется, он не захочет меня, ему нравится эта грязная Элли! А если дом продадут, кому я тогда нужна?

– Не знаю.

Элен встала. От ее вспыхнувшей было любви к Филиппу ничего не осталось, и теперь душу переполняла горечь от мысли о его давнем предательстве.

– Загляни в карты. Спроси свои чертовы карты.

С газона открывался вид на залитую солнцем сиднейскую гавань. Казалось, алмазные брызги волн тоже являются собственностью хозяев этого роскошного дома стоимостью в десять миллионов долларов. И сколько бы ни любоваться знаменитым Харбор Бридж, легендарным оперным театром, победно возвышающимся над Беннелонг Пойнт, сколько бы ни следить за юркими суденышками, пресытиться этим зрелищем невозможно.

Алекс остановился на пороге элегантно обставленной комнаты. Пока он наслаждался открывающимся из окна знаменитым на весь мир видом, его душу переполняли зависть, вожделение и благоговение. Ты это, парень, брось, одернул он себя, привыкай к мысли, что скоро будешь жить ничуть не хуже! Держись увереннее, черт возьми. Тебе повезло, и недели через две из твоего окна будет открываться такой же вид, если не лучше. Вот и веди себя соответственно!

– Мистер Кёниг!

– Миссис Кастлмейн! Зовите меня Алекс!

Он с улыбкой обернулся к хозяйке дома – та вышла из внутренних покоев и устремилась ему навстречу. Рядом с ней шла горничная в темном форменном платье и белом переднике.

– Еще шампанского в летний домик, – последовало распоряжение, – а потом обнеси гостей бутербродами. – Девушка вышла. – Добро пожаловать на нашу маленькую вечеринку! – произнесла хозяйка, радостно улыбаясь. – Я очень рада вас видеть!

Когда совсем не знаешь человека, это самое подходящее приветствие, подумала Линди Кастлмейн. Хорошо, хоть не забыла, как его зовут. Должно быть, это тот самый Кёниг, о котором говорила Триша, остальные уже все в сборе. М-м-м-м. Интересно, где это Триша его откопала? Какой красавец. Жаль, раньше не попался на глаза…

– А меня Линди! – она кокетливо рассмеялась, подала гостю обе руки.

– Наверно, вы ищете Тришу? Пойдемте, я вас провожу.

И дом, и сад являлись порождением других, более благодатных времен, когда люди умели ценить свой досуг. На фоне изумрудно-зеленой травы газона женщины казались экзотическими цветами, а сами цветы росли вразброс, а не выстраивались на клумбах по ранжиру. Гости сидели в тени деревьев, любовались стройными эвкалиптами, высоченными пальмами и сандаловыми деревьями, бродили по усыпанным гравием дорожкам, петлявшим меж зарослей мимозы и выводившим к обзорной площадке, позволяющей наслаждаться зрелищем бескрайних океанских просторов.

Это был райский уголок, но Алекс не испытывал умиротворения, совсем наоборот. Вы только посмотрите на них, с отвращением думал он. Мир делится на тех, кто обожает великосветские приемы, и на тех, кто с большей радостью отправится в зоопарк.

Алекс прекрасно знал, что ему рады в любой компании, его внешность, неподражаемая улыбка гарантировали ему повторное приглашение, особенно от женщин, к какой бы социальной группе они ни относились. Однако сборища по-настоящему богатых людей вызывали у него зависть и злобу, доводили до бешенства.

– Фредди!

– Полли, дорогая, где ты была?

– Нет, спроси у Джона, он первым женился на ней…

– Да, триста тысяч, столько они ему платят, ты представляешь?!

– Еще бы ей плохо выглядеть! По-моему, только благодаря ей пластическая хирургия и движется вперед!

Милая компания, нечего сказать! И зачем он согласился прийти сюда? Нужно было договориться встретиться попозже или попросить ее пропустить эту вечеринку.

Пропустить вечеринку?

Чтобы Триша пропустила хоть одно сборище – такого просто не могло быть!

Он до боли жаждал ее увидеть. Господи, да где же она?

– Луи!

– Мэнни!

– Салли!

– Ал!

Учтиво улыбаясь направо и налево, Алекс следовал за Линди Кастлмейн. Перед ним разворачивалась галерея типажей светского общества Сиднея: политики, бизнесмены, отчаявшиеся стареющие женщины и глупенькие молоденькие девушки, люди, пробивающие себе путь наверх, и те, кто стремился им помешать, а вокруг них роились няньки, содержанки, гуляки, болтуны, мальчики, услада богатых старушек, и «сахарные дядюшки», старички-покровители, и на этом празднике жизни каждый хотел урвать свой кусок.

Алекс почувствовал, как в груди закипает холодный гнев.

Господи, что за долбаный зверинец…

Наконец его провожатая направилась к последней группке гостей, сидевших под деревом у самой кромки воды. Алекс сдерживался из последних сил.

– Триша! – пропела Линди Кастлмейн, на правах хозяйки прерывая разговор. – Посмотри, кто пришел!

Да, это была она. Чудесная спина, мягкий узел золотистых волос на затылке, плечи, будто вылепленные рукой скульптора, томительно медленный поворот белой шеи и сказочный голос – он слышал его даже во сне…

И вот он уже всматривается в знакомые, чуть раскосые глаза, светлые, почти желтые – при виде него они щурятся, превращаются в щелочки – и вновь ощущает острую, болезненную радость.

– Здравствуй, Алекс, – протянула Триша. – Познакомься. – И небрежным взмахом длинного черного мундштука указала на загорелых, ухоженных мужчин: их было не то четверо, не то пятеро – представителей высшего света и тех, кто пробился в их ряды, потакая их прихотям. Алекс узнал ведущего австралийского кинорежиссера, актрису, теперь больше известную своими мемуарами, нежели ролями, газетного магната, модного психоаналитика и парикмахера, без которого не могла обойтись ни одна светская дама. Мгновение – и он уже учтивейшим образом поднял Тришу на ноги и отвел под полог алых олеандров и палисандрового дерева, где они могли спокойно поговорить.

– Сама не знаю, почему я терплю такое обращение, Алекс Кёниг! – кокетливо произнесла она, выдергивая руку. – Мы только познакомились, а ты уже позволяешь себе такие вольности!

Только познакомились.

Сколько же времени прошло?

Он лишь насмешливо поднял брови, не стал терять время на выяснение отношений. Они одного поля ягоды, и оба это прекрасно знают.

– Речь идет о Кёнигсхаусе, – в полумраке его глаза по-волчьи блеснули. – Мне достался не кусочек, а весь пирог. А теперь появился покупатель, еще немного – и денежки потекут рекой. И пока я вынужден сидеть на ферме, мне нужно, чтобы кто-то был рядом. Мне нужна ты. Собирайся, завтра мы вылетаем.

# 19

Неужели еще один безупречно погожий день? Нет, только не это! Палящие лучи солнца бесцеремонно проникли в окно и разбудили Джона. Второй раз подряд он просыпался с чувством тошноты и раскалывающейся от боли головой. Он застонал. Не может быть, чтобы он два дня расплачивался за то, что один раз приложился к бутылке! Наверно, сказывается вторая бессонная ночь, проведенная в думах, от которых нет покоя.

Джон знал, ему не заснуть, пока он не узнает правду о смерти отца. Он должен все выяснить, и не только для того, чтобы успокоить собственную совесть. В этом заключается его сыновний долг. А пока он не может думать ни о чем другом. Стоило ему проснуться, и мысли снова понеслись по кругу, завертелись, как белка в колесе.

С чего же начать, если он хочет раскрыть преступление?

Начнем с самого начала, сказал он себе. Можно ли утверждать, что Филиппа убили? Джон не изучал психологию, однако знал, что мозг способен иногда выкидывать странные фокусы. Людям снилось то, о чем они мечтали, на что надеялись. Так что же получается, он желал отцу смерти или хотел его убить?

Это не более чем Эдиповы штучки, сказал себе Джон. Все гораздо проще. Он любил отца и любил его всем сердцем.

Однако если предположить, что его сон – не просто игра воображения, отца действительно убили, и кому-то сошло с рук гениальное преступление.

Кто мог его совершить?

Случайный бродяга, безнадежный пьяница? Вряд ли. Для того, чтобы подобное преступление удалось, нужен трезвый ум, холодный расчет, а не бессвязные мысли пропойцы, который не в состоянии выполнить даже работу, которую ему поручают. И где ему взять двоих подручных?

Чем больше Джон думал об этом, тем больше убеждался, что в деле замешано несколько человек. Даже если убийца подкрался незаметно, Филипп мог проснуться и дать отпор. По крайней мере, он бы проснулся после первого укуса и уж точно не стал бы спокойно ждать, пока змеи завершат свое черное дело. Значит, чьи-то сильные руки пригвоздили его к земле, заглушили его крики.

Но как узнать, что случилось на самом деле?

Этот вопрос мучил его уже два дня. Нет, пора сбросить оцепенение, начать действовать!

Мацуда со своим противным прилипалой уехали, Алекса тоже нет. Можно начинать поиски. Если бы еще удалось уговорить Джину улететь вместе с ними, у него были бы полностью развязаны руки.

Джина.

Джон вздрогнул, покрылся холодной испариной, хотя стоял под горячим душем. Воспоминание о ее поцелуе обожгло его огнем, и он страстно, яростно захотел ее прямо сейчас, он покажет ей, что значит настоящий мужчина, объяснит, для чего предназначены женщины…

О Господи! Он ведет себя как распоследний ублюдок! За такие мысли он не достоин не то что ее, любой женщины.

Ради Бога, выбрось из головы эти мысли, забудь, забудь о ней, отчаянно внушал он себе.

Повторяя эти слова, как заклинание, Джон оделся и, не позавтракав, побежал на конюшню. Кайзер, учуяв его издалека, радостно заржал.

– Да, приятель, теперь я твой хозяин. – Джон похлопал лошадь по шее. – А ты мой конь. Прогуляться не хочешь?

– Привет, Джонни!

– Эй, Джон-Джон!

– Это мистер Джон!

Аборигены всегда были ему рады. Сюда, в их селение, он приходил и в минуты радости, и в минуты печали. Его приветствовали все от мала до велика: младенцы, копошащиеся в пыли, и глубокие старики, которые были стариками уже тогда, когда сам он был маленьким мальчиком.

– Пришел посмотреть танцы? – К нему подошла Дора с ребенком на руках. – Там Джина. Пойди посмотри, она чертовски хороша!

И действительно, на самодельной сцене Джон увидел Джину, босую, в обтягивающем трико и балетной юбочке. Вот она исправила неверное движение одного из танцоров, потом женщина постарше поправила ее саму. Интересно, кто кого учит?

– Что они делают? – спросил он у Доры. Дора, как всегда, звонко рассмеялась.

– Готовятся к корробори. У них будет целое представление.

– Корробори!

Боже милостивый, как он мог забыть! Когда же состоится праздник? Кажется, в следующем месяце, не раньше. Для аборигенов это самое главное событие года, а он чуть не забыл! Филипп всегда устраивал

грандиозное празднество, старался показать этим людям, как он ценит их труд. Теперь, когда отца не стало, придется ему взять на себя подготовку торжества, традиции нужно продолжать.

Вот только придется ли ему?

Джон снова вспомнил, что лишился наследства, а вместе с ним и права устраивать корробори. Жалеть себя будешь потом, напомнил он себе. Кому-то придется провести праздник. Нужно непременно сказать об этом Алексу, когда тот вернется. Жадными глазами всматривался Джон в танцующих, стараясь разглядеть среди них хрупкую фигурку. А еще он скажет Алексу, что в этом году будет совершенно необычное представление.

– Пойдешь посмотришь? – спросила Дора.

– Нет, нет, не сейчас, – смущенно ответил Джон. – Мне нужен Дасти, он здесь?

– Я здесь, босс.

Этот маленький, вечно улыбающийся человечек подошел так тихо, что снова застал его врасплох.

– Хочешь прокатиться, босс?

– Нет, поиграй с нами! Не уходи, Джонни, не уходи!

Джон рассмеялся. Дети его очень любили, но в селении спокойно не поговоришь. Он потрепал по головке ближайшего мальчугана.

– Ребята, мне надо ехать. Скоро вернусь, честное слово. Пока.

Он заставил себя не оглядываться на Джину. Они миновали переплетение низко нависших над землей ветвей. Похоже, Дасти знал, куда ехать.

Солнце поднималось все выше, его жаркие лучи добела раскалили небо, выжгли кроваво-красную землю. Кусты мимозы на дальнем холме казались языками оранжево-красного пламени. Высоко над их головами перекликались черные какаду, перелетали с ветки на ветку. У Джона полегчало на душе.

Королевство, подумал он. Мое Королевство. Этого у меня никому не отнять.

Наконец он решился заговорить, облечь в слова свои неотвязные мысли.

– Дасти, я знаю, вы верите в сны, вы придумали свое Царство Снов сотни тысяч лет назад. Но верите ли вы в дурные сны, в то, что у нас называют Сатаной. В Дьявола, насылающего дурные сновидения?

Дасти ответил не сразу.

– Босс, дурное есть всегда и везде. Есть хорошие духи и плохие духи, хорошие животные и плохие животные, хорошие люди и плохие люди. Но в

людях больше зла, чем в самых плохих духах. Всегда.

– Дасти… – Джона охватило возбуждение. Казалось, туманная пелена безысходности, охватившая его в момент пробуждения от страшного сна и парализовавшая волю, стала понемногу отступать. – Дасти, кто живет у водопоя?

– Рыбы, птицы, ящерицы… и большие змеи, – ответил тот, не поворачивая головы.

– Змеи?

– Не так важно, кто живет, верно, босс? Всякий может прийти.

Теперь Джон понял, куда они направляются.

– Как мы сейчас?

– Примерно так, – улыбнулся Дасти одними губами.

Они надолго замолчали. Казалось, Дасти не был склонен продолжать разговор. Наконец Джон не выдержал.

– Ты сегодня собирался к водопою, или эта поездка – только из-за меня?

Дасти задумчиво закатил глаза, сдвинул на затылок шляпу.

– Думаю, я бы на днях наведался туда. Возбуждение Джона все усиливалось.

– Ты что-то узнал, что-то почувствовал? Дасти насмешливо улыбнулся.

– Никакого колдовства, босс, здравый смысл, и ничего больше. Просто я узнал одну интересную вещь. Ты ведь знаешь, когда мы устраиваем скот на ночевку, то сменяем друг друга, следим за ним по очереди. Слим в тот день дежурил за несколько часов до того, как умер твой отец. Слим сказал мне, что слышал самолет. Но, насколько я знаю, на ферме гостей не было, и нигде больше тоже. Так кто это был? И зачем?

Джон пытался сохранять спокойствие.

– Может быть, самолет пролетал мимо?

– Нет, Слим сказал, что он не улетел дальше аэродрома.

– Значит, самолет в ту ночь мог приземлиться, а потом улететь обратно, и никто бы об этом не узнал?

Дасти кивнул.

– Похоже на то.

– И кто-то мог…

– Или могли…

– Появиться на ферме, а потом снова исчезнуть, и никому не пришло бы в голову, что здесь вообще кто-то был? – У Джона голова шла кругом. – А от аэродрома сюда, если по прямой, даже ночью, пешком – как ты думаешь, сколько времени займет? Если места знакомые?

Дасти уже подумал об этом.

– Для здорового, выносливого человека – не больше часа. И, босс… здесь всем знакомы эти места.

– Да-а, – горько вздохнул Джон. Убийца был явно свой, с фермы. – Значит, за ночь они могли обернуться туда и обратно?

Дасти покачал головой.

– Если их действительно было несколько. Сейчас посмотрим.

Они подъехали к водопою, спешились и привязали коней к дереву, растущему на самом верху склона, далеко от воды.

– Здесь уже достаточно потоптались, – сказал Дасти. – Сначала твой отец, потом мы, когда уносили его отсюда, потом еще ты – может, и искать больше нечего. Подожди здесь, у дерева, а я пойду посмотрю. Если что-нибудь найду, крикну.

Джон сидел совершенно неподвижно, напряженно вслушиваясь в тишину, и так долго, что мелкие обитатели буша совсем перестали его бояться. Вокруг него сновали по своим делам зеленовато-черные и золотистые жуки, ящерицы пробегали так близко, что чиркали хвостом по сапогам, а маленькая мышь-песчанка даже взобралась ему на ногу. Наконец он услышал крик.

– Эй, сюда! Иди сюда!

Дасти обошел вокруг прудика, а потом стал описывать все расширяющиеся круги вокруг той выемки меж двух больших валунов, где Филипп заснул последним сном. Сейчас он стоял на коленях и что-то искал в траве. Наконец он раздвинул ветви стелющегося по земле кустарника и тихо произнес, указывая на что-то пальцем:

– Видишь? Трое мужчин. Они бежали рысцой. Хоть убей, Джон не видел ничего, кроме нескольких поломанных стебельков.

– Рысцой?

– Бежали легко и быстро. Трусцой. Он вдруг увидел это как наяву.

– Бежали? Да они убегали! – Джон помолчал. – Должно быть, это было после… после того, как они это сделали.

Дасти выпрямился, потер спину, указал рукой налево.

– Они пришли оттуда. Там, где спал твой отец. Я их потерял – слишком уж много там было народа, слишком много следов. Но эта троица снова обнаружилась вот здесь. Откуда пришли, туда и ушли.

Джон кивнул.

– Да, к аэродрому. – Он поднял голову, вопросительно посмотрел на Дасти. – А ты уверен, что их было трое?

– Конечно, – ответил тот, – трое.

– Мужчин?

– Трое мужчин, босс. Покажи мне здесь хоть одну даму, которая носила бы обувь десятого или одиннадцатого размера и побывала в армии.

– В армии?

– Или в какой-нибудь школе, где дают армейскую подготовку. Посмотри. – Дасти подошел ближе к прудику, ближе к тому месту, где в последний раз ночевал Филипп. – Видишь этот след? Отсюда они ползли на животе, по-пластунски. Вот так.

Дасти лег на живот и пополз, низко пригибаясь к земле, по-змеиному изгибаясь всем телом и расслабив неподвижные ноги. Передвигался он только на локтях.

– Этому учили во Вьетнаме, старый прием, им пользовались десантники. Перестаешь быть похожим на человека, звери не боятся. И сам стираешь свои следы, никаких отпечатков. Может, это прополз большой зверь.

– Или змея, – отозвался Джон. Его трясло от ярости.

Интересно, в какой именно позе старик ожидал, пока домочадцы спустятся к обеду, подумал Алекс. Как он стоял – вот так, расставив ноги? Нет, пожалуй, эта поза не подходит к той роли, которую он собирается играть. Алекс переступил с ноги на ногу. Однако, несмотря на элегантную позу – он стоял у камина – и безукоризненный костюм – отлично сшитые брюки и блейзер французского покроя, – на душе у него было неспокойно.

Зачем он привез ее сюда? Он и так замечательно устроился. Его признали сыном и наследником, выполняют все его капризы, здесь даже есть маленькая Элли – на случай, если воину-победителю захочется приятно провести время. Что еще нужно мужчине?

Тришу. Ему нужно Тришу.

С тех пор, как они познакомились, он желал ее каждый день, каждую минуту. Еще в вертолете ему казалось, что идея слетать за ней в Сидней и привезти в поместье была вполне здравой. Однако стоило поддаться этому пагубному желанию, и события вышли из-под контроля.

Чем она приворожила его? Алекс нервно провел рукой по волосам. Он уже в сотый раз задавал себе подобный вопрос. Что он в ней нашел? Да, конечно, она красива, прекрасна, как лучшая фотомодель, у нее потрясающее тело, густые, золотисто-медового цвета волосы, отличная фигура, широко расставленные серые глаза с длинными ресницами, обманчиво щедрый рот, слишком щедрый для такого человека, как она. Но Алекс за всю свою жизнь ни разу не притронулся к женщине, которую

нельзя было бы назвать красивой. Значит, дело не в обаянии.

И не в ленивой грации и чувственности дикой кошки – казалось, у Триши больше нервных окончаний, чем у других женщин. Да, она настоящая женщина, женщина до мозга костей. Но и он настоящий мужчина, так что этим его не удивишь.

Настоящая женщина.

Алекс отхлебнул виски. Настоящая женщина. Да-а.

Только настоящая женщина может быть такой тщеславной, самовлюбленной, эгоистичной. Мысленно он поставил еще одну «галочку» в длинном списке ее прегрешений. Господи, да ее парикмахер, ее маникюрша, ее ароматерапевт значили для нее гораздо больше, чем он! Потому что эта красивая хищница берет от жизни то, что хочет, а потом только косточки выплевывает.

«Только веди себя прилично, – говорил он ей. – И не пей слишком много. В Кёнигсхаусе к этому не привыкли. Там живут добропорядочные фермеры, и кроме своей фермы они ничего в жизни не видели».

А она лишь усмехнулась в ответ: «Значит, пора им увидеть!»

Триша сразу же предупредила, что поедет всего на несколько дней, максимум на неделю, ей и так придется слишком долго обходиться без магазинов, салонов, тренажеров, без астролога и массажиста – безо всего того, что делает ее такой, какая она есть: пустенькой, тщеславной и эгоистичной.

И как они смогут ужиться, даже если он получит деньги, – одному Богу известно.

Да и захотят ли уживаться?

Алекс прикусил губу. С того самого момента, когда они встретились в баре недалеко от Дабл Бэй, она ни разу не поинтересовалась его жизнью, его прошлым, его планами на будущее. Ее интересовало только его тело; ей нужно было от него только одно: чтобы он составлял ей компанию, потакал всем ее желаниям, прихотям и капризам.

Нельзя позволять женщине командовать, Алекс это хорошо знал. Будешь душкой, они вытрут об тебя ноги, а станешь вести себя как последний мерзавец – и они простят тебе все вплоть до убийства. Триша – не та женщина, которой можно хамить, но если она сочтет, что ты не достоин ее, она станет тебя презирать.

Алекс нахмурился – он представил себе, какие скандалы его ждут. Одно он знал наверняка: он не собирается общаться с ее идиотскими знакомыми, любителями вечеринок, со сливками сиднейской элиты, без которых она не могла жить с тех самых пор, как умер ее первый муж. Она

вышла замуж за пожилого американца – удалившегося от дел фантастически богатого торговца зерном со Среднего Запада; наверно, он прожил так недолго, что не успел помешать избалованной богатым любящим отцом дочке превратиться в избалованную женщину, которой ничто не мешало баловать себя и дальше.

И тем не менее…

И тем не менее…

Чертыхнувшись про себя, Алекс покинул свой наблюдательный пункт у камина, под портретом старого Иоганна, хмуро взиравшего на всех из-под насупленных бровей, и налил себе еще виски.

И тем не менее он хотел Тришу так, как никогда в жизни не хотел ни одну женщину. И не то чтобы она держалась недотрогой – наоборот, она отдавалась ему так же легко, как, наверно, отдавалась любому понравившемуся мужчине.

И все равно он хотел ее. Она стала его болезнью, его страстью.

Однако болезненные пристрастия обходятся недешево. Ему нужны были деньги, и не столько для самого себя, сколько для того, чтобы удержать ее. Женщины ее типа действовали по принципу: если ты спрашиваешь, сколько я стою, значит, я тебе не по карману.

Но даже при всех твоих миллионах, нашептывал ему внутренний голос, даже тогда станет ли она по-настоящему твоей? Не боишься ли ты, что она уйдет, как только ты ей наскучишь, как только она истратит все твои деньги или найдет другого мужчину, у которого их будет больше?

Никогда, даже в мыслях Алекс не употреблял слово «любовь». Однако как бы он ни старался избегать этого слова, он стал подозревать, что все-таки подцепил эту болезнь, и в самой тяжелой форме.

Где сейчас Триша?

Он вышагивал по комнате, распаляясь все больше и больше. «Приходи пораньше, – говорил он ей, – я хочу, чтобы ты была здесь, когда появятся все остальные!»

Где же она?

Он безумно хотел ее видеть; ее отсутствие причиняло ему физические страдания, он чувствовал себя так, как будто заболевает.

Так где же она?

В холле послышались легкие шаги. Он начал оборачиваться, довольная улыбка заиграла у него на губах. Наконец-то! Ему даже нравилось, когда она вела себя с ним вызывающе – потом он заставит ее расплатиться. Вот сейчас он ей сообщит, как он будет ее наказывать, когда они останутся одни…

– Алекс, дорогой, а где Триша?

Она довольно милая женщина, подумал Алекс, улыбаясь Элен; все пытается загладить свою старую вину. Но здесь она бессильна.

– О, Триша скоро спустится, – небрежно ответил он. – Наверно, все еще прихорашивается. Все вы, женщины, это любите.

– Надеюсь, ей удобно в доме для гостей, но не лучше ли было бы поселить ее здесь?..

«В Башне, с тобой, в твоей комнате», – хотела она сказать.

– Нет-нет, спасибо, – твердо ответил он. – Она любит жить одна, ей так лучше. – И добавил про себя: «Как и мне. Мы одного поля ягоды».

На входной двери звякнула щеколда, в комнату вошли Бен с Джиной, вскоре и Чарльз спустился вниз. У него было холодное, отсутствующее выражение лица, на Элен он даже не посмотрел, что не укрылось от Алекса, а ведь раньше его тянуло к ней как магнитом.

Наверно, поэтому Элен такая бледная, буквально сливается со своим шелковым платьем цвета слоновой кости? И дочка Бена выглядит так, что краше в гроб кладут, раздраженно подумал Алекс, потягивая минеральную воду. Ничего более существенного ему пока не предложили. Да что с ними приключилось? Что касается Джины, то с ней все понятно – стоило Джону войти в комнату, и у нее сразу загорелись глаза. Она только что не бегом направилась к нему.

«Поговори с ним», – весь день уговаривала себя Джина, ты ни в чем не виновата, это он все испортил, просто поговори с ним, выскажи ему все! По мере того, как приближалось время коктейлей, ее охватывало нетерпение. И теперь ей было все равно, что о ней подумают. Как только Джон появился в комнате, она бросилась к нему.

– Послушай, мне очень жаль, что я не смогла сегодня улететь, как ты этого хотел, – торопливо начала она, оглядываясь через плечо и стараясь говорить потише, чтобы их никто не услышал. – Но Я не могла так вот просто бросить все и уехать. Я столько времени потратила на подготовку к празднику…

– Знаю.

Джон с ужасом ждал этой встречи, но оказалось, что он может смотреть девушке в глаза, почти не смущаясь. События стали стремительно разворачиваться, и теперь он ощущал себя совсем другим человеком. Казалось, это не он напился как последний дурак, после чего так глупо вел себя.

Конечно, это не просто бессмысленная выходка, думал Джон,

вспоминая тот вечер. Но после всего, что ему сегодня пришлось пережить и узнать, тот поцелуй остался как будто в другом измерении.

Он был не в себе, думала в свою очередь Джина, он просто был не в себе. И его вполне можно понять, ведь Алекс явно собирается стать хозяином Кёнигсхауса, даже хозяйку себе привез!

– Джон, – сказала она, – что ты теперь будешь делать?

– Ты о чем?

– Хочешь ли ты завести свою собственную ферму? И куда поедет твоя мама?

Как заботливо она смотрит! Если бы он заслуживал такого отношения. И если бы все сложилось по-другому. Господи, такая замечательная девушка, такой милый ребенок, если бы…

Никаких «если»!

– Спасибо за заботу, – Джон старательно подбирал слова. – Дело в том, что я и сам не знаю. Да, скоро об этом придется поразмыслить, но Алекс настаивал, чтобы мы оставались здесь, пока не подыщем себе что-нибудь.

– Но теперь…

Джон только что вернулся, испугалась Джина, он еще ни с кем не разговаривал, он ничего не знает! Нужно его предупредить.

– Я хочу сказать, теперь…

– Что теперь? – Джон почувствовал себя крайне неуютно. Какое странное у нее выражение лица!

Джина глубоко вздохнула.

– Теперь, когда здесь появилась подружка Алекса…

– Подружка Алекса? – Господи, что еще он пропустил?

Разговоры внезапно смолкли. Джон поднял голову, заметил взгляд Алекса, направленный на входную дверь за его спиной, и обернулся.

Он увидел одну из самых красивых женщин на свете: высокую, почти с него ростом, с божественной фигурой, с копной золотистых волос и с глубокими серыми глазами, одетую в роскошное платье из золотисто-зеленого блестящего материала, подчеркивавшее ее гибкость, – в нем она казалась фантастически красивой змеей.

Она явно привыкла быть в центре внимания. Остановившись под аркой, она мельком оглядела всю компанию и устремила на него свой взгляд.

– А ты, – протянула она, направляясь к нему мягкой, чувственной походкой большой хищной кошки, – наверно, и есть младший братец.

Подойдя к Джону почти вплотную, не обращая внимания ни на перепуганную Джину, ни на встревоженного Алекса, спешившего к ним

через всю комнату, женщина одарила его дерзким взглядом, открытым и недвусмысленным.

– Но мне никто не сказал, что это будешь ты!

# 20

Господи, ну и вечерок! А ужин! Чистый кошмар! И эта чертовка Триша! Как ее Алекс выносит, неужели не мог другую найти, получше! О, она бы все отдала, лишь бы оказаться в постели сейчас же, сию же секунду – немного побыть одной…

– Элен! – Чарльз ждал, пока она выйдет из столовой, а она нарочно затягивала уборку, чтобы все успели уйти и оставили ее в покое. Высокая худая фигура, еле различимая в полумраке холла, появилась словно ниоткуда у подножия лестницы. Для ее до предела натянутых нервов это было уже чересчур. Она накинулась на него, как тигрица.

– Хватит сцен на балконе, Чарльз! Для игр в Ромео и Джульетту я старовата!

Он отпрянул, словно она плюнула ему в лицо.

– Я, Элен, не собирался, как подросток, заманивать тебя к себе в комнату, чтобы потискать. Если это то, о чем ты думаешь! – Лицо Чарльза побелело от гнева. – Если ты считаешь, что для этого старовата, могла бы, по крайней мере, оказать мне честь, признав, что я тоже слегка перерос мальчишеские обжималки!

– Хорошо, хорошо. Просто сейчас, после такого вечера… все было так ужасно… и Триша отвратительно себя вела… мне нужно побыть немного в тишине, я хочу отдохнуть…

– Я тоже! – Лицо Чарльза смягчилось. – Может, отдохнем вместе? – Он помолчал. – Слушай, не ложись пока, давай погуляем.

Он осторожно помог ей спуститься по лестнице и распахнул входную дверь.

– Прекрасная ночь. Когда ты в последний раз смотрела на луну?

Секунду поколебавшись, Элен сдалась и, выйдя в открытую дверь, окунулась в ароматную, шепчущую ночь. Сияли звезды; погруженная в ночь вселенная, казалось, оживает, наполняясь вздохами, шелестом, шепотом, шорохом робких суетливых лапок, мир был живым, настоящим, не имеющим ничего общего с пережитыми за вечер мучениями.

– Не стану спрашивать, что ты думаешь о… о пашей гостье, – осторожно начал Чарльз, с первого взгляда поняв, что Триша относится к тому сорту женщин, которых другие женщины сразу определяют как «сучек». – Хотел только узнать, что, по-твоему, ее приезд означает для тебя и Джона. – И для меня, для нас, хотел добавить он, но промолчал.

– Она его не любит! – страстно воскликнула Элен. – Такие женщины не любят никого, кроме себя! Если бы ее интересовал Алекс, она бы никогда не повела себя так с Джоном. Господи, она отвратительна, кокетничает, глазками стреляет, видит ведь, как Алекса это заводит!

– А может, именно поэтому? – рискнул предположить Чарльз, идя с Элен под руку через газон к аллее, обсаженной розами. – Если бы ей было все равно, стала бы она компрометировать себя?

Но на Джона спектакль Триши не возымел действия, хотел сказать Чарльз. Парень настолько не от мира сего, что ему и в голову не пришло, что она перед ним рассыпается. Он, хоть в лепешку разбейся, не заметит, что баба дает ему зеленый свет!

Чарльз вовремя прикусил язык: мужчине, если он с женщиной на тонком льду, не стоит отпускать остроты о ее сыне. Он замолчал и стал ждать.

Но Элен уловила ход его мыслей.

– Я беспокоюсь о Джоне, – сказала она. – Куда он отправится?

– О чем ты?

– Нам придется отсюда уезжать. Я это поняла сразу, когда Алекс дал радиограмму из Сиднея, что привезет «гостью». – Она провела рукой по нахмуренному лбу, откидывая волосы назад жестом, который он так любил. – Хочет, пусть играет в респектабельность, поселяя ее в доме для гостей, хочет, пусть проводит с ней в постели круглые сутки у себя в комнате, все одно – она его подружка, это по его обращению ясно. А раз он теперь хозяин Кёнигсхауса, значит, Триша – новая хозяйка.

Боже всемогущий, она далеко глядит! Чарльз подумал, что слава Богу, в темноте не заметно, как он еле слышно присвистнул от удивления. Он позвал Элен погулять ночью, потому что чувствовал, что отвечает за нее, но сейчас, после такого неожиданного заключения, он считал, что обязан провести ее через все болезненные препоны шаг за шагом, обязан, как бы тяжело ни было, назвать все последствия происшедшего. Теперь он понимал, что с самого начала недооценивал Элен.

– Ты, кажется, хорошо все продумала, – отважился произнести он.

– Да, хорошо.

И откуда в ее голосе эти жесткие нотки?

– За последнее время я во многом стала разбираться лучше! – резко сказала Элен. – И, кажется, не опоздала. Раньше я не замечала, что творится у меня под носом, верила тому, с чем ни на секунду не должна была мириться. Господи, ну и дура же я была! Приходится признать! – Она невесело рассмеялась. – Не слишком приятно в моем возрасте быть такой

тупой, правда?

– А что с Джоном?

Элен резко остановилась под большим кедром и прижала к губам костяшки сжатых кулаков.

– О, Чарльз.

Она дрожала всем телом, изо всех сил стараясь сдержать душащие ее рыдания.

– Я этого не вынесу, не могу думать, что будет с Джоном! Раньше я и помыслить боялась, что означает для него потеря Кёнигсхауса, потому что не верила в это. Я-то могу уехать куда угодно, дело не во мне. Мне и раньше доводилось странствовать, я, если придется, вынесу это. Но мальчик не знает другой жизни, кроме этой. Что будет с ним?

Скорей! Теперь, когда все легли спать, время самое подходящее.

Подобно истинным сельским жителям, Джон не боялся темноты. Наоборот, в глубине души ночной буш нравился ему больше, чем дневной. С деревьев свисали, приветствуя его, друзья – маленькие мохнатые ночные зверьки с огромными глазами; он понимал смысл каждого крика, каждого шепота, слышал хруст каждой веточки под незримыми шагами.

Однако сегодня он не мог побаловать себя полуночной прогулкой, которые обожал с детства. Он направлялся в контору, к приемопередающей радиостанции и факсу.

Пусть сейчас спит вся Австралия, весь мир, он знал, что есть люди, которые бодрствуют круглые сутки. Ему нужно поговорить с ними, пока Кёнигсхаус погружен в сон. Проскользнув в контору, Джон быстро нашел номер авиационной диспетчерской в Сиднее, поднял трубку и нажал кнопку «Передача».

– Говорит Кило Отель Сьерра, Кило Отель Сьерра, станция Кёнигсхаус, да, привет. Можете ознакомить нас с планами полетов по Северной Территории? Это запрос. Полет из аэропорта Сидней, да, пункт назначения – Кёнигсхаус. Благодарю. – Джон приподнял откидной край отцовского стола и ждал, глядя перед собой.

Со стены на него смотрел Филипп-школьник, еще не покрывшийся морщинами, неулыбчивый, нелепо тощий и высокомерный – такими бывают лишь ученики частных школ. Он лениво перевел взгляд на черную подпись: «Филипп Иоганн Кёниг, старший ученик, Рокхамптон-колледж. 1948-49».

Старший ученик.

Старый добрый папа. Так началось восхождение, которого Филипп не

прекращал всю жизнь.

А закончилось оно в ложбине между двух камней, в ловушке, где паразиты, подонки рода человеческого уничтожили владыку Королевства, как вошь.

Внутри, подобно тошноте, поднималась ставшая знакомой горькая ярость: я поймаю их, отец, клянусь, им это даром не пройдет, я до них доберусь…

– Алло! Да, это Кёнигсхаус, привет, простите, что беспокою ночью. Дело в том, что мы потеряли план полетов, который был неделю или две назад, а хозяин лопается от злости. Не могли бы вы передать по факсу копию данных, которые мы вам сообщили, когда регистрировали полет?

С другого конца радиолинии отозвались.

– Когда? Это было в позапрошлый вторник, единственный полет за месяц, кроме нескольких челночных вертолетов. Передадите? Отлично! Спасибо. Хорошо, запишите номер факса и перезвоните. – Джон, стараясь не ошибиться, продиктовал номер невидимому оператору. – Можете передать прямо сейчас! Тысяча благодарностей, приятель, ты не представляешь, как это важно!

Через несколько секунд он держал в руках лист бумаги, цифры и буквы прыгали у него перед глазами. Легкий самолет «Виктор-Икс-4355». Время вылета из Сиднея 22.00. Пункт назначения – Кило Отель Сьерра, станция Кёнигсхаус. Расчетное время прибытия 00.10. Обратный полет: расчетное время вылета 02.30, прибытие зафиксировано 04.40.

Значит, самолет был!

Джон едва улавливал смысл написанного, пришлось сделать усилие, чтобы расшифровать краткое сообщение.

«Виктор-Икс-4355»…

Кто-то вылетел из Сиднея в десять часов вечера и приземлился вблизи Кёнигсхауса вскоре после полуночи. Потом вылетел обратно в половине третьего ночи и прибыл в Сидней чуть позже половины пятого.

Два с половиной часа.

По расчетам Дасти, этого времени пешеходу вполне хватит, чтобы дойти от взлетно-посадочной полосы до источника, прикончить спящего и вернуться к самолету.

Взгляд лихорадочно скользил по бумаге.

«Заявлено пассажиров: 3».

Дасти был прав.

Три человека.

Ах, негодяи!

Но кто был главным, кто за все отвечал, кто задумал преступление?

Джон дошел до последней строки.

«Самолет зарегистрирован на «Кингдом Холдингз ПЛК». Владелец и пилот г-н И.А.М.Кингдом».

Негодяй!

Проклятый негодяй!

Джон сидел неподвижно, словно окаменев, пока новое понимание прокладывало себе дорогу в его мозг, как прожилки пронизывают мрамор.

В Кёнигсхаусе был только один человек, которого лишили Королевства, лишили дважды, сначала – по праву рождения, потом – когда его дело выкупил у него из-под носа соперник, более взрослый и сильный.

Только один человек мог прийти к мысли об убийстве, чтобы спасти империю, которую он создал на месте того, что утратил.

Только у одного человека хватило бы горького, сардонического юмора, чтобы назвать выдуманную для прикрытия компанию именем утраченной империи.

Только у одного человека хватит холодности, злобы, решительности, чтобы убить, имея веский повод.

Убить Филиппа Кёнига. Чарльз.

Наверняка это Чарльз. Дядя Чарльз.

В мозгу вспыхнул сноп яркого света, бомбардируя его сигналами об опасности. Не замеченные вовремя, они теперь складывались во все более четкую, тревожную картину.

Чарльз.

Чарльз стоял рядом с матерью, когда они шли по проходу часовни на похоронах отца.

Когда огласили завещание, Элен инстинктивно повернулась именно к нему. Чарльз использовал мать, чтобы ускорить продажу поместья миссис Мацуда, он приобрел безмерное влияние на нее…

Сегодня за ужином взгляд ее был прикован к Чарльзу.

Нет!

Чего бы дядюшка ни хотел от матери, какие бы планы ни строил, он обязан положить этому конец! Он обязан позаботиться о матери!

Джон почувствовал горький укол совести. Почему он не постарался помочь ей справиться с ударом судьбы, а поскорее уполз зализывать собственные раны, как зверь? Зачем ему надо было напиваться, а потом валять дурака перед Джиной – Боже мой, он бросил мать на произвол судьбы, совсем о ней не подумал! В эту лазейку и проскользнул дражайший

дядя Чарльз, новое лицо на ее горизонте, человек, ради карьеры готовый на все!

Нет!

Ни за что, ведь он еще ее сын!

Скомкав план полета и сунув его в карман, Джон вскочил, одним рывком добрался до двери, выключил свет и выбежал из конторы. Надо убедиться, что с мамой все в порядке, что она в постели, надежно укрыта одеялом, а затем обдумать все еще раз. Нужно добраться до сути дела, найти новые подробности, новые доказательства…

Джон бежал легко, бесшумно, еле касаясь земли, не тревожа ни единого листика. Истинный бушмен, он всегда чуял людей раньше, чем они заметят его.

Что это?

На другой стороне лужайки, под деревьями он уловил какое-то движение, но прошла секунда-другая, пока глаза после света адаптировались к темноте. Ужаснувшись, он увидел Чарльза и мать, они стояли рядом, теплая ароматная ночь окутывала их. Чарльз обнял Элен, прижал к себе и начал целовать, страстно, долго, не переводя дыхания. В безнадежно холодном свете звезды, сиявшей в миллионе миль от дома, он видел, как мать растворяется в жадных объятиях человека, убившего его отца.

# 21

– Спасибо, что довез меня, папа. Сегодня утром мне неудобно было просить об этом миссис Кёниг. Она казалась совсем… ну, я не знаю! Да это и не удивительно, с такой… такой женщиной на шее!

Итак, привитое в монастырской школе воспитание не позволяло его дочери сказать «с такой сучкой», отметил Бен, криво усмехнувшись.

– Ты о Трише? – мрачно спросил он. – Да, она не очень-то подходит для жизни на скотоводческой ферме, правда? Не могу представить, что она поселится в Королевстве и приживется. Ей миллиона лет на это не хватит. Самое противное то, что она все-таки выселит отсюда Элен, хоть сама никогда не снизойдет до того, чтобы жить здесь.

– Да. – Сердце Джины сжалось от ревнивого возмущения. – А Джон, с ее приездом Джону тоже придется уехать. – Она дотронулась до руки отца. – О, папа, ты знал мистера Кёнига – почему он изменил завещание и лишил Джона наследства?

– Почем я знаю? – грустно произнес Бен.

Машинально преодолев последний поворот грунтовой дороги, Бен въехал на джипе в поселок аборигенов. На центральной площади высокий человек увлеченно разговаривал с молодыми мужчинами. У Джины ёкнуло сердце – Джон?

Бен кивнул.

– Генри Саффолк, управляющий фермой. Передай ему привет от меня, не хочу останавливаться, лучше поеду. – Он через силу улыбнулся. – Хочу поскорей покончить с делами и увезти тебя отсюда. По-моему, хватит с нас и Кёнигсхауса, и Кёнигов, и надолго, как ты считаешь?

Бедный папа, бедный милый папочка.

С ноющим сердцем Джина вышла из машины и помахала Бену на прощание. Как все дочери овдовевших родителей, она любила отца, страстно стремилась защитить его, и эта страсть была тем более жгучей, что оставалась невысказанной. Бедный папа. Он так старается, но рано или поздно всегда получает удар ниже пояса.

Правда ли, что некоторые рождены, чтобы проигрывать, грустно подумала она, или их побеждают только оттого, что время, невезение, нехватка денег, людская злоба, людские склоки лишают их сил?

– Эй, привет!

Девушка обернулась и увидела высокого крепкого мужчину, он шел к

ней, вертя в руках старую ковбойскую шляпу. В глазах любящей женщины его открытое, доброжелательное лицо могло бы показаться красивым, но самой привлекательной его чертой была улыбка, ласковая, робкая и немного неуверенная, словно он не научился как следует веселиться.

– Мисс Николс?

– Джина, – улыбнулась она в ответ.

– Вот остановился, чтобы поздороваться, – неуклюже сказал Генри, жалея, что затеял разговор. Господи, когда ему секунду назад пришло в голову получше разглядеть симпатичную крошку, которую он видел в Кёнигсхаусе, он и представить не мог, как трудно окажется довести дело до конца! Слишком много ночей проводил я с парнями, а с дамами совсем не умею обращаться, уныло подумал он. Под пристальным взглядом огромных влажных глаз – утонуть можно! – он никак не мог придумать, что бы еще сказать.

– Что вы здесь делаете? – прошептала Джипа, смягчаясь, как все женщины, при виде робкого мужчины, особенно если его робость скрывается в теле, которого не устыдился бы молодой Джон Уэйн.

– Да вот, остановился, чтобы договориться с ребятами о следующей объездке. Конечно, почти все делает Дасти. Но мне нужно связаться с ним, чтобы сообщить Джону, как идут дела.

Джина подавила вздох.

– Вы счастливчик, если всегда знаете, как идут дела, мистер Саффолк. Хотела бы я сказать то же о себе!

Память развернула перед ней, словно комикс, картины вчерашнего треклятого ужина. Почему ей так больно? Ведь Джон честно объяснил ей, что к чему.

Между ними ничего не было и быть не может – откровеннее некуда.

– Простите, мистер Саффолк. Мне надо идти, да и вам, наверно, тоже. Передайте привет Джону, когда его увидите.

Она поспешила дальше по поселку к импровизированной танцплощадке, где понемногу собирались танцоры. Ее прихода с нетерпением ждал Тимбо.

– Эй, Джина! – без предисловий начал он, – помнишь, ты просила нас выяснить у стариков, знают ли они легенды, которые мы может использовать в спектакле и в танцах для выступления? Кажется, я кое-что нашел.

Его глаза блестели, и Джина почувствовала, как в ней, откликаясь, растет радостное возбуждение.

– Отлично, Тимбо, что это?

Вместо ответа юноша обхватил сильными пальцами ее запястье и повел вниз по холму к маленькой хижине, стоявшей особняком. Остановившись у двери, он приложил палец к губам.

– Ничего не говори, только слушай. И не задавай вопросов – она очень, очень старая, старше гор, говорят, она была женщиной первого Иоганна.

Джина ахнула.

– Первого Иоганна? Тимбо, это невозможно, тогда ей должно быть больше ста лет…

– Тс-с-с! – Снова прижав палец к губам, Тимбо поманил девушку в хижину.

Внутри, в темноте, в окружении ярких бликов сидела, скрестив ноги на циновке посреди земляного пола, древняя старуха. Солнечные лучи проникали сквозь щели в крыше, дробились на круживших вверх и вниз пылинках и плясали вокруг ореола снежно-белых волос, обрамлявших иссиня-черное лицо; его нельзя было назвать просто морщинистым, морщины, более глубокие, чем само время, были словно бы выгравированы на нем, придавая ему форму. Над беззубым, впалым ртом невидяще глядели глаза – два яблока, полных молока; крошечные сморщенные ручки лежали на коленях, как крабы.

Юноша опустился перед старой женщиной на колени, поднял одну ее руку, провел ею по своему лицу, чтобы она узнала его, и внятно сказал:

– Я Тимбо, бабушка. Я привел девушку. Расскажи ей свою легенду.

Старуха, будто только и ждавшая этих слов, заговорила монотонно, нараспев.

– Отец Всех Вещей создал людей черных, создал людей белых, создал женщин им под стать. Давным-давно у первого Иоганна была здесь своя женщина, белая женщина из его страны, а у черных мужчин были свои.

Джина громко вздохнула. Тимбо предостерегающе посмотрел на нее.

– Иоганн пришел брать, – продолжала старуха. – Все, что есть у людей, он взял. Взял землю, взял кенгуру, которых они ели, чтобы жить, взял источник. Но хотел еще. Увидел жену вождя племени и захотел ее тоже.

Ничто не нарушало тишину. Старый голос шелестел:

– Он хотел ее и пришел за ней. Пришел в буш, соблазнил ее, и она ушла с ним. Она думала, что имеет его в тайне, что он хорош для всех в племени. Но он хотел ее себе, как землю, всю себе. И он закрыл источник, прогнал народ умирать и привел вместо людей скот.

Старуха замолчала, бормоча что-то себе под нос, затем голос ее окреп.

– Но ясновидцы видели сон, что его скот – это кенгуру, которые

вернулись, чтобы люди их съели. Они убили скот. Он убил их. Всех, кроме женщины. Когда она увидела, что не может спасти мужа и свой народ, спаслась сама. Убежала от кнутов и ружей, бежала, бежала, бежала. Но он шел за ней и нашел ее. Стал всегда держать как черную женщину. Она стала его женщиной, хоть он убил ее мужа, убил ее народ, взял их землю. Она не забыла, никогда не забывала, что случилось. Айе! Айее!

Положив руки на голову, старуха запричитала, испуская душераздирающие вопли. Тимбо вывел Джину из хижины.

– Ну как, годится? – спросил он.

Джина покачала головой, от волнения она едва могла говорить. Неужели старуха рассказала собственную историю? Неужели она – та девушка, которую Иоганн желал так, что уничтожил все племя, чтобы ее заполучить? Или она все придумала, становясь в мечтах далекой юной женщиной, вновь переживая ее трагическую судьбу?

Джина порывисто схватила Тимбо за руку.

– Если она позволит нам рассказать эту легенду в танце – Тимбо, трудно представить себе что-либо более мощное и более подходящее для здешних мест и нашего корробори!

Господи, чудесно, должно быть, заниматься таким легким и спокойным делом, как танец, а не этой грязной работой, подумал Генри Саффолк в приливе черной зависти. Он глядел, как девушка рука об руку с Тимбо неторопливо идет по поселку, чтобы присоединиться к группе танцоров, и настроение у него непонятно отчего испортилось. Он повернулся к стоявшим вокруг мужчинам.

– Ладно, значит, насчет объездки договорились. Теперь вы все в деле, я дам вам знать, когда собираться.

Кивнув, мужчины зашевелились, готовые разойтись.

– Да, вот еще что, пока вы не ушли, – продолжил Генри. – Послание от хозяина – молодого хозяина, мистера Джона то есть, – нет, слушайте, я хотел сказать…

Он смущенно умолк, проклиная себя. Господи, когда же он привыкнет, что Филипп мертв? И, что еще хуже, что новый хозяин – не Джон, а эта городская крыса Алекс?

Генри чертыхнулся, проклиная себя и свою судьбу, и начал снова, пытаясь скрыть неловкость.

– Слушайте, Джон хочет, чтобы я спросил, не видел ли кто-нибудь из вас, не слышал ли чего-то в ту ночь, когда старый хозяин умер?

Повисло тяжелое молчание, мужчины уклончиво смотрели перед

собой, избегая встречаться взглядами.

Генри ухмыльнулся.

– Обещаю, никому ничего не будет, что бы вы ни замышляли. Джон просто хочет знать, может, кто-то из вас в ту ночь не спал, занимался чем-нибудь на стороне; если видели что-то необычное, расскажите, вот и все.

Ответом на его призыв были ничего не выражающие лица; все покачали головами.

– Ладно, – отступился Генри. – Спасибо, что выслушали. Если все же кто-нибудь что-нибудь вспомнит – дайте знать. Просто если кто-то из нас в ту ночь заметил что-нибудь особенное, нужно это выяснить, только и всего.

– А что, – рассмеялся озорник Слим, насмешливо указывая на покачивающуюся фигуру, которая тащилась мимо, еле волоча ноги, – посоветуйте-ка хозяину перемолвиться словечком со старым Марки, мужем Элли. Он весьма необычен, с какой стороны ни глянь! Эй, приятель! – продолжал Слим, не дожидаясь поощрения. – Хозяин хочет знать, не видал ли ты чего намедни? Необычного?

Как все пьяницы, Марк в чем угодно с ходу видел оскорбление, а если над ним посмеивались, распалялся до предела. Он поднял взгляд, маленькие поросячьи глазки налились кровью, мощное тело раздулось от внезапной ярости.

– Сдается мне, об этом надо спросить хозяина! – злобно забормотал он, сжимая огромные кулаки. – Задавака Кёниг нынче мою жену из проклятого Кёнигсхауса ни на час не отпускает! Она торчит там день и ночь, то гости, то ужины, то уборка, то готовка, черт ее знает, что она еще там делает! А теперь эта сучка напустила на себя важность, слишком, видите ли, хороша для меня, на черта ей нужен распроклятый муж!

Марк довел себя до бешенства, потеряв последние остатки самоконтроля. Потрясая кулаками, он двинулся на Генри.

– Все вы одинаковы, черт бы вас побрал! Раз старый хозяин уже не трахает наших баб, ими занялись вы, молодые негодяи! Думаете, девочки кури за вами побегут, только свистни? Передай хозяину, если кто будет с моей женой шутки шутить, клянусь, пришью телку! Получит он кусок превосходной дохлятины! Я ему преподнесу подарочек! Убью заразу… чертова дрянь… убью…

Хриплые крики затихли. Сорвав горло, запинаясь на каждом слове, продолжая божиться и чертыхаться, Марк упал на колени и заплакал, угрозы и клятвы слились в один нечленораздельный вой.

– Эй, кто-нибудь, уберите его!

Генри сделал знак мужчинам, с неприкрытым отвращением взирая на

барахтающегося у его ног Марка. Дрянь и пустозвон, как все пьяницы, подумал он. Никакого проку. Никто из тех, кто знал пресловутую парочку, не верил, что когда-нибудь Марк и Элли остепенятся и станут счастливой семьей. Но сейчас она от него надежно укрыта, что бы он тут ни плел. Пока любящий муж топит себя в содержимом жестяных банок, Элли может спокойно доживать отпущенные ей дни.

Да и ему, Генри, других забот хватает.

Вот она – одна из них.

Стоит босиком, на коричневых точеных ножках, выпрямившись во все свои сто шестьдесят сантиметров, головой как раз достала бы до пуговицы на его нагрудном кармане, и зовут ее Джина.

# 22

Только если это принесет Джону счастье, так ответила она Чарльзу. Если сделает по-настоящему счастливым, если он будет искренне радоваться за нее, за Чарльза и за себя, если у него камень с души упадет, потому что ему не нужно будет больше тревожиться о матери, – только тогда она сможет подумать о том, чтобы выйти за Чарльза.

Проснувшись утром, она ощущала неизъяснимое блаженство. Нежась в солнечном свете, теплая со сна, расслабленно потягиваясь, как кошка, Элен на мгновение спросила себя: уж не влюбилась ли она? Как давно это было. Что она чувствовала – то же, что и сейчас? Она могла поклясться, что да…

Элен позволила себе помечтать еще несколько мгновений.

Какая чудесная мечта.

Она мечтала о мужчине, о мужчине в своей жизни, в своей постели, о собственном мужчине – даже короткая агония вдовства раз и навсегда доказала ей, что она не из тех женщин, что могут идти по жизни в одиночку. Да, некоторые женщины ценят независимость, восторгаются свободой, любят исчезать, получив удовольствие, не откликаясь ни на чьи чувства. Но она всю жизнь прожила, цепляясь за Филиппа, как плющ за колонну, и знала, что она – не из таких. Ей нужен мужчина.

Нужен не только для секса – хотя и этого ей ужасно не хватает. Ей нужен мужчина, чтобы заботиться о нем, пылинки с него сдувать. Мужчина, благополучие которого станет важнее ее собственного. Мужчина, вокруг которого будет строиться вся ее жизнь, мужчина, ради которого она будет вставать по утрам, с нетерпением ждать конца дня, чтобы вместе лечь в постель, соединиться и в дружбе, и в жгучей жажде любви.

Элен встала, оделась, села завтракать, не замечая, что делает, и обнаружила, что не может проглотить ни кусочка. В голове у нее, как у девчонки, снова и снова прокручивалась вчерашняя ночь: воздух, насыщенный ароматами, они вдвоем с Чарльзом под луной, мягкий свет звезд.

О, Чарльз…

Он не вышел завтракать, и Элен, опять по-девчоночьи, не могла понять, рада этому или нет.

А теперь она сидела у окна, глядя на пустынную равнину и погрузившись в мечты, хоть ее ждали тысячи повседневных забот.

Она мечтала о Чарльзе…

Какие чувства она к нему испытывает? Могут ли они надеяться, что вернется их первая любовь, ушедшая много лет назад?

– Все будет по-твоему, дорогая, – страстно шептал Чарльз ночью, обнимая ее, – делай, что хочешь, говори Джону или кому угодно все, что хочешь. Но учти, я не собираюсь ждать вечно! Я и так уже слишком долго ждал!

И она тоже, разве нет?

Разве она не ждала всю жизнь, как Роза, разве не была его служанкой – ждала по крохам выдаваемого одобрения единственного мужчины, внимала смене его настроений, его гневу, его желаниям? Она поклонялась Филиппу, обожествляла его. А он в награду втоптал ее в грязь.

Как Розу.

Пора прекратить бессмысленно злиться на старую женщину, обвинять ее в том, что творил Филипп. Что могла поделать Роза? Существует ли выбор у таких, как она?

Но теперь ее очередь выбирать. Прежде всего нужно поговорить с Джоном. Где он может быть?

Он, как и Чарльз, не вышел к завтраку, но в этом не было ничего необычного, он часто перехватывал чашку кофе в кухне и начинал день, не тратя времени на еду. Элен заглянула в его спальню – постель была холодна и пуста, словно в ней не провели ночь. В поисках сына Элен спустилась вниз и вышла из дома.

Она решила заглянуть в контору, спросить у Бена, не видел ли он мальчика, не знает ли, где он. Но Джон оказался там, сидел рядом с Беном за столом и вглядывался в экран компьютера, ловя каждое слово.

– Как видишь, – говорил Бен, – войдя в систему через пароль, можешь выбирать, что именно хочешь вызвать, здесь есть все, где-нибудь да есть. Весь фокус в том, чтобы найти! – Он засмеялся. – Здравствуй, Элен. Тоже хочешь поступить на компьютерные курсы?

– Джон! – удивленно воскликнула Элен. – Что ты здесь делаешь?

Показалось ли ей это или сын в самом деле при виде нее слегка покраснел? Она почувствовала, что кровь прихлынула к щекам, воспоминания о прошлой ночи еще пламенели у нее на губах, на лице.

Но Джон ничего не мог знать о прошлой ночи, она ни единой душе не обмолвилась и могла поклясться, что и Чарльз тоже…

Боже, какой у нее виноватый вид, горестно подумал Джон.

– Просто учусь, – коротко ответил он, немного смутившись и не сводя глаз с экрана. – Узнал массу интересного, спасибо Бену.

– Ну что ж, по-моему, ты уже неплохо разбираешься, – заметил Бен. – Сбегаю-ка я в дом, хлебну кофе, кто со мной?

Джон покачал головой.

– Я лучше еще немного здесь поиграю. Элен помахала рукой.

– Ступай, Бен, мне нужно поговорить с Джоном.

– Ладно, увидимся за ужином, а может, и раньше, – бросил Бен уходя.

Пока Элен искала Джона, в ней крепла уверенность вперемежку с волнением, с каждой минутой ей все сильнее хотелось поделиться с ним своими чувствами. Но теперь, когда они остались вдвоем, она почему-то никак не могла начать разговор.

– Ты хотел, чтобы Бен показал тебе, как работает компьютер? – наконец не без робости спросила она?

– Ага.

Казалось, сын нарочно держится бесцеремонно, не сводит глаз с экрана, словно его интересует только компьютер.

– Просто поинтересовался кое-чем – любопытно. Все равно мне до следующей объездки заняться нечем. При условии, конечно, что объездки, по крайней мере, останутся за ними. – Голос Джона стал жестче. – Если уважаемая миссис Мацуда возьмется за дело всерьез, мы оглянуться не успеем, как вылетим отсюда!

– Джон, милый, об этом я и хотела с тобой поговорить, – с дрожью в голосе проговорила Элен. – До сих пор нам некогда было об этом подумать, но, что бы ты ни решил насчет отъезда, я не хочу, чтобы ты считал себя обязанным беспокоиться обо мне.

Джон покраснел, взглянул матери в глаза и отвернулся.

– Беспокоиться о тебе? Естественно, я о тебе беспокоюсь! Ты мне не чужой человек! И я не хочу, чтобы ты влюблялась в этого негодяя Чарльза!

– Понимаешь, теперь мне самой надо о себе заботиться.

– По-твоему, ты сможешь? – Во взгляде Джона промелькнуло удивление.

– Что ты хочешь сказать?

Он снова отвел глаза, пряча взгляд, рассматривал мелькающие на дисплее зеленые значки.

– Будем говорить напрямую, мама. Ты жила, как у Христа за пазухой. Ты не знала других мужчин, кроме папы…

– Неправда! – вспыхнула Элен. – Я узнала Чарльза раньше, чем Филиппа, и он… я ему нравилась!

Черт возьми, очень может быть!

Жестокий удар! В руках у Джона оказался еще один фрагмент

головоломки. Он, конечно, знал, что маму с папой познакомил дядя Чарльз. «Как вы познакомились?» – этот вопрос каждый ребенок задает родителям задолго до того, как он отложится у него в мозгу. Только теперь Джон понял, что дядя Чарльз не просто представил родителей друг другу – он любил его мать, это у нее на лице написано!

А любила ли она его? Любила ли так, что смогла закрыть глаза на внезапную смерть Филиппа? И так ли уж вовремя умер отец?

Или она пытается сказать, что до сих пор любит дядюшку?

Надо не дать ей сделать это неожиданное признание, нельзя, чтобы оно прозвучало. Джон запальчиво проговорил:

– Даже если так, папа все делал за тебя, все решал, заботился о тебе, а там, в чужом мире, – «И здесь, здесь, здесь, в Кёнигсхаусе», – хотелось крикнуть ему, – тебе встретятся люди, которых придется остерегаться, защищаться от них…

Элен смотрела на сына в замешательстве.

– О чем ты?

О Чарльзе, будь он неладен, о ком же еще! О человеке, убившем твоего мужа! О человеке, которого я сейчас выслеживаю, я и в компьютер влез, чтобы распутать его темные делишки и кривые дорожки, найти способ вывести его на чистую воду.

– Да ни о чем, так просто. – Чувствуя свое бессилие, Джон отвернулся.

Материнская любовь затопила сердце Элен. Бедный мальчик, подумала она, нервы у него натянуты до предела, зачем я взваливаю на него лишнюю ношу. Он до смерти волнуется о своем будущем, о Кёнигсхаусе и всем остальном, а я хожу вокруг да около, вместо того чтобы сразу сказать правду, потому что стыжусь, как школьница, которая впервые встречается с мальчиком. Она глубоко вздохнула.

– Послушай, милый, мне нужно тебе что-то сообщить о… о будущем. О моем будущем. Конечно, еще рано, но я помыслить боюсь, что останусь до конца жизни предоставленной самой себе. Я хотела узнать, что ты думаешь… что бы ты сказал, если… как ты думаешь, могла бы я найти кого-нибудь еще… может быть, даже снова выйти замуж…

– Снова выйти замуж?! – Если бы мать дала ему пощечину, Джон не испугался бы сильнее. – Выйти замуж? Боже мой, ни за что!

– Почему?

Он глядел на нее, и на его лице, сменяя друг друга, отражались потрясение, боль и гнев.

– Господи помилуй, мама, тебе сорок два!

– Это не так много, – произнесла Элен защищаясь.

– Но… но… – Он в отчаянии провел рукой по волосам. – Но дело не только в этом!

– Тогда в чем?

Он снова испуганно посмотрел на нее и отвел взгляд. Казалось, его тошнит от отвращения.

– После папы – после такого мужчины, как папа, – как тебе такое в голову могло прийти?

– Джон, послушай… я любила твоего отца, но… он не единственный мужчина на свете!

Сын повернулся к ней, напрягшись всем телом в гневном укоре.

– Что с тобой, мама, – тебе трудна смириться с мыслью, что ты больше не хозяйка большого дома? Или ты уже присмотрела папе замену – пока его тело еще не остыло в могиле? Что могла ответить Элен?

Что Чарльз – не «замена»? Боже упаси, он сам по себе, и если она его любит, то только потому, что он так не похож на Филиппа.

Если любит.

– Это не из-за того, что… – прервал ее размышления Джон, густо покраснев и покусывая губы. – Это не из-за того, что… ты физически… ведь нет? – Он сгорал от смущения, но, казалось, был готов довести допрос до конца, чего бы это ни стоило. – В твоем возрасте…

В твоем возрасте…

Неужели он подумал такое?

Внезапно Элен увидела себя глазами сына.

– Нет, что ты, мне совсем не хочется… не знаю, почему я это сказала, забудь, считай, что я ничего не говорила, хорошо? – Она понимала, что мелет чепуху, но не могла остановиться. – Конечно, ты прав, милый, я ничего не хотела, забудь.

Не переставая говорить, Элен направилась к двери; сейчас ей больше всего на свете хотелось сбежать отсюда. Джон отвернулся к компьютеру, его широкие плечи ссутулились, защищаясь от нее и от всего мира, словно он хотел отгородиться и стереть из памяти даже мельчайший след их разговора. Она ушла. Оставшись один, Джон закрыл лицо руками и начал клясть и себя, и мать, но больше всего Чарльза.

Оказывается, этот мерзавец далеко зашел! Да, он мешкать не любит! А мама такая беззащитная, всегда всем верит. Что она знает о жизни?

Он не мог представить, что она догадывается, какую роль сыграл Чарльз в смерти Филиппа, не мог в это поверить. Вдруг нахлынуло нежданное воспоминание: в день похорон отца мама пытается проникнуть в сейф, взгляд у нее загнанный, виноватый…

Нет! Не может быть! Пусть даже она больше не любила отца – внезапно Джон понял это, до него дошел смысл мелочей, которые он видел, но не осознавал. Но она не стала бы его убивать.

Нет, это Чарльз, определенно он.

Надо было ее предупредить, рассказать все о дяде.

Рассказать что?

Что он может ей сказать, что он знает наверняка?

Ничего, ничего и даже меньше!

Утренний звонок в регистрационное бюро компаний в Сиднее не сообщил ничего нового о «Кингдом Холдингз». Ее штаб-квартира была зарегистрирована на Макквери-стрит, в элегантном деловом квартале. Подставной адрес, не больше.

Проявив настойчивость, он с помощью благожелательно настроенного служащего из бюро регистрации выяснил, что «Кингдом Холдингз» принадлежит другой компании, которая, в свою очередь, не является учредителем. Вся система была построена как дымовая завеса, и убийца мог затаиться за ней в полной безопасности, понимая, что раскрыть его убежище сумеет только еще больший плут, чем он.

Ничего не оставалось, кроме как разыскивать убийцу или оставленные им следы.

«Мудри сколько хочешь, приятель, петляй и запутывай следы, я до тебя доберусь! – Джон неуклюже барабанил по клавишам компьютера, зеленоватые отблески экрана плясали на его напряженном, горящем мрачной решимостью лице, придавая ему сверхъестественный вид. Легкий стук клавиш вплетался в хаотический, бесконечный поток мыслей. – Чарльз любил маму, любил раньше, чем с ней познакомился отец, и, наверно, не переставал любить; бывает, мужчины убивают друг друга и по менее серьезным поводам.

Он ненавидел брата, тот всю жизнь обходил его, такая причина для убийства известна со времен Каина и Авеля.

Если бы он не сумел заставить отца тем или иным образом привести в порядок дела, то потерял бы все – за это мужчины тоже убивают…

Все ясно!

Отец умирает, и дядюшка тут как тут, чистый и невинный. Стоило ему дернуть за веревочки, и мама упала прямо в его объятия.

Без всяких хлопот овладеть ситуацией, заполучить любимую женщину и не менее горячо любимое предприятие – таких мотивов хватит любому мужчине. Чарльз знал, что я, в отличие от папы, соглашусь на все, лишь бы Кёнигсхаус продолжал жить, что я не буду спорить с ним из-за сиднейских

дел и «Кёниг Холдингз», он бы их получил на блюдечке. Откуда ему было знать, что папа изменит завещание, что мы оба потеряем все.

К тому же он – Кёниг. Чтобы получить желаемое, Иоганн вырезал целое племя. На месте Чарльза я бы тоже не устоял перед соблазном. Неужели Кёниги всегда убивают того, кто окажется у них па пути? Значит, мне нужно убить Чарльза? Неужели для Кёнигов все раз и навсегда предопределено, неужели нам суждено схватиться в смертельном поединке? Спокойней, дружище, это реальная жизнь, а не книжка про пиратов», – попытался успокоить себя Джон и, содрогнувшись, снова вгляделся в компьютер.

Мотивы без доказательств – ничто, он должен доказать, что Чарльз способен на преступление, найти подтверждение того, что у дяди были причины напасть на брата исподтишка, по-змеиному и отнять жизнь.

Наконец он их нашел.

Резь в глазах не проходила, шею свело, голова кружилась, но он понял, что в конце концов нашел то, что искал.

Портфель вложений.

Джон мрачно вгляделся в экран.

Вот она, новая программа чрезвычайно рискованных приобретений. Претенциозный пакет вложений и закупок, которые нарушили равновесие компании, лишили ее капитала и вели к краху.

Осуществил проект Чарльз Кёниг, хозяйственный руководитель «Кёниг Холдингз», предполагаемое название – «Оперэйшн Кингдом».

# 23

Что же, она неплохо поразвлеклась, теперь пора расплачиваться! Для Алекса день начинался не самым лучшим образом.

Выкарабкиваясь из трясины дурных снов, он открыл глаза.

– Эй, хозяин!

Эту гостью он желал видеть меньше всего.

– Чего тебе?

Разъяренная Элли, вся в слезах, принесла поднос с утренним чаем и собиралась излить на него целый поток жестоких укоров.

– Вы привезли сюда эту женщину, вы меня больше не хотите! – заверещала она.

Чертова сучка…

От одного ее вида Алекса затошнило, словно он стоял перед лужей собственной блевотины.

– Верно, – холодно ответил он, глядя на служанку с отвращением. – Я тебя больше не хочу.

К счастью для него, у нее не хватило ума понять, что в необдуманном выкрике он выплеснул правду.

– Айее!

С яростным воплем, швырнув поднос на пол, Элли кинулась на него. Ему пришлось поставить ее на место традиционным, веками проверенным способом.

Потом она горько плакала и жалела себя, приникнув к нему так нежно, что в нем росло желание ударить ее еще сильнее, трахнуть еще злее.

– Сделай что-нибудь для меня, – рыдала Элли. – Мой муж знает про нас, он мне угрожает, замышляет плохое.

Алекс насторожился.

– Знает о нас что?

Спокойнее, не паниковать, все они вруньи, эти бабы кури, напомнил он себе, ни одному слову этих ведьм верить нельзя. Несомненно, в пылающих гневом карих глазах мелькнуло что-то изворотливое. Элли ответила:

– Он думает, за те деньги, что я приношу, я торчу здесь, в доме, слишком долго. Он говорит, я должна приносить больше, или он…

– Или он что? Служанка засопела.

– Или он изобьет меня… Алекс холодно рассмеялся.

– Сильнее, чем я?

Она досадливо пожала детскими плечиками.

– Не так, как ты.

Черт, все они, бабы, одинаковы, неудивительно, что мужчины их бьют! Он взял ее двумя пальцами за подбородок и повернул к свету. Под глазом, на черной коже отчетливо выделялся темный синяк.

– Сильнее, чем раньше бил? Элли снова начала всхлипывать.

– Он меня убьет, убьет, говорит, ты лучше падалью станешь, чем черной шлюхой для Кёнигов.

Алекс снова рассмеялся.

– Убьет тебя? Он? Ну и вояка! – Но все-таки на душе у него стало муторно.

– Возьмите меня сюда, мистер Алекс! – принялась упрашивать Элли. – Там, сзади, где Роза живет, полно места, я могу жить там, помогать, как она, и он до меня не доберется.

Еще не хватало, оставить ее в доме, чтобы она тут пыхтела, как сука в течку, на глазах у Триши. Та за милю чует, если кто-то к нему начинает неровно дышать…

Паника горячим языком пробежала у него по спине.

– А если не возьму?

Но Элли могла бы не разъяснять, что тогда. Если девка проболтается, а ей это нетрудно… Черт!

Дурацкая интрижка с гадким скандальным душком, любовный треугольник с жестоким грубияном – обманутым мужем, история, которая не может не всполошить аборигенов, живущих так близко от усадьбы, – ничего лучшего придумать нельзя, чтобы прекратить все дела с миссис Мацуда. Японцы в таких вещах очень щепетильны. Они не уважают пошляков, которые смешивают бизнес с самыми низкими удовольствиями.

А кто еще тогда купит колодец, в котором предыдущие владельцы так тщательно замутили воду?

Помимо всего прочего, Триша такая снобка! Если до нее дойдет, кто ее соперница, если она узнает, что он спит со служанкой…

Пока маленькая сучка лежала рядом с ним, ворковала ему на ухо, играла с его сосками и воображала, что его милость снова вернулась к ней, Алекс вынуждал себя сохранять хладнокровие, шаг за шагом оценивать ситуацию. Потом, бросив девчонке на прощание несколько желанных ласковых слов и еще более желанных долларов за «сверхурочную работу», он слегка шлепнул ее по заднице и отпустил на все четыре стороны. Но, видит Бог, в будущем с ней придется держать ухо востро, с ней, да и со

всей этой историей…

По крайней мере, хоть одно событие позволяет считать день не до конца испорченным: позвонил Карри и сказал, что дело о наследовании имущества продвигается успешно, завещание признано действительным, скоро он получит все.

Однако даже эта новость не смогла смягчить воспоминания о вчерашнем вечере. Чувство унижения вернулось, Алекс вспыхнул ледяным огнем.

Вчерашний вечер.

Вечер, которого он ждал с таким нетерпением, вечер, когда должна была вернуться Триша. Но его подружка, похоже, вознамерилась на всю ночь отдаться братцу Джону, отчаянно кокетничала с ним, наклонялась к нему и так откровенно предлагала себя, что он весь вечер боялся: вот-вот она выскользнет из своего не слишком обширного платья и предстанет голая на всеобщее обозрение.

Что ж, прекрасно.

Сидя за столом и глядя на ее выкрутасы, он с самого начала пообещал себе, что раз ей хочется играть в эту игру, она за это заплатит втройне. Прямо сейчас заплатит.

Шагая по лужайке к дому для гостей, Алекс распалял в себе злобу против Триши. Ярость, сдерживаемая всю ночь, делалась все сильнее и сильнее. Вчера он и виду не подал, что она его разозлила, он никогда не доставил бы ей удовольствия, показав, что спасовал перед ней.

Нет, после ужина Алекс по-джентльменски проводил Тришу как истинную леди до ее комнаты в доме для гостей, хотя ни одну леди от выпивки не развезло бы так – она шаталась и хихикала, очень довольная собой и своими шалостями.

К тому же ни одна дама из высшего общества, ни одна благовоспитанная леди голубых кровей не схватила бы его за фуляр, когда он распахнул перед ней дверь. Она пыталась затащить его в постель, цеплялась за него. Ему еле удалось высвободить из ее стиснутых пальцев двухсотдолларовый шелковый шейный платок от Армани, который ни в коей мере не заслуживал такого наказания.

Наказание…

Оно еще придет, пообещал он себе и, уложив Тришу в кровать, вырвался из ее объятий. Когда она достаточно протрезвеет, чтобы его запомнить.

Так что вчера ночью пришлось ограничиться спасением фуляра и остатков самоуважения. Убедившись, что Триша улеглась, он откланялся. А

сейчас, утром, возвращался, неся с собой отмщение, чтобы раз и навсегда установить, кто король в этом Королевстве – чье слово здесь закон и что бывает с плохими девчонками, нарушающими закон.

Джина и Бен после завтрака ушли, злобно прикинул он, Бен – как всегда, тешит себя с компьютером в конторе, Джина – делает то же самое на более высоком уровне со своими чернокожими дружками. Значит, бунгало для гостей в его распоряжении, а для того, что он задумал, это было необходимо.

Одним прыжком преодолев невысокую лестницу, ведущую ко входу, Алекс окинул взглядом небольшую прихожую и без стука вошел в первую дверь прямо перед собой. Сквозь розовые атласные занавески полуденное солнце заливало комнату возбуждающим чувственность светом. Он тяжело опустился около спящей, небрежно раскинувшейся поперек огромной кровати, и замер, остановив взгляд на пылающем лице, полузакрытом спутанными блестящими кудрями.

Ждать пришлось недолго. Подобно всем светским львицам, Триша безошибочно чувствовала, когда рядом с ней кто-то есть.

– У-у-м-м-м! – простонала она, медленно приходя в сознание. – Кто тут?

Который час, господин Волк?

– Кинг-Конг, – ответил он.

Триша лениво потянулась, как малое дитя.

– У-у-м-м-м! Чего тебе?

Почему у вас такие большие зубы, господин Волк?

Алекс улыбнулся, в невеселой усмешке показав белоснежные зубы.

– Проснись и узнаешь.

Триша перевернулась на спину, запеленутая, словно мумия, в мятые простыни, и попыталась откинуть волосы с глаз.

– Алекс?

Он уже завел себя и чувствовал, что его запальный шнур становится все короче. В любую секунду мог последовать взрыв.

– А кто же еще?

– Если тебе нечего больше сказать, – грубо проворчала она, – дай выпить или катись!

– Потом выпьешь, милочка, – ласково сказал Алекс. – Сначала немного повеселимся.

– Повеселимся? – Ей удалось скосить на него сначала один глаз, потом оба. – А где вечеринка?

Лучше всего съесть тебя с…

– Здесь, – сказал он.

Убить бы ее! Угроза, прозвучавшая в голосе Алекса, заставила Тришу широко раскрыть глаза, сонные, как утренние васильки. При виде его улыбки, от которой кровь стыла в жилах, она, защищаясь, подняла руки и инстинктивно натянула простыню до подбородка.

Не вставая с кровати, он одним быстрым движением наклонился вперед и стянул с нее простыню. Она была в персиковом неглиже из кружев и атласа – одном из тех постельных изделий, чья цена обратно пропорциональна размеру. Вырез украшала шелковая роза, окруженная пеной атласных бантов. Схватив ленты, Алекс сильно потянул.

– Мерзавец!

Раздался треск, тонкая ткань расползлась, что подействовало на Тришу как удар тока. Она приподнялась и замолотила руками по лицу Алекса. Он сильным толчком повалил ее обратно и, вцепившись руками в ворот неглиже, разорвал его надвое сверху донизу.

– Господи, не надо! – в ужасе завопила Триша, сражаясь изо всей мочи. – Ради Бога, я купила это в «Блумингдейлзе», он стоит целое состояние, прекрати, мерзавец!..

Но Алекс механически, словно заведенный, стягивал с ее распростертого тела остатки неглиже и разрывал на клочки.

Такой она ему и нравилась, взвинченная и раздавленная, с широко распахнутыми глазами и учащенным дыханием, пытающаяся предугадать, что он намерен сделать и как ей его ублажить. Стоя в ногах кровати, он оглядывал раскинувшееся перед ним прелестное тело с холодностью, которая, он знал, волнует ее больше, чем самая жгучая похоть. Он медленно раздвинул ей ноги, внимательно рассматривая белоснежную плоть, теплую и мягкую от сна.

Прекрасно, она готова. Он тоже готов.

Привычными легкими движениями он принялся гладить ее полные, мягкие груди, большим пальцем касаясь сосков, пока они не откликнулись, набухнув и покраснев. Он хотел разбудить их, чтобы они лучше почувствовали, что произойдет дальше. Его руки скользнули ниже, по округлым бедрам и длинным белым ногам, и его член под джинсами напрягся от невыносимого желания.

– Отлично, крошка, – ласково прошептал он. – Руки за спину.

Глаза Триши еще сильнее расширились.

– Алекс, я…

Он наклонился и осторожно собрал волосы по обе стороны ее лица в две пряди, скрестил их под подбородком и обернул вокруг шеи. Медленно

и беспощадно сжал ее горло. Через несколько секунд он был вознагражден, увидев, как ее руки метнулись за спину. Она закрыла глаза и склонила голову перед неизбежностью.

– Так-то лучше, – сказал Алекс тем же ласковым голосом. – Ты понимаешь, за что, не правда ли?

Триша кивнула.

– Я хочу это услышать, милая. – Он нащупал ее грудь и резко дернул за сосок. – Я тебя спрашиваю. Ты знаешь, за что это, правда?

Триша снова кивнула, крепко зажмурившись.

– Да.

– И ты это заслужила, так?

Она еле слышно промямлила:

– Да-а.

– Не слышу.

– Заслужила!

– Умница. Отлично, теперь…

Левой рукой поддерживая ее тело, он наотмашь отвесил два крепких шлепка по полным, свешивающимся грудям. От первых же ударов на белой коже появились красные полосы, но он не останавливался.

– Потому что я не люблю когда ты строишь глазки другому мужчине, – нараспев приговаривал он, ритмично работая над ней.

– Ой! Ой! О-о-ох…

Ее тихие стоны только распаляли его, красные пятна на ее груди, припухлости вокруг пылающих сосков доставляли самое изысканное наслаждение, которое, казалось ему, в чем-то сродни ее боли.

– И не выношу когда ты строишь глазки этому негодяю моему младшему брату!

Тяжело дыша, Алекс остановился и взглянул на Тришу. Ее шелковистые груди горели огнем, розовые соски потемнели и затвердели от желания, от жажды его прикосновений. Она стонала сквозь приоткрытые губы, из-под плотно зажмуренных век выступили слезы.

Неплохо для начала.

Расстегивая тяжелый ремень на джинсах, Алекс подумал было, не перевернуть ли ее на живот и не поработать ли над ней сзади. Казалось, если он разгорячит это белое, точно у снежной королевы, тело, будет терзать бледные ягодицы, пока они не покраснеют, пока она не начнет, рыдая, молить о пощаде, в его сердце наконец растает ледышка, которую ничто не может растопить.

Но это можно оставить на потом, нет сил больше сдерживать желание.

Погрузив два пальца в шелковистый треугольник между ее ног, он обнаружил, что она истекает влагой, ее готовность до предела возбудила его. Скинув одежду, он вошел в нее и вновь испытал то ни с чем не сравнимое блаженство, которое могла дать только она, дикий экстаз, какого он не испытывал ни с какой другой женщиной.

– Мерзавец!

Едва почувствовав его наготу у себя между ног, Триша ожила и ринулась в бой.

– Чертов мерзавец! Паршивый негодяй!

Под его тяжестью она дрожала от гнева и желания одновременно. Ростом почти с него, она боролась с недюжинной силой, а он скакал на ней, как на необъезженной лошади, подчиняя себе. Забыв про слезы, она хохотала от восторга, когда он хватал ее за руки или увертывался от мелькающих кулаков, рук и ног, от белых зубов, пока наконец оба не взорвались в буйном оргазме. Они лежали, пресыщенные, и их бушующие души приблизились к успокоению, насколько это возможно по сю сторону бытия.

Но земной покой никогда не длится долго. Пока они лежали, расслабившись, в дремотной истоме, снаружи, в прихожей, послышалось сопение и грохот, затем кто-то распахнул дверь с намеренной непочтительностью.

– Убраться у вас, миссис? – раздался голос Элли. В следующий миг она заметила Алекса рядом с Тришей, и ее торжествующая грубость сменилась ревнивой яростью.

– Ты здесь, с ней?

– А ты не придумала ничего лучшего, как врываться в спальню, когда люди спят?

Не успел Алекс остановить служанку, как Триша приподнялась на локте и, уставившись горящими от ярости глазами на нахалку, осмелившуюся вмешиваться в чужие дела, завопила:

– Чего пялишься?! Катись отсюда, чтобы духу твоего здесь не было! Убирайся, черная задница, мерзкая корова! Ты уволена, туземная сучка!

– Садись, подвезу!

– Спасибо, какая приятная неожиданность, мне повезло, что вы случайно проезжали мимо!

Везение тут ни при чем, отметил про себя Генри. Он «случайно» нашел в поселке аборигенов неотложные дела, но, не найдя там Джины, понял, что она уже отправилась в усадьбу, а потому «случайно» нашел

повод поехать в ту же сторону и теперь остановился рядом с тоненькой фигуркой, бредущей по послеполуденной жаре.

– Ну уж, – неловко пробормотал он. – Удача, что я поехал по этой дороге. А вы всегда ходите до большого дома пешком? Разве вас не подвозят?

Девушка с сожалением улыбнулась, искоса взглянула на Генри снизу вверх; этот взгляд пронзил его до самого сердца.

– До сих пор подвозили. Но с тех пор, как… как приехала подружка мистера Кёнига, все пошло наперекосяк. Миссис Кёниг, кажется, сыта ею по горло, а еще она волнуется за Джона…

– И вы решили прогуляться пешком?

– Когда я вышла, я не думала, что здесь так далеко! – Джина рассмеялась прелестным журчащим смехом. – Да и как поймешь, пока не попробуешь. Я очень обрадовалась, когда услышала, что едет грузовик, и увидела вас.

Неужели она и вправду так думает? Вот только как бы ей понепринужденнее ответить? Господи, научиться бы болтать о пустяках! Хочется так много ей сказать. Но слова, которые наконец удалось произнести Генри, оказались совсем не к месту.

– Расскажите о себе, – выпалил он.

– Обо мне? – Джина искренне удивилась, как это свойственно только истинно скромным людям. – Мне и рассказать-то нечего!

– Ну, чем вы занимаетесь в Сиднее?

– Тем же, чем и здесь! – рассмеялась она. – Танцую! Это все, что я умею. Поэтому я и занялась с жителями деревни подготовкой к представлению, пока папа заканчивает дела в Кёнигсхаусе.

– Ах, да, представление. – Почему рядом с ней он все время чувствует себя не в своей тарелке?

Вот они уже подъезжают к усадьбе, и скоро наступит расставание.

– Вы его покажете на корробори, так? – полюбопытствовал Генри. – Недолго осталось, неделька-другая, да?

Джина радостно кивнула.

Они остановились у парадного въезда в Кёнигсхаус, девушка, не долго думая, выскочила из машины. У нее нет особенного желания засиживаться с ним, печально отметил Генри. Из конторы торопливо вышел Бен; он явно наблюдал за ними изнутри.

– А, вот и ты, дорогая, – начал он. – Сегодня все так заняты. Никто не собрался за тобой ехать, и я подумал…

– Все в порядке, папа, не беспокойся, я уже большая девочка! –

Нежным поцелуем Джина заставила отца замолчать. – Я была в надежных руках! – Она наградила Генри мимолетной теплой улыбкой.

– Ну, я поехал, – сказал Генри, чувствуя себя донельзя неловко. – Пока, мистер Николс. Пока, Джина, увидимся.

Отец и дочь, стоя рядом, смотрели ему вслед.

Ну, ну, думал Бен, украдкой взглянув в лицо ничего не подозревающей Джины. Генри Саффолк, вот как? Что ж, могло быть и хуже!

# 24

Почему всегда, когда дела идут из рук вон плохо, погода устанавливается – лучше некуда? Отвернувшись от солнца, чувствуя, что только тусклые серые небеса и тяжелые тучи, набухшие всей мировой скорбью, отвечали бы ее настроению, Элен брела по коридору, ведущему к комнате Чарльза. Она наконец приняла решение, которое следовало как можно скорее сообщить ему. Она обязана сделать это – последний знак внимания, который она может ему оказать. – Войдите!

Он отлично выглядит, тоскливо отметила она, приоткрыв дверь и не решаясь переступить порог. Только что принял душ, расчесал мокрые волосы, они темные и блестят, точно напомаженные; и теперь, обвязавшись полотенцем, ищет в шкафу чистую рубашку и брюки.

– Элен! – обрадовался Чарльз. – Входи и закрой дверь.

– Нет-нет, – поспешно запротестовала она, – я не останусь. Я только зашла сказать, что… прости, я сегодня не выйду к ужину…

Несмотря на рутинные слова приличествующих случаю извинений Чарльз мгновенно все понял.

– И в обозримом будущем ты не будешь ужинать со мной ни здесь, ни где-либо еще, так надо понимать?

Господи, почему ей так тяжело?

Она долго размышляла, плакала и молилась, пытаясь совместить свой долг перед Джоном, дань уважения к долгому замужеству и к человеку, подарившему ей и это замужество, и сына, с ожившим вновь, вспыхнувшим с новой силой давним чувством к другу молодости.

Наконец ей показалось, что она пришла к окончательному решению. И вот теперь она здесь и знает, что делать, чего бы ей это ни стоило.

Но увидев лицо Чарльза, Элен почувствовала себя убийцей; она убивала его любовь, его надежды. Она словно ударила его, он дрожал всем телом, руки его покрылись гусиной кожей. Он шагнул к ней, как лунатик.

– Я не верю, Элен, не могу поверить, что ты меня прогоняешь.

– Я должна, – заплакала она. – Я говорила с Джоном…

– С Джоном! – Его горе и ярость выплеснулись взрывом отчаяния. – Элен, ты когда-нибудь слышала, чтобы сын радовался, видя мать в объятиях другого мужчины? Особенно если сын вроде Джона: обожествляет отца и считает мать такой слабой, что не представляет, как она жила, пока не появился отец!

– Но он не такой, он… Чарльз схватил Элен за локти.

– Дорогая, сделай напоследок одолжение, не рассказывай о своем драгоценном сыночке! Я давно говорил тебе: пора относиться к нему как к взрослому! Жизнь устроена так, что у женщин есть и сыновья, и любовники, и пора маленькому Джонни с этим смириться. Но это ваши трудности – твои и его!

Он умолк и потряс головой, как бык, терзаемый пикадором. Потом поднял глаза – такой боли в них она никогда не видела.

– Элен, если ты отказываешь мне, если считаешь, что между нами ничего не может быть, соберись с духом и скажи это от себя. Посмотри мне в глаза и скажи: «Чарльз, я тебя не хочу, я тебя не люблю, я хочу, чтобы ты ушел и больше меня не тревожил!»

– О Господи, Господи, – плакала Элен, – я не могу, не могу…

– Ты не можешь этого сказать! – Чарльз с силой тряс ее, словно она кукла, у которой сломался завод. Он был так близко, ей хотелось погладить его по груди, провести пальцем по каждому ребру, поцеловать мягкую ямку у основания шеи. – Ты не можешь этого сказать, потому что это неправда!

Элен хотелось прижаться к Чарльзу, оросить слезами его плечо, почувствовать невыносимую сладость крепких мужских рук, хотелось, чтобы он поцелуями изгнал все ее печали. Но если сделать хоть один шаг к нему, она погибла.

– Тебе нужно уйти, – сквозь слезы выдавила она. – Я не могу выйти за тебя, не могу быть с тобой, не могу потерять сына!

– А когда он сам женится, что будет? – спросил Чарльз. – Как ты думаешь, найдется у него тогда время для мамочки?

– Не знаю, – безнадежно рыдала Элен. – Но сейчас, сейчас, когда он только что потерял отца, я не могу требовать, чтобы он распростился еще и с матерью!

– Глупая! – Чарльз отошел, исполненный достоинства и укоризны. – Ты чувствуешь себя неизвестно в чем виноватой и поэтому приносишь в жертву и себя, и меня, и все, что у нас могло бы быть. Ты не станешь от этого счастливее, и Джон не станет. Итак, ты меня в расчет не принимаешь. Но я не хочу торчать здесь и любоваться, как ты испортила себе жизнь.

Теперь Чарльз всем своим обликом напоминал священника, духовника, а не влюбленного.

– Ты свой выбор сделала. И я ухожу, можешь проститься со мной, не буду тебе мешать, пока ты не передумаешь. Могу уйти и навсегда. – Он помолчал и выдавил из себя подобие улыбки. – Да, дорогая, навсегда, потому что в наши годы удача редко приходит дважды. Нельзя всю жизнь

искать горшок с золотом у конца радуги, особенно если однажды хватило глупости его потерять. – В его улыбке отражались муки всей утраченной любви на свете. – Я был наивен, поверил, что мы снова нашли нашу радугу. Я ошибся, вот и все. – Он обнял Элен и заглянул ей в лицо. – Чтобы проститься по-настоящему, нужна вся жизнь. До свидания, до встречи в новой жизни, милая моя девочка.

Господи, она была у него в комнате, они так долго оставались вместе, он на прощание поцеловал ее, что, черт возьми, происходит?

Проведя целый день в попытках извлечь еще хоть толику информации из компьютера, работу которого он едва понимал, Джон, еле живой от усталости, поднимался по лестнице. Он решил не ходить на ужин, а вместо этого покататься на Кайзере или погулять, чтобы прояснилось в голове. Затем можно еще посидеть у компьютера и постараться что-нибудь узнать о Чарльзе. Или позвонить в авиамедслужбу, выяснить, проводилось ли вскрытие отца, – не верится, что тут все чисто…

В доме царила тишина. Тяжелая входная дверь была распахнута настежь, как всегда в жаркие дни. Поднимаясь к себе, он заметил на площадке быстрое движение. Из комнаты Чарльза вышла Элен, прижимая руки к губам – безошибочно узнаваемый жест женщины, которую только что поцеловали. Казалось, тело ее хранило следы объятий. Чарльз, завернутый в полотенце, опустив глаза, закрывал дверь, буря эмоций исказила его лицо.

Что, черт возьми, происходит?

Неужели они…

Джона снова охватило мрачное подозрение. Знает ли она, что сотворил Чарльз? А может быть, мать поощряла его, чтобы он избавил ее от мужа, даже помогала?

Не может быть!

Мозг работал не переставая. Ноги сами принесли его к комнате Элен. Он бесцеремонно ворвался в дверь.

– Ну, мама, пора поговорить!

Она стояла за дверью, стараясь сдержать слезы, прижимая кулаки к губам, ее плечи поникли, как у потерявшегося ребенка.

– Джон… что?

С тяжелым сердцем он шагнул вперед.

– Мама, ты о Чарльзе говорила? Это за него ты собралась замуж? Когда решила, что не сможешь прожить всю жизнь одна?

Он безжалостно насмехался над ней, передразнивая ее интонации.

Элен вспыхнула от стыда.

– Джон, о чем ты?

Ее смущение только сильнее разозлило его.

– О чем я? Мама, милая, подумай только! Подумай! Если ты еще не разучилась думать! Вот когда поиски нового мужа закончатся, тогда и поговорим!

– Джон, я… – Элен расплакалась. – Мне очень жаль, если…

Он не смог сдержаться.

– Тебе только жаль, что я не вовремя вошел! Или что я вообще сел вам на хвост!

– Бога ради, о чем ты?

Внезапно он стал занудным, как чиновник в суде.

– О тебе, мама. О тебе и Чарльзе. Господи, я только что тебя видел! Ты выходила из его комнаты, а он стоял там, и на нем было только полотенце!

Элен увидела эту сцену как бы со стороны и представила, что сотворило из нее распаленное воображение сына. Ее охватило отчаяние.

– Тебе не надо было этого видеть.

– Естественно, не надо!

– Нет, я хочу сказать, нечего было видеть!

– Мама, прошу тебя! – Джон скривился от отвращения. – Сделай одолжение, я взрослый мужчина, а не ребенок! Не думаешь же ты, что я в это поверю?

– Послушай, Чарльз и я… – Господи, как жалко это звучит, надо было что-то другое сказать!

Сын отступил, казалось, он готов зажать уши руками.

– Слышать не желаю!

Элен попыталась собраться с силами.

– Нет, ты это начал, так теперь слушай!

Джон взглянул ей в глаза.

– Ты моя мать!

– Но я еще и человек! – крикнула она. – У меня есть своя жизнь, так же как и у тебя…

– Я не говорил, что нет!

– И, Джон! – Отчаяние захлестнуло Элен, иначе она ни за что не сказала бы этого. – Ты не представляешь, как я несчастна…

Он взял ее за руки и больно сжал.

– Конечно, несчастна, мама, как всякая вдова. Любая женщина, потеряв такого мужчину, как папа…

– Такого, как папа… Джон, он…

Она прикусила язык. Господи, зачем она это говорит? Разрушить образ отца, хранящийся в душе сына, ради отвлеченного представления об истине? Ради чего – только ради себя самой? И теперь, когда она все равно потеряла Чарльза? Его поцелуй был прощальным; даже если они будут встречаться по сто раз на дню, последние слова уже сказаны, он не вернется, не будет вновь принадлежать ей.

Джон продолжал, словно обезумев:

– Понимаю, ты пала духом, но почему ты считаешь, что… – Он едва не поперхнулся, не в силах заставить себя произнести ненавистное имя. – Почему ты думаешь, что он даст тебе счастье?

– Не знаю, я только…

– Жизнь продолжается, так? Папа умер, а ты жива?

– Но…

– Так ведь говорится?

– Дорогой, это правда! Жизнь продолжается!

– Но не для него! – Лицо Джона исказилось от горя. – Не для отца! Он лежит глубоко под землей, а ты тут с проклятым дядей Чарльзом играешь в веселую вдову! Пошел он…! И ты тоже!

До сих пор Джон никогда не ругался при Элен, тем более не ругал ее. Пораженные, они в полном молчании глядели друг на друга, от ужаса у обоих перехватило дыхание. Вдруг, очень медленно, тело Джона начало сотрясаться от мощных, отчаянных рыданий. Элен протянула руку, чтобы погладить сына по лицу, и еле удержалась, чтобы не обнять его, как всегда обнимала раньше, отводя его горести.

– Ох, сынок, сынок.

– Господи, мама, не надо!

Джон яростно смахнул руку Элен и вместе с ней – наворачивающиеся на глаза слезы. Но ей стало спокойнее.

– Послушай меня, ладно? – хрипло попросила она. – Послушай и не перебивай, а потом можешь злиться, сколько хочешь. Выслушаешь?

Он поколебался и неохотно кивнул.

– Чарльз действительно просил меня подумать, не сможем ли мы возобновить наши отношения, – начала она как можно спокойнее. – Потому что мы… когда-то мы нравились друг другу… давным-давно… до того, как появился твой отец. Чарльз всегда считал, что Филипп увел меня у него. Теперь, кажется, пришло время… – она замолчала, потеряв уверенность в себе.

Но Джон слушал, не сводя с матери потемневших взволнованных глаз. Она устало продолжила:

– Но я отказала ему. Что бы тебе ни померещилось, что бы ты ни заподозрил, непозволительное свидание или тайную встречу среди дня, на самом деле мы прощались. Когда я вчера поговорила об этом с тобой, узнала твое мнение, то поняла, что у нас с Чарльзом ничего уже не может быть. – Элен глубоко вздохнула. – Так что я сделала то, чего ты от меня хотел, будь ты трижды счастлив! Я уже отказала ему. Он уедет, как только сможет, и мы никогда больше не увидимся, ну что, доволен?

Джону стало безумно стыдно за свою несдержанность, за то, что подозревал мать. Он не знал, куда девать глаза.

– Да, – еле слышно прошептал он.

Ее сердце, все ее существо истекало кровью, словно невидимый убийца перерезал ей вены. Кто им был – Джон или Чарльз? Думай о Джоне, приказала Элен себе, сейчас важен только он, ради него ты терпишь эти муки!

– Слушай, забудь обо мне, – сердито обратилась она к сыну. – Думай о себе, у тебя выбор больше, чем ты считаешь.

– Выбор? Какой выбор?

– Ты знаешь, что я всегда хотела, чтобы ты учился в колледже, попробовал поступить в университет.

– Ой, мама!

Он смотрит так, словно готов ударить, подумала она, оцепенев от ярости.

– Слушай… – Джон пытался совладать с собой. – Слушай, мам, я понимаю, ты всегда считала меня неоткрытым гением Северной Территории, но на самом деле я не книжный червь, у меня нет ни малейших задатков ученого! Я не желаю получать даже простейшего образования, по мне, пусть эти чертовы книги хоть сожгут! – Он вздохнул и поднял голову, его взгляд бессознательно блуждал по широкому горизонту. – Я принадлежу земле. Этой земле.

– Но теперь…

– Теперь, когда умер папа, – упрямо повторил он, – я на ферме еще нужнее.

От его наивности Элен чуть не закричала.

– Но фермы больше не будет!

Джон криво, как помешанный, улыбнулся.

– Они ее перекопают? Унесут с собой?

– Ох, дорогой…

Не плакать, сурово приказала она себе, только не расплакаться, хватит слезами заливаться.

– Ты понимаешь, что я хочу сказать?

– Отчего же, понимаю! Ты хочешь сказать, что мне надо учиться жить по-новому, хватит играть в ковбоев. Я не смогу жить здесь, пора посмотреть правде в глаза. – Джон замолчал, охваченный каким-то сильным порывом, но она не могла понять – каким. – Правде, мама, надо смотреть прямо в глаза! Знать бы только, какова она! – Он снова повернулся к ней. – Знаешь, до смерти хочется узнать хоть какую-нибудь правду – получить в руки четкие факты вместо этой… этой…

– Чего?

Элен охватила тревога. Все ли в порядке с Джоном? Он в таком напряжении. Ее отношения с Чарльзом могут оказаться последней каплей. Мальчик всегда был чувствителен и раним, с самого детства. Неужели он сломался?

Джон словно почувствовал страх матери и сдержал внезапно охвативший его странный восторг.

– Да, предложи мне хоть какую-нибудь правду, и я взгляну ей в глаза, – сказал он более спокойно, расслабленно улыбнувшись. – И не волнуйся. Я думаю о «будущем», как ты это называешь, и знаю, что мне делать. Если миссис Мацуда купит поместье, я попрошусь к ней на работу. Этот дурень-счетовод Бакли здесь не справится. Ей нужен управляющий.

– Джон, не унижайся! – не сдержалась Элен. – Работать управляющим на земле, которой твой отец…

– Которой владел мой отец? И его отец, и отец его отца, с тех пор, как существует Королевство? Что это даст нам, мама? И с чем останусь я?

На его лице мелькнуло замешательство. Он пробормотал:

– С чем отец оставил меня? – Снова последовал резкий перепад настроения, теперь на Джона напала мрачная веселость. – Наверняка у них есть планы начет этих мест, у миссис М. и нового начальства. Если они в часовне откроют дискотеку, я пойду работать диск-жокеем!

– Что ты такое говоришь?!

Но Джон уже опять стал самим собой.

– Послушай, я всегда любил Кёнигсхаус и дал папе, дал себе обещание заботиться о нем, пока не появится новый владелец. Алексу это не под силу, хоть земля сейчас и его, он просто не умеет с ней обращаться. – Его глаза потемнели. – Такая ферма – живое существо, поэтому ее нельзя бросать на произвол судьбы, так же как скот или лошадь. Если за животным день не ухаживать, оно начинает гибнуть. Следить за Кёнигсхаусом – наш долг перед ним, ведь и он следит за нами. И я буду этим заниматься, сколько смогу.

Джон замолчал, глядя в открытое окно, на просторы, расстилающиеся вдали. В пронизанном солнцем воздухе тихо шелестел, словно в приветствии, буш. Когда Джон заговорил снова, его голос звенел, вплетаясь в мягкую паутину звуков природы.

– Когда сделка совершится, я постараюсь продолжать вести дела здесь, где всегда жили Кёниги, вот что я сделаю. А если не удастся, поселюсь еще где-нибудь. – Теперь он выглядел так, словно ему было двенадцать лет. – Где-нибудь, где смогу держать скот. И ухаживать за тобой. Где-нибудь поближе к Кёнигсхаусу.

Ухаживать за тобой…

Он все еще ничего не понял, он ни слова не уловил из всего, что она пыталась сказать, даже после того, что случилось.

Элен поймала себя на том, что задает вопрос, который уже обдумала, сама того не подозревая:

– Где-нибудь с Джиной?

– С Джиной… – Лицо Джона исказилось. – Нет, не думаю.

– Так подумай!

Он улыбнулся, сделавшись вдруг бесконечно старым.

– Ты романтик, мама. Ты искренне веришь, что любовь побеждает все.

– Конечно побеждает!

– Ну уж. – Сын встал перед Элен на колени и взял ее руки в свои. – Иногда дела идут плохо. В семьях. У людей. Это как павшее животное на солнце. День или два оно лежит, будто спит. Но гниения не избежать. Оно начинается внутри, его не видно. Оно потихоньку делает свое дело, и рано или поздно его уже нельзя не замечать. Его не могут вылечить ни любовь, ни свадьба. – Джон тяжело вздохнул. – И поэтому, прежде чем кто-нибудь из нас сможет подумать о чем-то другом, мы должны позаботиться о ферме!

# 25

С пятидесятого этажа одного из престижнейших деловых зданий Сиднея, где располагалась компания «Мацуда ПЛК», открывались самые блестящие во всей Австралии перспективы. А значит, и во всем мире, думал Крэйг Бакли, и счетная машинка, заменявшая ему душу, ликовала, насколько это было возможно.

Да, конечно, мадам занимала угловые апартаменты, откуда так удобно поклоняться двум божествам австралийской архитектуры – мосту через гавань и Оперному театру, угнездившемуся у его подножия, как стая присевших отдохнуть чаек; они уверенно вырисовывались по центру огромного, во всю стену, окна. Но из его кабинета по соседству видно то же самое и даже больше. Потому что прямо из-за стола, почти под собой он видел бетонные ущелья финансового квартала, бесконечные вереницы деловито снующих муравьев, непрестанно трудившихся на нижних этажах. Это зрелище тешило ему душу, напоминая Уолл-стрит, словно он снова находился дома. И, показывая мадам новые находки в отчетах Кёнигов, Бакли считал, что скоро они вернутся в родные пенаты.

– Крэйг!

А вот и она.

Он никак не мог привыкнуть к ее манере входить без стука, слишком прочно сидели в нем внушенные в чопорной коммерческой школе правила поведения. Да и не по-японски это. Но что ни говори, она его хозяйка. Крэйг Бакли вскочил.

– Слушаю вас!

Он заботливо усадил мадам в кресло, с которого только что поднялся, и встал за ее спиной, не убирая руки с клавиатуры компьютера.

Йосико положила ногу на ногу и откинулась назад, дразняще глядя па управляющего.

– Вы говорили, что хотите мне что-то показать? Надеюсь, интересное? Я это уже видела? Или вы намерены меня удивить?

Он слишком хорошо знал ее, чтобы в рабочее время клюнуть на приманку. Осторожно отведя взгляд от соблазнов, карауливших его под синим деловым костюмом с перламутровыми пуговицами и шелковой блузкой цвета магнолии, он вызвал на экран материалы, которые только что изучал, и коротко бросил:

– Вот. Я подумал, это может вас заинтересовать.

Йосико не нужно было объяснять, что означают цифры, они были первым языком, который она научилась понимать. Крэйг знал ее и не ожидал, что она тут же отзовется. Пока она читала данные на экране, ее глаза увлажнились и заблестели, в точности также, иронически заметил он, как во время любовной игры.

– Вот оно что! – наконец сказала Йосико. Крэйг кивнул.

– Именно. Что бы ни говорил Чарльз Кёниг, «Кёниг Холдингз» мыльный пузырь. – Он кивнул на экран. – Судя по тому, что у них творится, здесь вот-вот объявится Австралийская комиссия по ценным бумагам и начнет задавать каверзные вопросы. – Крэйг снова ухмыльнулся. – Пока считает бухгалтерия, прожекты могут подождать! «Кёниг Холдингз», считай, лопнула!

– Да.

В таких случаях мадам бывала немногословна. Но он знал, по ее дыханию слышал, что ей безумно нравится, когда он вот так заживо препарирует перед ней очередную жертву, рассекает ее на части и отдает то, что осталось, ей на растерзание. Как маэстро, дающий мастер-класс.

– Кто бы ни управлял этой фирмой, – продолжал Крэйг, – он потерял над ней контроль. Их убыточность нарастала, они не владели даже ростом месячной процентной ставки. И быстро летели в тартарары.

Он замолчал, Йосико долго сверяла его слова с пляшущими цифрами на оранжевом экране. Он терпеливо ждал. Наконец она подняла на него черные, как сливы, глаза и мягко спросила:

– Вы сказали «кто бы ни управлял этой фирмой»?

Крэйг снова кивнул, согласно улыбнувшись.

– По-моему, в этом-то все и дело, поэтому фирма и разваливается.

Расскажи, требовали ее глаза.

Боже, как ему это нравилось, как волновало!

– У них два с лишним десятилетия было надежное, устойчивое, хорошо управляемое дело. Крах наступил несколько лет назад. В конце восьмидесятых они влезли в долги. Банки вливали в них деньги, они их хватали обеими руками. Затем наступил октябрь восемьдесят седьмого, рынок рухнул, и до сих пор им приходится хитрить и выпутываться.

– Даже теперь?

Ты хорошо знаешь, что теперь, хотел сказать он. Но так у них было заведено, и он не волен был менять ритуал.

– В прошлом году в «черную среду» они получили еще одну хорошую трепку, рынок снова ухудшился. Они могли бы продать международную и городскую части компании, рассчитаться с долгами, сократить расходы и

жить скромно на скотоводческой ферме в Кёнигсхаусе.

Йосико улыбнулась, как кошка, заприметившая большую чашку сливок.

– Но кому-то этого не хочется, это стало бы признаком неудачи. Кому-то не хочется жить скромно, кто-то не хочет провести всю жизнь в глуши, в Кёнигсхаусе.

– Верно. Поэтому они и раскрутили эту безумную спираль займа и перезайма.

– И…

Ему нравилось, как она играет в кошки-мышки, ничто иное, кроме денег, так не возбуждало его.

– И, хоть им довольно долго удавалось это скрывать, бремя долгов в конце концов начало тянуть их ко дну.

– И они?..

Он притворился, что не понимает.

– Они?

Мадам была счастлива, игра шла так, как ей нравилось.

– Заканчивай, – приказала она.

Крэйг почувствовал напряжение в паху. Затрахать бы ее сейчас до полусмерти!

– Вы знаете, кто эту музыку заказал, кто ее играл и кто покрывал, – тихо сказал он. – Вы и раньше все знали, но теперь у нас есть доказательства. Это значит, что вы крепко держите «Кёниг Холдингз» и «Кёниг Кеттл» за горло. Каждая живая душа вплоть до последней коровы перед вами стелиться по земле должна, а вы их, если захотите, возьмете за жабры. – Он самодовольно ухмыльнулся и пробежался пальцами по клавишам, выводя данные на принтер. – Ваш ход.

Йосико взглянула на него.

– А что вы хотите делать?

– Я хочу, – серьезно объявил Крэйг, – чтобы вы сказали мне, что намерены предпринять. А потом я хочу увести вас отсюда во французское бистро на Маклей-стрит и показать, что такое добрая, хорошо приготовленная еда. – Он отважился слегка поддразнить свою хозяйку. – Не то что ваша японская стряпня – хоть я и знаю, что хорошие вещи пакуют только в маленькие свертки. А потом я хочу…

– О, да, – безо всяких эмоций ответила Йосико. – Вы хотите поужинать у «Дэниела»? Где такой хорошенький мальчик? – Она махнула рукой в сторону внешнего кабинета. – Закажите столик. А потом…

Настала его очередь перебить.

– Но прежде всего – «Кёниг Холдингз».

– О, да.

Это был последний ход в игре. За это она и ценила Бакли. При всех его далеко не королевских достоинствах он, как и мистер Мацуда, всегда ставил дело выше удовольствия.

– Мистер Алекс Кёниг звонит каждый день, – сообщила Йосико, – и настаивает на нашем возвращении. У них там какое-то корробори – готовят представление об истории Кёнигсхауса. Он говорит, это возможность увидеть ферму во всей красе.

Крэйг умел читать ее мысли. По дороге во внешний кабинет он сказал:

– Хорошо. Я все устрою и позвоню в Кёнигсхаус. Вылетаем завтра?

– Завтра. – Йосико кивнула. Лицо ее по-прежнему ничего не выражало. – И возьмите с собой в бистро свой чемодан – завтра вечером вы домой не вернетесь.

Почему ему так плохо, хотя дела идут так хорошо? Алекс раздраженно вытащил из джипа полупустой портфель и поспешил в дом. Ну и что, что завтрак с напыщенным идиотом, банковским управляющим, был скучен до чертиков. Зато он выдержал испытание на ура, а на прощание тряс руку этому хмырю с таким восторгом, точно обрел друга на всю жизнь.

Итак, дело почти закончено, хоть эта крысиная морда Карри и тянул, сколько мог, пока наконец с гордостью не объявил, что все, что нужно, чтобы «подтвердить» завещание, делается в должные сроки.

– Теперь имущество может стать вашим в любой момент, мистер Кёниг! – торжественно провозгласил он. – И посему вы можете полагаться на вашего покорного слугу, я сообщу вам по телефону обо всех новостях в предельно короткий срок!

– Премного вам благодарен, мистер Карри, – тепло заверил банкира Алекс и снова начал трясти ему руку, словно тот был его самым близким другом. – Как мне вас отблагодарить. – Он помолчал и, для лучшего впечатления понизив голос, продолжил: – Мне незачем вам говорить, что я рассматриваю это дело как начало долгих взаимовыгодных деловых отношений. Надеюсь, я ясно выразился.

Он усмехнулся про себя. У крысы в заднице, вот где он будет вести дела с Карри. Но никогда не помешает порадовать ближнего…

Вот только почему никак не удается порадовать себя?

Отчасти оттого, что вечно не хватает наличных!

Да, он бесспорный наследник, но «бесспорный» не синоним «конкретного». Конечно, ему удалось, возвращая этот жуткий «форд»,

надуть парней из фирмы по прокату автомобилей, да и жил он в имении на всем готовом, ни в чем себе не отказывая, но дальше околачиваться без гроша в кармане ему не удастся, он понимал это все яснее.

И она понимала.

Из чего бы ни были скроены женщины, Триша явно не была создана, чтобы ждать. Свирепо хмурясь, он вошел в кабинет и взглянул на часы. Третий час, пора бы ей и проснуться. Со странной болью в сердце, которая всегда возникала при мысли о ней, он стоял посреди комнаты и не мог решить, пойти ли в дом для гостей или дождаться, пока Триша встанет и сама отправится его искать. В любом случае лучше сначала приготовить ей утренний тоник.

Швырнув в угол портфель, который он носил только для вида, Алекс скинул пиджак строгого делового костюма и направился в кухню.

– Добрый день, Роза!

Проходя мимо домоправительницы, он заметил, что она сидит за столом с Элли. Отлично – вчерашняя мелодрама окончена.

– Известие от Мацуда, – монотонным голосом отрапортовала Роза. – Завтра они возвращаются, приедут на корробори.

Здорово!

Дурное настроение мгновенно улетучилось, волной накатило торжество. Японка собирается купить Кёнигсхаус, иначе зачем бы она сюда ехала. Такая женщина, как миссис Мацуда, не тратит времени и денег на пустяки! Теперь ему есть что сообщить Трише, есть что с ней отпраздновать! Он пообещает ей, что еще до конца недели они отсюда смоются с битком набитыми карманами! Тут и пригодится заветная бутылочка, что он припрятал в холодильнике…

Алекс уже был на пороге кухни, как вдруг понял, что сидевшая за столом напротив Розы местная девчонка, которую он мельком видел со спины, была вовсе не Элли. Он постарался унять всколыхнувшуюся тревогу. Значит, чертова дура еще погуляет, пока не поймет, что она не уволена. Чем скорее она объявится, тем лучше. Она должна узнать, что никто ее не увольнял, что не Трише решать, кто приходит и уходит из Кёнигсхауса. Она наверняка понимала, что, выскочив из спальни с воплями и визгом, тем самым очень себе навредила, и поэтому исчезла. Следовало, хоть и с опозданием, исправить ошибку.

– Добрый день, Джина. – Алекс вытащил из холодильника бутылку белого вина и поспешил из кухни.

– Гммм. – Все свое неодобрение поступков Алекса Роза выразила, молча тряхнув ему вслед головой. Подумать только, удивилась Джина, она

знала его маленьким мальчиком, может быть, даже учила говорить первые слова.

Роза сменила тему, чтобы не обсуждать увиденного.

– Не понимаю, чего ты так волнуешься о своем представлении.

Джина улыбнулась.

– Да, но корробори так скоро! Сначала казалось, что до него много лет, а как теперь выяснилось – всего несколько дней.

Роза смотрела на девушку без всякого сочувствия.

– Еще столько работы, – жаловалась Джина. Домоправительница нетерпеливо хлопнула рукой по столу.

– Как будто они понимают.

– Хотелось бы думать, что все пройдет как надо.

Роза протянула сухую черную руку.

– Спросим у карт.

Джина затаила дыхание. Она не знала, хочется ли ей услышать, что скажут карты. Но противиться старой женщине не могла.

– Сдвинь! – приказала та. – Еще раз!

Первая карта, по мнению Розы, должна была ответить на все волнения Джины. С торжественным видом положив ее на стол, домоправительница почтительно выдохнула:

– Императрица! – И, перейдя на благоговейный шепот, по-новому, с уважением, взглянула на девушку: – Это верхушка дерева, конечная карта, последняя из старших аркан. Лучшая карта.

Слегка дрожа, Джина рассматривала яркое рельефное изображение женщины в короне струящихся локонов, обнаженной, если не считать полоски ткани, обернутой вокруг венериного бугорка. Великолепная в своей наготе, она изящно, как танцовщица, стояла на летящем облаке. Ангел и летящий грифон держали над ней лавровый венок, а внизу лошади и львы припали к земле, с обожанием глядя вверх и покоряясь ее власти. Джина подняла глаза и встретила изумленный взгляд широко распахнутых глаз Розы.

– Что она означает?

Роза рассмеялась резким смехом, похожим на кашель:

– Это значит, прелесть моя, что тебя ждет весь мир и все, что в нем есть! Она означает удачу во всех твоих делах, великое окончание твоих трудов. Она означает, что твое представление будет очень успешным, хоть, может, и не в том смысле, как ты думаешь. Она несет мир, эта карта, удовлетворение делом, доведенным до конца, сделанным на славу. – Джина потрясенно подумала, что никогда не видела Розу такой счастливой. Старая

женщина жила этими картами и радовалась им. – Ты совершишь великие дела, добрые дела, – пылко продолжала Роза. – Ты в первый раз гадаешь на картах Таро и сразу достала Императрицу? Скажу тебе, детка, лучше не бывает!

Джина понимала, что должна радоваться, ощущать благодарность к старой женщине хотя бы за доброе предсказание. Но пока она искала подходящие слова, у нее возникла мысль: «Этого недостаточно».

Да, конечно, она хотела, чтобы представление прошло успешно, у нее сердце сжималось, когда она думала, как близко праздник, и это доказывало, как важен для нее хороший результат, как нужна награда за тяжелый труд. Но это не все – это не о Джоне…

Роза проницательно смотрела на нее, потом подошла к холодильнику и достала заветную бутылку.

– Хочешь попробовать еще?

Джина снова вздрогнула.

– Да.

*** * ***

«Он хороший человек, – сказал ей Бен, – ты могла выбрать намного хуже». Разве сумела бы она ответить ему: да, папа, но я хотела бы выбрать намного лучше? На самом деле она не замечала Генри Саффолка, пока отец не обратил ее внимания на этого тихого мужчину.

– Знаешь, – задумчиво подметил он, когда Генри, подвезя ее, уехал, – уверен, что ему совсем не хотелось возвращаться домой.

– Почему? – рассеянно спросила она.

– И я его не виню, – продолжал Бен.

– Папа! – Джина разозлилась. – О чем ты говоришь?

– О Генри, – просто ответил он. – Ты ему нравишься.

– Ох, папа, – неловко засмеялась она. – Ты просто помешался, думаешь, я им всем нравлюсь!

– О, насчет его я не ошибаюсь, уж поверь. – Бен казался очень спокойным. – И уверен, его намерения…

– Намерения! – взвилась Джина. – Папа, боже мой, я всего один раз с ним говорила!

– Мне казалось, ты встречала его и раньше, в деревне, когда он разговаривал с людьми?

– Ну, тогда дважды! – защищалась она. – Слушай, пап, Бога ради, оставь меня, а!

– Ох, Джина. – Бен взял дочь под руку и повел к притихшему дому для гостей. – Я обещал твоей матери перед ее смертью, что когда придет время…

– …не забыть подыскать мне хорошего человека!

Он грустно улыбнулся, оставив без внимания ее сарказм.

– Я обещал, что, когда придет время, Я прослежу, чтобы ты вышла за человека, который сможет дать тебе жизнь, какой твоя мама для тебя хотела. За человека, для которого ты будешь солнцем, луной и звездами. – Он помолчал и с трудом продолжил: – И я не думаю, что такой человек – Джон Кёниг.

Джина мгновенно вспыхнула:

– Почему, что он такого сделал?

Бен посмотрел на дочь с жалостью и нежностью:

– В том-то и дело, Джина. Ничего не сделал. Не проявил к тебе никакого интереса, не заметил тебя! А я вижу, как ты по нему чахнешь, и с ума схожу! По-моему, мужчина, который не замечает, какая ты, тебя недостоин!

Ей хотелось крикнуть: «Но он любит меня, я знаю, что любит!» – Но как убедить папу, если она сама до конца не уверена?

– А этот молодой Саффолк, Генри, – серьезно продолжал Бен, – совсем другое дело. Он из хорошей семьи, они добрые люди, порядочные от начала и до конца. – «Не то что Кёниги», – хотел сказать он, но передумал. – Он постоянный, надежный…

– И невыносимо скучный! – При взгляде на отца гнев Джины пропал. – Ой, папа, извини, я не хотела так говорить. Но я его не люблю, он мне неинтересен, будь он хоть дважды хороший и надежный.

Наступило молчание.

– А ты вправду любишь Джона? Она покраснела до ушей.

– Я этого не говорила!

– Ох, милая! – Бен не привык проявлять свои чувства, но сейчас обнял свою дорогую девочку и прижал к сердцу. – Ох, милая, для этого слов не нужно.

*** * ***

– Теперь положим, – пробормотала Роза, углубившись в изучение карт, и в помощь ворожбе приложилась к бутылке, стоявшей возле нее, – положим, Рыцарь Кубков – это твой молодой человек, он кавалер, то есть рыцарь, молодой принц в свите любви, – положим, он любит Королеву… – Она смешала карты. – Вот Королева, женщина постарше, с дурным нравом, обожает ссоры и драки, мужчины из-за нее дерутся, а она любит молодого…

Что это значит? Молодой человек – Джон?

– Королева! – нараспев продолжала Роза. – У нее нет подруг среди женщин, сучка, можно сказать. С сильной волей, но непостоянная.

Единственная женщина постарше на ферме, кроме матери Джона, – эта дрянь из дома для гостей, Триша…

Не нужно быть цыганкой Азой, чтобы об этом догадаться, с ужасом подумала Джина.

– Непостоянная?

– Переменчивая. – Глаза у Розы стали, как у совы, туманные от выпитого и от видений будущего. – Неверная.

Джина пала духом. Об этой стерве Трише что ни скажи – все правда. И она в первый же вечер ясно показала, что Джон ей нравится. Но даст ли Джон себя увлечь? Сможет ли он?.. Как хочется в это верить.

– Она идет своей дорогой. А короли и рыцари в ее руках – как воск.

Короли и рыцари… Алекс и Джон?

Теплым вечером Джина задрожала от холода.

# 26

Почему у него так душа болит за Элли? И почему он во всем винит чертовку Тришу? Господи, даже по утрам, когда остальные женщины воняют, как собачья подстилка, она все равно красива, потерянно думал он, входя к ней в комнату. Красивая и проклятая.

– Где выпивка? – сердито потребовала Триша, вернувшись к жизни, как требовала, кажется, каждое утро, пока жила здесь. Она слишком много пьет, оба они слишком много пьют.

– Здесь, – сказал Алекс, протягивая соблазнительно холодную бутылку.

Триша с трудом приподнялась в постели, растрепанная, щурящаяся от света и все-таки прекрасная. Он сел рядом с ней, вдохнул ее сладостный аромат, пытаясь уловить остатки добрых чувств, которые когда-то испытывал.

– Мы делаем успехи! – радостно объявил он. – Я только что слышал, что возвращается миссис Мацуда, я уверен, это значит, что наше дело выгорело, сделка состоится!

– А когда, черт возьми? – проворчала она. – Еще неделя в этой дыре, и я свихнусь!

– Все, что от тебя сейчас требуется, это быть ласковой с миссис Мацуда, играть любезную хозяйку, ты это умеешь, улыбаться на корробори, как английская королева, и дело в шляпе. И не пей слишком много, слышишь? – Он ухмыльнулся. – Понимаю, что каждый, у кого хватит наглости вломиться к мисс Трише, когда она отдыхает после секса, заслуживает казни. Но ты не вправе увольнять людей из Кёнигсхауса, как ту девчонку вчера. Элли и Роза почти члены семьи. Побереги свой пыл. Она остается.

Триша сверкнула глазами.

– Что ж, тогда я снова прогоню ее!

Алекс наклонился вперед, схватил Тришу за запястье и крепко сжал.

– Ты меня не дослушала, детка. Не ты в Кёнигсхаусе нанимаешь и увольняешь, а я. И когда Элли появится снова, ты смиришь гордыню и будешь с ней ласкова, договорились?

Буря чувств отразилась на лице Триши.

– Ты с ней спишь! И поэтому не хочешь, чтобы она уходила!

Голос его оставался спокойным, но лицо окаменело.

– Вбей себе в голову, милочка, что даже для твоего покорного слуги

есть кое-что поважнее, чем секс. Например, продажа Кёнигсхауса. Она пройдет гладко, только если рыльца у нас не будут в пушку. Мы должны быть чистенькими! Кто купит поместье со скандальным душком, битком набитое обиженными аборигенами и без единой кухарки.

Он помолчал, сверкая глазами.

– Я не сплю с Элли и с другими шлюхами, пора бы тебе лучше меня знать! Но я не хочу, чтобы она или кто-нибудь еще устроили скандал именно сейчас, когда Кёнигсхаус должен благоухать для «Мацуда ПЛК», как розовый сад! Это и к тебе относится. – Он с силой схватил Тришу за другую руку и наклонился, каждая черточка его напряженного тела излучала угрозу. – Поняла наконец? Или тебя поучить?

Сидя вечером в кабинете после еще одного без пользы прошедшего дня, Джон едва ли не в сотый раз прикидывал, что ему удалось сделать, и спрашивал себя, почему он добился столь малого. Он знал, кого выслеживает, ни на миг не терял негодяя из виду и все-таки не мог его подловить!

Он откинулся в отцовском кресле и смотрел, как Бен идет из конторы в дом, чтобы подготовиться к обеду. Ему тоже скоро туда идти. Но должен же он за целый день изматывающей работы чего-то добиться, что-то должно быть…

Найти бы это!

Большей частью его неудачи происходили оттого, что он не знал всех входов и выходов компьютера. Во время первого урока с Беном он научился только запускать основные программы. Любой, кто знает больше его – а это практически каждый, – может хранить в компьютере все, что угодно, и никто ни о чем не догадается.

Джон начал понимать, что поиски бесплодны. Даже если есть, что искать. Последнее доказательство, которое он ищет, наверняка существует, но скорее всего представляет собой паутину мельчайших намеков, которые нужно свести воедино, чтобы заявить о виновности Чарльза. Для выуживания этих деталей требуется больше, чем просто тщательный поиск, на который он только и способен.

Как часто бывает, ощутимого успеха удалось достичь лишь вначале. Наткнувшись на проект «Кингдом», неопровержимо доказывавший, что Чарльз совершал чрезмерно амбициозные покупки, разорившие компанию, Джон посчитал, что находится в двух шагах от цели. Но с тех пор информации не прибавилось!

Почему же он цеплялся за мысль, что ключ к задаче здесь, в мозговом

центре Кёнигсхауса, в комнате, служившей отчасти кабинетом, отчасти курительной комнатой для мужчин, где витает аромат старых тайн и новых планов? Сидя за отцовским столом, Джон угрюмо оглядывался по сторонам. Он поймал себя на том, что проводит здесь все больше и больше времени, без раздумий заняв принадлежавший Филиппу кресло-трон. Примеряет ли он на себя роль хозяина в последние несколько часов перед тем, как поместье уйдет у него из рук? Потому что, если Алекс прав насчет возвращения миссис Мацуда, продажа Кёнигсхауса уже решена, и он ничего не может с этим поделать!

Со смешанными чувствами, слишком глубокими, чтобы подобрать им имя, Джон рассматривал интерьер конторы – странную мозаику старинного и современного, составлявшую в его представлении лейтмотив Кёнигсхауса, в котором лучшие старые традиции сочетались с лучшими новыми веяниями. Блуждающий взгляд выхватывал современнейшую технику, счастливо уживавшуюся со старомодной мебелью, тяжелыми столами и креслами, старинным сейфом…

Сейф.

Почему отец так за него цеплялся? Приверженец традиций, он не был сентиментален: старые вещи, такие, как этот сейф, могли сохранять место в его жизни, только если служили конкретной цели, он никогда не позволял ненужному барахлу болтаться под ногами только в силу одной старинности. Для чего нужен этот сейф?

*Наверно, он хранил в нем нечто, чего не мог доверить компьютеру, как бы хитро это ни было запрятано.*

Джона охватило лихорадочное волнение. Что же прятал папа? И где скрыл комбинацию цифр, открывающую сейф? Таинственные шесть цифр. Мозг Джона работал изо всех сил, в то время как невидящий взгляд остановился на школьной фотографии Филиппа, висевшей над огромным, окованным бронзой сейфом: «Филипп Иоганн Кёниг… старший ученик… 1948-49…»

Ах, старый хитрец!

Джон едва не расхохотался. Этот шифр искала мама, искал он сам, да мало ли кто еще его искал, а он все время был перед глазами! На самом виду! Шаг – и ткнешься носом. Отец напоследок неплохо над всеми посмеялся.

1948-49.

Или 19-48-49?

Джон медленно поднялся со стула. Теперь он был совершенно спокоен. Подойдя к сейфу, он встал на колени и дотронулся до номерного

замка. Им давно не пользовались, двигался он туго, но пальцы уверенно поворачивали диск.

19.

Меньше чем через секунду тяжелые тумблеры неохотно сдвинулись и встали на места. 48.

Снова обнадеживающие щелчки. 49.

Щелк-щелк, щелк-щелк. Повертев стержень на рукоятке, Джон распахнул дверцу.

Ничего.

Внутри ничего не было.

Что бы он себе ни воображал, он ошибся. Глубокие полки, расчленявшие пространство размером с большой холодильник, были совершенно пусты. Это уже слишком!

На дне сейфа, под нижней полкой, стоял неглубокий поднос. Джон без особой надежды выдвинул его. Там лежали два конверта из пеньковой бумаги, потрепанные, мятые и запылившиеся. Может, дедовские счета из прачечной, в бессильной ярости подумал он и открыл верхний конверт.

«ОТЧЕТ ОБ ЭЛЕН ГРЕЙС УИЛЬЯМС».

Он не сразу сообразил, что это такое.

*«Подготовлено для мистера Филиппа Кёнига из Кёнигсхауса Невиллом Харви, частным следователем, Дарлингхерст, Сидней».*

УИЛЬЯМС.

Девичья фамилия матери. Джон не мог в это поверить. Папа до свадьбы собирал сведения о маминой жизни? Но почему? Зачарованный, испуганный, он начал читать выцветшие машинописные страницы.

*«В настоящее время мисс Уильямс работает сезонной рабочей на скотоводческой ферме «Голден Маунтин» близ Кёнигсхауса. Она пользуется репутацией спокойного и малообщительного человека, хорошей работницы, склонной держать свои мысли при себе. Единственный, с кем она общается, – мистер Чарльз Кёниг, который на протяжении полугода встречается с ней на правах признанного поклонника».*

Полгода – поклонник матери! А сколько времени дядя был с ней знаком до того?

В голове у Джона вспыхнули тихие слова Элен, сказанные о Чарльзе: «Мы и раньше знали друг друга». Но это, кажется, было не краткое случайное знакомство, как он предполагал.

*«Откуда прибыла мисс Уильямс, неизвестно. Она умалчивает о своей семье. Товарищи по работе замечали, что она неохотно рассказывает о себе. Своей подруге мисс Уильяме поведала, что уехала из дома путешествовать, потому что не смогла ужиться с отцом. Очевидно, он обладал властолюбивым характером и полагал, что имеет право распоряжаться судьбой единственной дочери.*

*Мисс Уильяме видели и на других скотоводческих фермах, она выполняла там временную работу и перед уходом всегда приносила извинения. Некоторые из ее предыдущих нанимателей предлагали ей постоянную работу, но мисс Уильяме всегда отказывалась, объясняя это тем, что хочет посмотреть мир. Она, очевидно, откладывала деньги на кругосветное путешествие.*

*Расследованию не удалось обнаружить приговоров уголовного или гражданского судов, вынесенных женщине с таким именем».*

Джон, оглушенный, присел на корточки. Перед ним предстала юная Элен, спокойная и честная, лелеющая трогательную девичью мечту о бегстве и путешествиях, предстала так живо, что на глаза навернулись слезы.

Она хотела объехать вокруг света, а добралась всего лишь до Кёнигсхауса. Сбежала от властолюбивого отца, распоряжавшегося ее судьбой, и вышла замуж за Филиппа, который уверенно занял место предыдущего тирана.

Ах, Элен, открытая и доверчивая, с живой девичьей верой в любовь и романтику! Как ее, единственную и неповторимую, угораздило выйти за мужчину, который опустился до того, что отдал ее прошлое на растерзание частному соглядатаю, и держал в глуши, на привязи, в то время как сам, иногда по многу месяцев, разъезжал по Франции, Германии, США! Но так ли мать невинна?

Почему она в день похорон стремилась проникнуть в сейф?

Искала ли она этот листок? Страшилась ли его? Или она искала что-то еще более темное, сведения, которые могли послужить ее обвинением, доказать, что она была пособницей смерти Филиппа? Ибо теперь Джон видел мужчину, за которого она вышла, глазами женщины, утратившей к нему всю любовь.

На него накатил тошнотворный ужас. Почему ты это сделал, папа, зачем тебе понадобилось унижать ее? Как ты мог так поступить? И с кем – с мамой, единственной из женщин…

Но, увы, не только с мамой. Открывая второй пакет, Джон уже знал,

чья жизнь там сокрыта, вывернута наизнанку и растерзана на клочки.

«ОТЧЕТ О ТРУДИ МАРИИ КЁНИГ, УРОЖДЕННОЙ ФОСТЕР».

Первая жена. Что ж, в этом есть логика: если уж проверять, то всех жен. Даже сыскное агентство то же самое. Эти частные ищейки неплохо зарабатывают, распаляя страхи подозрительных мужей! Джон открыл досье, гораздо более толстое, чем на Элен, и ему стало совсем тошно.

*«Труди Фостер – имя, под которым миссис Кёниг была известна ко времени свадьбы. Это имя она, однако, присвоила себе уже после того, как покинула родной дом, пытаясь скрыть свою истинную личину…*

*…Труди Кёниг, или Синди-Лу Робардс, родилась в нищей семье неудачливого издольщика, на арендованном участке земли к северу от Сан-Карлоса, округ Гендерсон, Техас, США. Старшая дочь в большой семье, она уехала из города после трагической гибели всех ее родных. Отец девушки, горький пьяница, обезумев, ворвался в дом с дробовиком и убил всю семью. Синди-Лу осталась в живых, потому что в это время работала у соседей. Сразу после убийства она покинула родные места и больше там не появлялась.*

*…беглянка обнаружилась в Лос-Анджелесе, Калифорния. Обвинения в проституции и употреблении наркотиков были сняты с нее за недостаточностью улик. Ее поместили в приемную семью, откуда она вскоре вернулась на попечение службы по делам несовершеннолетних вследствие жалоб приемной матери на то, что она принуждает к сожительству ее мужа и несовершеннолетнего сына. Синди-Лу сбежала из детского исправительного заведения, где жила в ожидании новой приемной семьи.*

*…Позднее она объявилась в Сан-Франциско, где подрабатывала в качестве фотомодели, а также не без успеха играла на сцене. Не имея видимых средств к существованию, вела расточительный образ жизни, отчего подозревалась в проституции. Через два года появилась в Нью-Йорке в качестве компаньонки известного бизнесмена, замешанного в незаконных операциях, в том числе с наркотиками. Через него получила доступ в нью-йоркские светские и благотворительные круги, где и познакомилась с мистером Филиппом Кёнигом…»*

Остальное, как говорится, известно. У Джона кружилась голова, ему даже пришлось отложить папку и прислониться к стене. Он не сомневался в истинности сухих фраз отчета о расследовании. Отец женился на мошеннице! Его первая жена была девочкой для развлечений,

проституткой-любительницей, употребляла наркотики и, хуже того, путалась с теми, кто ими торгует, если верить сведениям о последнем ее дружке!

Ей удалось одурачить отца. Он был еще слишком молод, считал себя гораздо ловчее, чем был на самом деле, только что приехал из глубинки. Ничего удивительного, что светская американка ослепила его своим блеском, и он пал жертвой налетевшей, как ураган, страсти, не устоял перед соблазном привезти прелестную невесту в Кёнигсхаус, чтобы утереть нос местным завистникам. Так оно и произошло.

Но он не мог знать все это до свадьбы. Такой человек, как Филипп, никогда не взял бы в жены женщину ветреную, а тем более сомнительными способами зарабатывающую себе на жизнь.

Так что, значит…

Джон торопливо взглянул на лицевую сторону потрепанного, выцветшего конверта, ища дату. «Отчет подготовлен и подписан… – ну же, ну!.. – Невиллом Джеймсом Харви 12 июня 1969 года…»

Надо проверить, решил он, хотя и без проверки знал, что Филипп счастливо жил с первой женой много лет, что у них родился очаровательный сын. Из разговоров после недавнего возвращения Алекса он точно знал, что после несчастного случая во время верховой прогулки тринадцатилетний мальчик остался без матери и бежал из дома. Это произошло в 1969 году.

У Джона мороз пробежал по коже: он понял, что Филипп Кёниг получил отчет о Труди Кёниг всего за неделю или за две до ее смерти.

# 27

Проверив, на месте ли улыбка, как другие нащупывают в кармане галстук, чтобы завершить костюм перед появлением на людях, Алекс сбежал по лестнице из своей комнаты в Башне и направился на кухню. Снаружи ночь опускала занавес, голубой, фиолетовый, темно-синий и непроглядно черный, загасив червонное золото тропического заката, но ему некогда было глазеть на звезды. Вертолет уже снижается, а он еще понятия не имеет, будет ли ужин готов вовремя, а если даже и будет, выйдет ли из него прок – именно так он представлял себе кошмар.

Проклятая Элли, злобно выругался он. Черт ее дернул смыться именно в этот вечер, когда она целый день должна была помогать Розе! Пусть только попадется, уж он отведет душу, она почувствует, что значит его недовольство, он постарается выразить его самым болезненным и унизительным образом. Он не будет делать из нее отбивную, как ее муж, просто убедится, что некоторым ее мягким местечкам недельку-другую будет очень, очень грустно.

Не забыть улыбнуться своим служивым…

– Как дела, девочки?

Элен, Джина и готовая взорваться Роза лихорадочно готовили ужин. Элен возилась с куском отличного мяса, произведенного в Кёнигсхаусе, Джина, как автомат, шинковала овощи, Роза помешивала соус из дыни, винограда, помидоров, грибов и креветок.

– Замечательно, – машинально ответила Элен. Господи, ну и выглядит она после того, как Чарльз ее отшил или что там у них произошло, отметил Алекс. Нельзя, чтобы она своим видом расстроила сделку!

– Гляди веселей, – приободрил он ее. – Найди улыбку для Джона, если не хочешь для миссис М., сегодня вечером только ты сможешь ему помочь взбодриться.

– Пожалуй, – слегка кивнула Элен.

– А как поживает моя Роза?

Домоправительница повернулась, испепеляя Алекса взглядом.

– Понятия не имею, как мы выкручиваемся без негодницы Элли! Что она вчера вечером не появилась – только к лучшему. Но сегодня! Вы ее уволили, мистер Алекс, а нас бросили в беде!

Все на эту шлюху зубы точат!

– Не волнуйся, – утешил он Розу. – Она не ушла, она скоро вернется,

слово даю.

– Пусть только появится, я ей шею сверну! – объявила Роза и с яростью накинулась на соус.

– Так что все в порядке? – бодро заключил Алекс, отчаянно желая, чтобы женщины без спора согласились с ним, стали умницами. – А Чарльз поехал на аэродром встречать гостей? Отлично! – Он поймал себя на том, что держится, как капитан болельщиков, или телеведущий, который тщится развеселить публику.

Держи себя в руках, парень, сказал он себе и вежливо откланялся. Не теряй голову. Осталось только наведаться в дом для гостей и проверить, послушалась ли мисс Триша его советов.

– Хорошо долетели?

Миссис Мацуда улыбнулась.

– Я всегда хорошо долетаю. – Она небрежно махнула рукой на человека, спускавшегося следом за ней по трапу вертолета с чемоданами и папками. – И Крэйг тоже. А вы, Чарльз? Все в порядке?

– Пожалуй, – коротко ответил Чарльз. – Прошу в машину. – Багажа почти нет, отметил он теми клетками мозга, что отвечали за ведение дел, значит, приехали ненадолго. По-видимому, все для себя решили и считают, что мы не будем спорить. Что ж, посмотрим, что они предлагают. Тогда и поймем, хорошая это новость или плохая.

– На этот раз без Элен?

Бакли, как фокстерьер, во все сует нос, словно чувствует, что женщины суетятся в панике, пытаясь за пару часов сделать то, на что нужен целый день. Пусть попробует разгадать, в чем тут дело! – угрюмо подумал Чарльз, но тон его был непринужденным:

– Мы в Кёнигсхаусе всегда по очереди подвозим гостей, – ответил он. – И раз сегодня мой черед, я бы хотел показать вам уголки поместья, которые вы в прошлый раз не видели. Это по дороге. Их стоит посмотреть, особенно сейчас, в сумерках.

Умышленно болтая ни о чем, Чарльз повез гостей вслед за заходящим солнцем.

– Вы видели источник в прошлый приезд с вертолета, – сказал он. – Но тогда там был скот, а когда никого нет, источник выглядит совсем по-другому. Думаю, вам понравится.

Он въехал на край гигантской естественной чаши. В отблесках заката причудливые полузасохшие деревья, столпившиеся вокруг скал, казались танцорами, трепещущими в предвкушении праздника корробори. Водная

гладь, как зеркало, отражала высокую стену из древнего песчаника и пещеру в ней; казалось, мир затаил дыхание. Даже Бакли выглядел взволнованным. Миссис Мацуда в полном молчании упивалась фантастическим зрелищем.

– Хотите выйти? – спросил Чарльз.

Гости выбрались из джипа и сделали несколько шагов в сторону кустарника. Впереди с горестными криками взвилась в воздух стайка попугаев лори, пестрых, как радуга; с берега доносился ночной зов озерных лягушек, всегда казавшийся Чарльзу похожим на предсмертный хрип. Воздух и земля стали живыми, наполнились деловито снующими насекомыми, в дуплах зашевелились ночные зверьки – для них жизнь начиналась с наступлением ночи.

Женский крик слился с ночными шорохами.

– Аа-аа-а!

– Йосико, что случилось?

– Ох, Крэйг, там, посмотри!

С невероятной быстротой, выработанной деревенским детством, Чарльз выскочил из машины и помчался вперед с фонариком в руке прежде, чем сознание успело рассчитать его действия. Прошли секунды, даже минуты, пока он осознал увиденное: луч фонарика, прорезав сгущающиеся сумерки, выхватил из темноты скорчившуюся фигурку, зажатую между двух камней; голова с обращенным вверх лицом, находилась под углом, невозможным для живого человека.

– Да, она мертва, несомненно мертва!

Полицейские всегда объявляют об очевидных вещах с таким видом, словно совершают важное открытие, подумал Джон.

– Разумеется, мертва! – обрезал он. – Есть ли у вас предположения, кто ее убил?

Высокий, крепко сбитый офицер в легкой форме цвета хаки покачал головой.

– Если бы мы знали, то сказали бы, правда, Роско, – извиняющимся тоном произнес он.

– Конечно сказали бы, Джордж, – дружелюбно ответил его спутник, тоже высокий, симпатичный, мускулистый австралиец, похожий на своего коллегу, как брат-близнец.

– Ну так я пошел домой!

Джон махнул рукой в сторону удалявшегося Алекса и неуклюже извинился:

– Прошу прощения за мистера Кёнига. На него столько свалилось – вчера приехал гость, важные дела…

– А, японка? – с интересом спросил Роско. – Та, что мы видели в доме, и ее дружок, который нашел девчонку?

– Финансовый консультант, – поправил Джон.

Если эти два клоуна сунутся со своими шуточками к миссис М., Алекс убьет их обоих!

– О да, конечно, – хихикнул Джордж, – финансовый консультант. Неплохой титул.

– Спорный вопрос, дружище, спорный вопрос, – предостерег Роско.

Джон почувствовал, что попал в тиски какого-то безумного сюрреалистического действа. Когда джип въехал в Кёнигсхаус и из него вышли бледная как полотно миссис Мацуда и онемевший Крэйг Бакли, а следом за ними тигриным прыжком выскочил Чарльз, кошмарный вечер, к которому он готовился, перешел в кошмар иного рода.

– Итак, что произошло? – глухо спросил он. Роско причмокнул. Полицейские обменялись взглядами.

– Ну, мы опознали труп, – наконец выдавил он. – Кажется, можно с уверенностью утверждать, что это Элли Хендс.

– Разумеется, это Элли! – крикнул Джон. – Мы все ее знали и все можем подтвердить, что это она! – Он с трудом отвел глаза от лежащих неподалеку скорбных останков. Такое отношение к ее смерти казалось оскорблением мертвой Элли. – И мы все хотим знать, кто ее убил!

– Убил? Разве мы говорили об убийстве, Джордж?

– Я не слышал слова «убийство», Роско.

Джон мог бы подкинуть полицейским следующую реплику, так затянули его качели этого мерзкого дуэта.

– Это врач должен решать, так, ребята?

– Патологоанатом, – поправил Джордж. – Врач на крыльях в белой мантилье.

– Но пока что, – великодушно откликнулся Роско, – думаю, мы можем признать, что налицо убийство. Можно сказать наверняка, что эта дама с затылком на месте лица, вероятно, не сама привела себя в такое состояние.

– Что касается приведения в состояние, – включился в разговор Джордж, – полагаю, сегодня мы сделали все, что могли. – Он кивнул караульному, охраняющему тело. – Судебные приставы и все прочие прибудут сюда в должном порядке. До тех пор последишь, ладно? – Он повернулся к Джону. – Подвезти вас до дома?

Никто из суматошной компании в столовой не думал о еде. По обе стороны великолепного жаркого, за которым присматривала Элен, и аппетитных овощей, приготовленных Джиной, остывали фирменные креветки Розы под названием «сюрприз из Кёнигсхауса». Джон, войдя, заметил, что Триша расположилась во главе стола у сервировочного столика с вином и глушила тончайшее «Шардонне», как минеральную воду. Возле нее стоял Алекс, мрачный как никогда, а в конце стола сбились в кучку Элен, Джина и бледный Бен. Миссис Мацуда и Бакли ушли спать, никто не знал, вместе или порознь. Чарльз одиноко стоял поодаль и мрачно глядел в окно на залитый лунным светом буш.

– Выяснили что-нибудь?

Алекс уже жалел, что так поспешно удрал с места убийства. Джон видел, что ему не терпится узнать подробности. Хорошо, расскажем.

– Ничего.

– Ничего?!

Алекс едва не рычал. Джон помимо собственной воли клюнул на наживку.

– Не огрызайся, приятель, не я веду это расследование!

Элен поспешила утихомирить разгорающееся пламя.

– Сегодня они мало что успели, – вставила она. – Завтра мы узнаем больше.

– Вы хотите сказать, найдем его?

Почему голос Триши кажется грубым и резким, словно крик какаду, сердито спросила себя Джина. И чего она так уставилась на Джона? Ревность и ярость породили следующую мысль: «Почему он обращает на нее внимание? Почему тоже смотрит на нее?»

– Его? – переспросил Джон и подошел к столику с напитками. – Кого ты имеешь в виду, Триша?

Он потянулся к открытой бутылке вина, и она улыбнулась ему лениво, по-кошачьи.

– Разве не ясно? Раз уж наливаешь, налей и мне тоже, вино просто блеск. – Триша с многозначительной улыбкой взяла бокал и продолжила: – Ее, разумеется, убил муж, ну, тот, о котором вы всегда говорите.

– Марк? – уточнил Джон; ему самому приходило это в голову, но он боялся обвинить ни в чем не повинного человека.

– Да, он или еще какой-нибудь, – протянула Триша. – По-моему, на его месте мог оказаться кто угодно из их поселка, все они одинаковы, эти черномазые.

Наступило напряженное молчание. Джина медленно поднялась.

– Извините, – отчетливо проговорила она, – я ухожу спать. Доброй ночи.

Маленькие легкие ножки танцовщицы вынесли ее в ночь.

– Что ж, по-моему, Джина права, – ровным голосом заметила Элен. – Я тоже прощаюсь.

Один за другим компания растаяла, остались только Триша, Джон и поглощенный раздумьями Алекс; он все еще лихорадочно пытался спасти хоть что-нибудь из обломков своих надежд.

– Ты предупредил, чтобы они это замяли? – без предисловий спросил он.

– Кого предупредил?

Лицо Алекса исказилось от гнева.

– Кого, кого! Полицейских, кого же еще! Если убедить миссис Мацуда, что скандала не будет, может быть, поместье еще удастся продать. Японцы помешаны на скандалах.

Он что – из ума выжил? Джон смотрел на брата, распаляясь все сильнее.

– Боже правый, умерла женщина, а ты думаешь только о чертовой сделке! Она работала у нас с самого детства. С ней ты… – Он прикусил губу и замолчал. Не стоит выкладывать это при Трише, но уж если кому из мужчин заботиться об Элли, так это ему!

Алекс побледнел.

– Не учи меня, Джон-Джон, – тихо проговорил он. – Веди себя хорошо и сделай ради сделки все, что можешь, как и положено послушному младшему братику, а потом мы подумаем о тепленьком местечке для тебя, как условились, помнишь?

Джон попытался рассмеяться.

– Ты кое-что упустил, старший братик, – сказал он столь же глумливо, как Алекс. – Я не хочу продавать Кёнигсхаус! Хоть ты мне предложишь двадцать тепленьких местечек, мне нужен только он! Эта ферма для меня не просто деньги, не шанс быстро заработать, она – живое существо, частичка каждого из нас! И если ты хочешь нанять слугу, чтобы передавал твои поручения этим болванам Джорджу и Роско, дай объявление в «Острэлиен», а я не собираюсь помогать тебе в грязных делишках!

– Грязные делишки, вот как? – Алекс наконец овладел собой. – Я думал, ты хоть это сможешь сделать, ни на что другое ты не пригоден! Конечно, очень здорово, когда за тебя кто-то может все продумать! – Он поднялся, изгибаясь по-змеиному. – Прошу прощения. – Вежливый кивок Трише. – Постараюсь перехватить этих двух болванов, как их называет

Джон, прежде чем они вернутся в город и начнут распускать языки. Впрочем, можно связаться с ними по радио в машине. Я ненадолго. – Он торопливо вышел.

Джон сжал кулаки и едва сдерживался, чтобы не треснуть себя по лбу. Зачем он затеял этот глупый спор? Карты пока у него в руках, Кёнигсхаус все еще принадлежит ему.

Ну и вечер! Сначала нашел спрятанные папки отца с гнусными секретами, потом это.

А Элли – такая ужасная смерть. Трогательное создание, угасшее в самом расцвете…

Ему нужно побыть одному.

Он повернулся к Трише – она все так же покачивалась в кресле, поигрывая со стаканом вина, и с ее губ не сходила опасная усмешка.

– Доброй ночи, – отрывисто сказал он.

Она встала.

– Да, пора ложиться. Ты проводишь меня к домику для гостей?

Спускаясь по лестнице от парадного входа в пахнущую корицей ночь, Триша зацепилась каблуком и споткнулась, едва не упав.

– Не возражаешь? – спросила она, беря Джона под руку. Они медленно шли по траве, он чувствовал, как ее тяжелая полная грудь прижимается к его телу, и оно помимо воли откликается. Эта женщина притягивала его животной чувственностью, хотя, вспомнив о маленькой легкой фигурке в белом платье, всего несколько минут назад с достоинством выбежавшей из столовой, он чуть не сгорел от стыда. Но он не мог отрицать, что еще сильнее сгорать заставляет его женщина, идущая рядом.

– Ну, вот мы и пришли!

Он пытался говорить радостно и бодро, но попытка вышла неудачной, как плоская шутка, и Триша пропустила его реплику мимо ушей. Она сделала к нему шаг, потом еще один, их разделяли считанные сантиметры.

– Алекс зовет тебя младшим братом, – прошептала она. – Но знаешь что? По-моему, ты милашка!

Джон понимал, что сию же секунду должен уйти. Но лесть оказалась сладкой.

– Конечно, – язвительно отозвался он. – Все так говорят.

Вместо ответа Триша подняла руку и провела длинным накрашенным ногтем по его груди, обходя сосок. Кровь его вспыхнула в яростном возбуждении. Впервые в жизни он ощущал призыв опытной женщины, которая знает, что делает. Причиняя невыносимые муки, Триша расстегнула ему ворот, и ее рука скользнула под рубашку, поглаживая его торс. Другой

рукой она обвила его за шею и медленно потянула вниз, прижимаясь губами к его губам.

О, как она целовала! Джон с удивлением обнаружил, что, хоть его тело и пылает огнем, мозг из последних сил тщится сохранить остатки самоконтроля. Он отчаянно желал ее и понимал, почему в каждом взгляде Алекса сквозит похоть.

Но этого мало!

Боже всемогущий, подумал он, смеясь сквозь слезы. Единственный раз в моей жизни все идет, как в рассказе из журнала для мужчин, а я могу сообразить только это? Одно было ясно: он или погиб – или спасен.

Джон смотрел на Тришу, склонившуюся к нему в лунном свете. Действительно, ее ему было мало. Ее прелестного женственного тела, осанки, кокетства, опытности и напора – всего этого мало. Ничто не может сравниться с маленькой точеной фигуркой, где мускулов больше, чем жира, с парой оленьих глаз, с завитками черных волос, не знавших парикмахера.

О чем он раньше думал?

Почему позволил угаснуть этой мечте – мечте о себе и Джине, о том, что они будут вместе?

Может, ему казалось, что Джине нужен только хозяин Кёнигсхауса, что она не полюбит его, если он будет просто Джоном Кёнигом, властелином лишь самого себя?

Если бы это было так, она бы с первого же мгновения переключила свое внимание на Алекса. Но этого не произошло, она по-прежнему смотрела на него полным надежды взглядом потерявшегося жеребенка. А он все время проходил мимо, тратя силы в бесплодных попытках играть роль детектива-любителя и стараясь воспрепятствовать несуществующим отношениям матери и Чарльза!

Мать и отец…

Он никогда больше не сможет относиться к ним как раньше. Они, оказывается, тоже способны ошибаться, у них есть слабости, жалкие секреты, а у отца – не слабость, хуже, презренный шпионаж за женщиной, которую ему полагалось любить. Как там сказано в Библии: «Посему оставит человек отца и мать и прилепится к жене своей…» Время пришло.

– Доброй ночи, пора прощаться! – бодро сказал он. Прежде чем Триша успела среагировать, Джон обнял ее железной хваткой и отчасти провел, отчасти втащил по лестнице в дом для гостей. – Вот мы и пришли! – Распахнув дверь ее комнаты, он включил свет и любезно помог ей перешагнуть через порог. – Доброй ночи. – Он вышел и закрыл за собой дверь.

Дом для гостей, хоть и одноэтажный, построен был на совесть, комнаты в нем отделялись друг от друга коридорами и холлами. Повернувшись спиной к комнате Триши, Джон легкими шагами и с легким сердцем направился по застеленному ковром коридору туда, где, как он знал, живет Джина.

Глубоко вздохнув, тихонько постучал. Из-за двери выглянуло испуганное лицо.

– Джина? – ласково спросил он. – Ты не спишь? Знаешь, давай немного погуляем. Мне нужно тебе кое-что сказать.

# 28

До конца дней Джон запомнит эту ночь как звездное мгновение своей жизни. Когда Джина, трепеща и смущаясь, выскользнула к нему из комнаты, он не мог до конца осознать свою удачу, радость волнами накатывала на него. Спустившись по лестнице дома для гостей, он вывел ее в ночь. Ему не верилось, что он стоит на земле; казалось, пожелай только – и взлетишь.

Они шли под тенистыми куполами деревьев. Джина нерешительно подала Джону руку, и ему показалось, что он держит редкостную птицу, хрупкую, как тончайшее стекло: сожми чуть сильнее, и сломаешь тонюсенькие косточки. Она еле слышно прошептала слова любви, которой они могли бы наслаждаться давным-давно, если бы не были так слепы, и это обретенное знание было скреплено поцелуем.

– О, Джина… – Джон чувствовал себя как в раю.

– Что?

– Ничего.

– Что случилось?

– О, все!

Они тихо рассмеялись. Внезапно он стал серьезным.

– Ты нужна мне, Джина.

Глаза девушки наполнились страстью.

– Ты мне тоже нужен.

– Нет, понимаешь, ты мне по-настоящему нужна. – Он умолк. Что он мог еще ей сказать?

Она притянула его руку к своему лицу и провела ею по щеке.

– Я люблю тебя.

Джон заглянул в ее глаза и прочел в них истину. Что это были за глаза…

Он нежно привлек ее к себе и снова поцеловал, сначала осторожно, потом все более горячо. Касаясь ее губ, он ощущал, как все ее маленькое тело, дрожа, откликается на его призыв. Он удивлялся, как изумительно сочетаются в Джине детская невинность и женская страстность. Она, точно желанный, чудесный подарок, соединяла его мечты и лучшее, что может существовать в жизни.

Они скрылись среди деревьев, в глуши, куда никто не заходил.

– Давай посидим, – сказал Джон, нежно гладя сияющее девичье лицо.

Он осторожно усадил Джину на мягкий сухой песок. Земля ласково окутала их темнотой, теплая, как живая. Он снял рубашку и расстелил, чтобы ей было удобнее, лег рядом, обнял.

Она глядела ему в глаза широко распахнутыми глазами, торжественными, как у ребенка, наполняя его душу глупым восторгом.

– Все хорошо, все хорошо, – шептал он, покрывая поцелуями ее лицо, и был награжден, увидев, как тонкие веки с просвечивающими жилками, покоряясь, затрепетали.

Потянувшись по-кошачьи, он отдался неторопливому блаженству познавания маленького тела, которое теперь мог называть своим. Под тонким легким платьем круглились плечи. Его рука медленно достигла небольшой, но хорошо очерченной груди, и он вздрогнул, ощутив, что она готова принять его, соски под его прикосновением напряглись. Он все более уверенно ласкал ее. Она гортанно вскрикивала и тихо стонала от желания.

На ней, как всегда, было надето свободное хлопчатобумажное платье. Джон бережно стянул его через голову. Теперь от наготы Джины его отделяли лишь тонкие полоски девичьего белья. Внезапно он захотел ее так, как никогда в жизни ничего не хотел. Скинув джинсы, он изо всех сил старался сдержать охватившее его нетерпение, хотя сгорал от любви. Он покрывал поцелуями все тело Джины, от теплого лба и влажных губ до ямочек на лодыжках, и в ответ на его ласки ее желание тоже росло, захлестывая как прилив.

Ее руки ласкали его уши, щеки, грудь. Он осторожно стянул шелковую кружевную полоску, обнажил грудь, целуя сосок, проводя удивленными губами по темному атласному кружку, пламенеющему, как роза.

Он слышал дыхание девушки, резкое и учащенное.

– О, Джон! – вскрикнула она. – О, Джон! – Он на мгновение обнял ее, укрывая от ночного ветерка, неожиданно повеявшего прохладой. Затем его пальцы, то спускаясь, то возвращаясь, двинулись от ямочек на бедрах все ниже, ниже, пока не добрались до сердцевины ее тела, сердцевины любви.

Джина встрепенулась, как птичка, и приникла к нему.

– Все хорошо, – снова прошептал Джон. Ласково успокаивая, он подготовил ее, а когда чувства подсказали ему, что миг настал, вошел в нее и сделал своей.

Потом он баюкал ее в объятиях, переполненный трепещущей радостью, слишком глубокой, чтобы выразить ее в словах. Но рано или поздно слова придут.

Что он скажет ей?

Глядя на Джину, Джон обретал силу. Новая любовь – возможность начать жизнь сначала. Он видел, какое наследство из лжи и подозрений оставил отец. Зачем нужна любовь, если не можешь быть честным с любимым человеком? Он глубоко вздохнул.

– Послушай, милая. После смерти отца я был… ну, ни с кем не разговаривал… но это не имеет отношения к тебе. Дело в том… я не верю, что смерть отца была несчастным случаем.

– Что? – Глаза Джины округлились. – Ты думаешь, она была умышленной? Что он был убит?

Джон с трудом кивнул, по-прежнему крепко держа ее в объятиях.

– Да, думаю, так.

– Но кто?

– Этого я не знаю.

– Но ты полагаешь?..

Следовало быть осторожным, даже с ней.

– Я думаю, отца убили потому, что он не хотел делать ничего, чтобы спасти предприятие, спасти «Кёниг Холдингз», он хотел, чтобы Кёнигсхаус продолжал жить, а на остальное ему было плевать. – Он помолчал. – Я думаю, кто-то хотел убрать его с дороги, чтобы продать ферму и поправить дела.

Джину объял ужас и негодование.

– В таком случае ты должен заявить в полицию!

Джон горько рассмеялся.

– По-твоему, я об этом не думал? Но у меня нет доказательств! – Он покачал головой. – Мне нечего им предъявить, нечем подтвердить свои слова.

– Неужели? – Да она знает меня не хуже меня самого, подумал Джон. – Ты бы не питал подозрений, если бы они не были на чем-то основаны. Наверняка что-то есть.

– Ну… – Он пожал плечами. – У меня есть показания Дасти, умеющего читать следы, которых не видит никто. План полета самолета, которого никто не видел, да один пастух, ему показалось, что сквозь сон он слышал самолет, на котором, может быть, убийцы отца прилетели из Сиднея. Никаких свидетельств.

– Что-то еще?

Джон поразмыслил над ответом.

– Мое чутье.

Джина с жаром схватила его за руку.

– Для меня этого достаточно.

– А для других? – Он повернулся и с отчаянием взглянул на возлюбленную. – Вдумайся, я здесь всего лишь проигравший, человек, которого лишили наследства и который поэтому не может смириться с мыслью о продаже фермы. Я создан для того, чтобы доставлять хлопоты, правда? А если я начну кричать об убийстве, особенно сейчас, сразу после еще одной насильственной смерти – кто поверит хоть одному моему слову?

– Я поверю. – Тихий хрипловатый голос Джины стал твердым и настойчивым. – И, по-моему, ты обязательно должен заявить в полицию. Рассказать о своих подозрениях. Пусть они доведут дело до конца, это их работа! – Она крепко обняла его за талию. – И послушай, лучшего времени, чем сейчас, тебе не найти, полиция здесь, они обследуют источник и все остальное!

Боже, она права! И как все, оказывается, просто.

– Джина, я люблю тебя! Она шутливо оттолкнула его.

– Просто пойди и расскажи, что знаешь, скинь груз со своих плеч, и не о чем больше волноваться. Ты сделаешь то, что считаешь нужным, и больше не будешь чувствовать себя виноватым, ты снова станешь свободным. – Она с озорной усмешкой подняла глаза. – Свободным для меня. Весь, целиком, для меня.

– Поговорил с полицейскими?

Она все еще пьет, подумал Алекс, подхватывая бутылку из рук Триши; остановится хоть когда-нибудь или нет? Даже на ее идеальной коже начали проступать следы злоупотреблений, отчего она выглядела изможденной и чужой.

– Ага, – коротко ответил он. – Связался по радио, пока они ехали обратно. Они, пожалуй, и так держали бы язык за зубами, ребята они неплохие. Но хотелось удостовериться.

– Выпьешь?

– Нет. – Алекс попытался улыбнуться. – Теперь, чтобы уснуть, мне нужно только одно. – Он пододвинулся к Трише.

Но она оттолкнула его.

– Послушай, я думаю…

В нем холодным огнем вспыхнула ярость.

– Ты хочешь сказать «я пью», дорогая? – спросил он и получил ответный яростный взгляд.

– Слушай, мерзавец, в тот день, когда к нам вломилась та сучка, когда я ее уволила, уволила эту… как ее там…

– Элли, – механически подсказал Алекс.

– Да, ее самую, я той ночью кое-что видела, ночью, когда она померла…

Ох, нет!

Это уже совсем ни к чему.

Когда сделка балансирует на краю провала, а вся надежда – на быстрое, тихое, безболезненное следствие, которое должно побыстрее завершиться вынесением вердикта, оставляющего вопрос открытым, не хватало только, чтобы божественная мисс Триша вообразила себя ключевой свидетельницей в погоне за убийцей и ждала своего часа на суде, как кинозвезда – главной сцены.

Алекс схватил ее и, притянув к себе, швырнул на кровать.

– Ничего ты не видела, – приказал он, снимая пиджак и развязывая галстук, глаза его горели огнем. – Что бы тебе ни померещилось, ничего не было. Вот так, поняла? Выпей-ка еще.

*** * ***

– Какое чудесное утро, Джордж!

– Конечно, Роско. Правда, мистер Кёниг?

– Привет, ребята, зовите меня Джоном, ладно?

Вбежав в дом и оказавшись чуть ли не в объятиях дородных полицейских, Джон с улыбкой обнаружил, что в гораздо большей степени, чем вчера, расположен мириться с их своеобразным представлением о юморе. Счастье – волшебное лекарство, подумал он, в одну ночь оно меняет жизнь.

И хоть полицейские и болваны, они приступили к работе с утра пораньше, прибыв в Кёнигсхаус, когда запоздавшие хозяева еще не позавтракали, а миссис Мацуда и ее помощник даже не появлялись. Им хотелось встретиться с Джоном.

– Вы уже позавтракали, мистер? Не могли бы мы задать вам несколько вопросов?

– Все в порядке, я не голоден и не буду есть. – Как все свежеиспеченные влюбленные, Джон не испытывал потребности в пище. – Спрашивайте все, что хотите.

Полицейские повели его к двери, говоря через его голову больше друг с другом, чем с ним.

– Хотелось бы, чтобы вы поехали с нами в лагерь черных…

– …Помочь расспросить там кое-кого…
– …Особенно Марки…
– …То есть Марка Хендса…
– …Мужа покойницы…
– …Дело в том, что они не очень любят помогать полиции…
– …Кое-кто у них там был не в ладах с законом…
– …Но вас они любят…
– …И верят вам…
– Ладно, ладно! – Джон поднял руки. – Конечно помогу, сделаю все, что в моих силах. – Уговорили, чуть не сказал он. Только не надо больше болтать, хорошо?

Старики в поселке сидели в тех же позах в тени тех же деревьев, что и в его прошлый приезд, он мог бы в этом поклясться. Так было и двадцать, и сорок лет назад, а может, и того раньше, если не всегда.

Что он любил в этой земле, так это ее неподвластность времени, вечный, неизменный покой. Вокруг стариков, расположившихся в центре поселка, жизнь била ключом, работали женщины, играли дети, паслись лошади, собаки копались в пыли, а над всем этим, как заметил с замиранием сердца Джон, парила тоненькая, словно тростинка, фигурка Джины. Она сосредоточенно занималась с группой танцоров, внося последние штрихи в подготовленное представление. Но земля под белым огненным взглядом вечно пылающего солнца лежала, не замечая хода лет, с божественным презрением взирая на человечков, суетливо снующих, как насекомые, по ее невозмутимому лику.

Джон выбрался из полицейского вездехода, и его, как всегда, тут же окружила стайка веселых ребятишек.

– Здравствуйте, мальчики, – приветствовал он их, кому ероша волосы, кому давая шутливого тычка. – И девочки! Сколько тебе стукнуло, Кристи, двадцать один? Нет, не может быть, чтобы двенадцать, такая взрослая девушка!

На него смотрели огромные глаза худенькой девочки – наверно, у Джины в ее возрасте были такие же.

– А мне и вправду двенадцать! – хихикала Кристи.

– Да нет же!

– Нет, да!

Джон подергал тугие косички, восторгаясь похожими на бабочек бантами.

– Не может быть, надо справиться у твоей мамы!

Смеясь, он отошел от детей и сразу заметил, что атмосфера изменилась. У всех жителей поселка: от стариков, взирающих на полицейских сквозь полуопущенные, как у ящериц, веки, до молодежи, сгрудившейся у костра, – само присутствие посторонних вызывало страх и настороженную неприязнь.

– Здравствуй, Фрэнк! Привет, Слим, Джеймс! – приветствовал пастухов Джон. – Как поживаете? Слышали, что случилось?

Вопрос прозвучал как утверждение.

– Еще бы, – неловко откликнулся Фрэнк, отводя глаза.

– Чертовски плохо дело! – Джон вложил в свой голос больше уверенности, чем на самом деле испытывал. – Нужно кое-какие подробности проверить, задать несколько вопросов, вот и все.

– Вам нужно, хозяин? – многозначительно спросил Слим. Его обычно веселое лицо было мрачным и застывшим. – Или им?

В его тоне безошибочно чувствовалась враждебность.

– Привет, привет, привет, – добродушно начал Джордж. – В чем дело?

– Нам, похоже, не рады, Джордж, – заметил Роско.

– Да, нас здесь давненько не видали, это верно.

– И это просто позор. Хуже, чем позор, преступный недосмотр. – Роско повернулся к Джону. – Мы сюда в детстве часто наведывались.

Джордж кивнул.

– Давненько удочки в источник не забрасывали – лет сто уж.

– Целую вечность.

– Со школьных дней.

– О, блаженные школьные денечки.

– Да, помним! – воинственно перебил Слим. – И школьниками вас помним, и постарше.

– Эй, погодите, ребята! – Джон в замешательстве пытался найти зацепку и понять, что происходит. В здешних местах все друг друга знали. На много миль вокруг была только одна школа, и неудивительно, что Слим и остальные знали полицейских, как и Джон.

Вернее, он больше слышал о них, чем знал. Роско и Джордж скорее из поколения Алекса и, наверно, учились с ним в школе. Но когда аборигены успели так невзлюбить их – в школе или позже, уже в годы службы? И пусть даже такая враждебность ими заслужена, от этого расследование не станет легче.

Полицейских, однако, столь щекотливое обстоятельство, кажется, ни капельки не волновало.

– Просто хочется узнать, где некоторые из вас были позапрошлой

ночью, – весело произнес Джордж, одним движением руки откидывая назад светлые, соломенные волосы.

– Особенно старина Марки, – продолжил Роско. – Муж Элли, Марк Хендс. Кто-нибудь его видел?

Ответом на их призыв была лишь плотная стена пустых взглядов.

– Вон там его хижина, – с тяжелым сердцем ответил Джон, поворачиваясь и указывая на другой конец поселка. – Вон та. – Он не мог оставаться безучастным зрителем и просить людей, которых считал друзьями, чтобы они предали одного из своих товарищей. Но мало радости и самому выступать в роли Иуды.

– Но, папочка, я думала, ты будешь рад!

Не в первый раз юные любовники в порыве чувства обнаруживают, что грустные старшие не очень охотно разделяют их восторг. С той минуты, как Джон после блаженных ночных странствий по очарованным садам только что открывшейся любви проводил ее обратно в комнату, Джина не могла дождаться мгновения, когда сможет поделиться радостью с Беном. Так отец считает, что Джон с ней забавляется, презирает и обращается так, как Кёниги привыкли обращаться с нижестоящими, особенно с женщинами? Она сгорала от желания доказать ему, что он ошибается, что ей и ему будет хорошо с Джоном.

Джина понимала, что не может просто так выложить отцу все, даже самым лучшим новостям требуется небольшое театральное обрамление. Поэтому она дождалась, пока он, как обычно, второпях позавтракал, и прошла с ним в контору, где им никто не помешал бы. Стояло чудесное утро, солнце сияло, как свежеотчеканенная монета, на деревьях пели и щебетали крачки и фруктовые голуби. Разве мог отец не порадоваться вместе с ней переполняющему ее счастью?

Но он сидел перед ней посеревший и отрешенный, и жилка в уголке его глаза после утомительной работы на компьютере уже пульсировала, хотя утро только начиналось.

– Джон?! – Бен онемел от ужаса.

– Да, Джон! – встревоженно оборонялась Джина. – В чем дело, папа?

Бен смотрел на стену, на пол, куда угодно, только не на дочь.

– Ох, дорогая! – только и мог вымолвить он.

– Папа, что случилось? – настойчиво выспрашивала девушка. – Джон тебе не нравился, когда не обращал на меня внимания. А теперь обратил, и опять тебе не нравится!

– Господи! Обращает, не обращает – разницы никакой, разве не

понимаешь?

– Нет, не понимаю! – отчаянно выкрикнула Джина. – Бога ради, скажи, что ты против него имеешь?

– Он Кёниг! Кёниг, черт его дери, а они все одинаковы! Они уничтожают все, к чему прикасаются, сами гнилые и других заставляют гнить! И никто не знает это лучше меня! – Бен прикрыл рот рукой, отвернулся к стене и тихо, безнадежно заплакал.

Пивной перегар и вонь немытого тела в хижине Марка были такими густыми, что хоть топор вешай. Из темноты доносился тяжелый храп, но человек, привалившийся к стене, не спал.

– Не входить в мою хижину без приглашения! – завизжал он, внезапно ожив. – Хотите говорить со мной, так я выйду!

Прошло несколько минут, пока из дверей показалась крепко сбитая мускулистая фигура с неизменной банкой. Марк вздрогнул, увидев полицейских, чьи суровые, обвиняющие фигуры закрывали солнце.

– Я этого не делал! – истерически закричал он. – Это не я, я сучку пальцем не трогал!

– Сучка она была, да, Марки? – поинтересовался Джордж.

– А почему, Марк? – подхватил Роско. – Что она натворила, что ты ее так зовешь?

К ужасу Джона, пьяница неожиданно повернулся к нему, тыча в его сторону трясущимся пальцем.

– Его спросите! – взвизгнул он. – Его, мать вашу! Он ее трахал!

– Ну и ну!

– Ну, ты подумай!

Две пары выцветших глаз, уставившихся на Джона, потрясли и напугали его даже сильнее, чем само обвинение. Густо покраснев, он еле выдохнул:

– Это смешно! Я никогда… никогда к ней не прикасался!

– Да уж, – сказал Джордж с тем же дружелюбным интересом. – Они все так говорят, правда, Роско?

– Да уж, конечно, правда, Джордж?

– Да, еще бы, мать их всех! – пьяно орал Марк. – Трахал, я знаю, она сама мне говорила. И его братец, он тоже ее трахал!

Интерес на лицах полицейских усилился.

– Брат мистера Джона, Марки?

– То есть мистер Алекс Кёниг?

– Да, оба! Все они!

– Оба, говоришь?

– Все, говоришь, Марки?

Это не наяву, думал Джон, как сквозь туман, сейчас я проснусь, и окажется, что я видел дурной сон. Но мрачная клоунада продолжалась, и он вдруг понял, что дальше будет еще хуже.

– Он сказал, оба, Джордж?

– Он сказал, все они, Роско?

Полицейские одновременно наклонились к Марку.

– Да, все, – вопил свихнувшийся муж. – И старик с ней спал, он первый! Он перекинулся на нее, когда завязал с Розой, когда та слишком старая стала! И все они ее трахали!

– Ну, ну, ну.

– Никогда бы не подумал, правда, Роско?

– Слушайте!

Голос Джона звучал словно за миллион миль. Он умолк, а затем попытался высказаться снова, не веря в свое поражение.

– Чушь он несет, старый лжец! Я его жену не трогал. И отец тоже, могу поклясться!

– Ты можешь поклясться! – с отвращением рассмеялся Марк. – Что ты знаешь, сыночек, что ты видел? Спроси Розу! Она у Кёнигов первой шлюхой была, она все знает, спроси ее! А моя Элли – последней.

Первая.

И последняя.

Если Роза была первой, а Элли – последней, то кто еще?

Двум полицейским болванам недолго пришлось переливать из пустого в порожнее, чтобы вытянуть из пьяной развалины следующую колкость.

– Она была баба что надо, лучше за версту не найдешь, ее все мужики хотели! А Кёниги, чего хотят, то берут. Подумаешь, замужем за другим. Подумаешь, за лучшим другом.

Марк поднял на Джона отупевшие от пьянства глаза, словно обвиняя его во всех смертных грехах.

– Другого такого негодяя, как твой папочка, свет не видел! Одурачил лучшего друга, трахнул его жену. Бедняга Бен!

Он рассмеялся, и от этого звука у Джона мороз по коже прошел. Крохотные глазки горели злобой.

– Оставил в гнезде кукушонка и думать забыл.

Он повернулся и, словно в замедленной съемке, указал в сторону поселка, на Джину, которая была поглощена работой и на мгновение застыла в танце, как фигурка из иного времени. Джону в последний миг

отчаянно захотелось остановить вращение земли, задержать падающую лавину, пока она не накатила, сминая, уничтожая и его и Джину.

Марк довольно хихикал, упиваясь его муками.

– Она, она это, вот какого кукушонка твой папаша Бену Николсу подкинул, когда его жену трахнул! Нашу Джину. Пойди поздоровайся с сестренкой!

# 29

Если бы на ее месте оказалась любая другая женщина в Кёнигсхаусе, любая другая в мире… Если уж отцу так нужны были интрижки, если одной женщины ему не хватало…

Но мать Джины?

Неужели не было предела его скотству?

Джон не помнил, как выбрался из поселка аборигенов. Последним, что он видел, были тупые лица полицейских, на которых разливалось похотливое ликование по мере того, как слова Марка постепенно доходили до них.

– Не… не болтайте об этом, ладно, ребята? – пробормотал он, пламенея от стыда. – Держите это в тайне, а?

И это говорил он – он, который насмехался над Алексом за то, что тот хотел замять скандал с Кёнигами. Теперь он сам пресмыкается перед полицейскими! Джон пошел прочь, как зомби, на негнущихся ногах, сел на лошадь и поскакал в буш.

Он скакал и скакал, все дальше и дальше, как человек, которому некуда ехать.

Ровный безводный пейзаж пустошей, ненавистный тем, кто не изведал даваемого им душевного покоя, отвечал состоянию его внутреннего мира: такой же истощенный и заброшенный, пустой, выжженный и высушенный. Пронзительные крики длиннохвостых попугаев, насмешливое курлыканье журавлей, неотвязные вопли кроншнепа, похожие на детский плач, казалось, исходили из самого сердца Джона, разрываемого утратой. Он смог придумать лишь одно: оставаться в стороне от усадьбы, пока не решит, что делать дальше.

Джина – его сестра?

Единокровная сестра?

Нельзя любить ее, нельзя на ней жениться.

Боль звенела в нем, как вопль. Джон ехал милю за милей, беззвучно рыдая. Он не представлял, что может быть так больно. Человек, к которому, он считал, можно обратиться в любом горе, оказался единственной душой на свете, к которой нельзя воззвать.

Джина.

Даже ее имя теперь звучало как стенание, как горестный крик. А что значат его страдания по сравнению с ее горем, когда он ей скажет, что все

кончено: завершилось, не успев по-настоящему начаться!

Но как порвать без всякого повода – ведь он не мог сообщить ей истинную причину, рассказать, что ее мать изменяла ее отцу с его отцом, что она не дочь человека, которого всю жизнь звала папой…

Джон громко застонал. Куда ни кинь – всюду клин! И как ему выпутаться? Никак!

А если это неправда?

Эта мысль стала первой соломинкой, за которую Джон ухватился; она приходила снова и снова, как ложные обещания надежды умирающему. Марк был пьян, он горький пьяница и в ярости на неверную Элли мог брякнуть что угодно. Он мог все выдумать просто назло Кёнигам.

А если бы полицейские сегодня утром не попросили его съездить с ними в поселок, он не услышал бы безумных обвинений Марка, вообще никогда ничего бы не узнал. Больше того, если Марк ошибается насчет него – а Джон мог поклясться, что ни разу не тронул жену Марка! – тогда почему он не может ошибаться насчет отца?

Это только сплетня, слухи, под ними нет никакой основы, нет доказательств!

Почему бы не притвориться, будто он не слышал, что наговорил свихнувшийся абориген, не вернуться, как он и собирался, домой и не жениться па Джине? Но эта мысль умерла, едва родившись. Джон не мог так поступить с любимой. Он не предаст ее доверия, ее веры. Потому что всю жизнь, весь отпущенный ему срок он проживет в страхе, в страхе за себя и за нее, что в один прекрасный день правда выплывет наружу.

Тогда, может быть, проверить, убедиться раз и навсегда, что это ложь?

Но как?

Только двое на свете могли рассказать правду – Филипп и мать Джины. Но оба мертвы, для них давно окончились все правды и неправды земного бытия.

Знает ли Бен?

Но как его спросить? «Эй, приятель, в поселке болтают, что твоя старушка гуляла с моим отцом, что он много лет с ней спал, это правда? Что твоя Джина – уголек из его печки, который он подкинул к твоему очагу?»

А может, спросить Элен, что она об этом знает?

Но если ему стыдно спрашивать Бена, то разве легче выпытывать у нее? «Эй, мама, правда, что у отца плохо застегивалась «молния» на штанах? Я слышал, он не мог удержать свой маятник, чтобы тот не качался на баб, особенно черных. Ты знала, что он своей сарделькой угощает Розу,

Элли, жену Бена, судомойку с маслобойки и всех, у кого есть дырка между ног?»

Джон понимал, что становится грязным, мерзким и грязным, хуже Марка, хуже отца, но не обращал внимания. День клонился к вечеру, а он блуждал и блуждал, двигаясь почти по кругу, и бормотания его становились все более безумными. Он потел и мерз под безжалостным солнцем, по привычке останавливался, чтобы дать лошади попастись, находил воду, чтобы напоить ее, но не заботился о себе. Он чувствовал, что в иссушающей жаре теряет необходимую организму влагу, но ничего не мог поделать.

Он знал только одно – нужно держаться подальше от дома.

Только когда стемнело и стало ясно, что домашние давно уснули, он решился повернуть лошадь к усадьбе.

Из конюшен позади дома он увидел одинокий огонек в кухне. Роза всегда ложилась и вставала в неурочное время. Роза.

«Спроси Розу!» – ляпнул пьяный Марк. Почему бы и нет?

Джон вошел в дверь, и домоправительница, казалось, совсем не удивилась, увидев его. Впервые в жизни неизменная колода карт Таро лежала около нее нераскрытая, а компанию ей составляла лишь бутылка столового шерри. Джон схватил стул и уселся за деревянный стол напротив нее. Он чувствовал, что слова, которыми Роза ответит на его вопрос, перевернут его жизнь.

– Скажи, на нас лежит проклятие, Кёниги прокляты?

Опершись на локти, старая женщина уставилась на него, сгорбившись и не мигая, как броненосец.

– Не понимаю, о чем вы?

– Желали ли в прошлом люди – ваши люди, народ, который Иоганн убил, – желали ли они нам зла?

Роза взяла стакан.

– Они все ушли, умерли много лет назад. Они не вернутся.

Она в это не верит, понял Джон.

– До того, как ушли, – настаивал он. – Умирая, проклинали они нас навеки, клялись, что на этой земле мы не изведаем покоя?

Роза с неохотой пожала плечами.

– Ничего такого не знаю. Я ходила в миссионерскую школу!

Джон схватил колоду Таро и угрожающе сжал в кулаке.

– В миссионерской школе тебя этому не учили!

– Мистер Джон, не надо!

Сопротивление было мгновенно сломлено, словно он у нее на глазах

убивал ее младенца. Роза отчаянно выхватила потрепанную колоду.

– Что вы хотите узнать? – Она автоматически стала выкладывать персонажей ярко раскрашенной колоды: Влюбленные, Повешенный, Падающая Башня…

– Нет, – хрипло сказал Джон. – Никаких карт.

В глазах, похожих на агатовые бусины, снова мелькнул испуг, он ощущал исходившие от домоправительницы волны страха.

– Тогда что?

– Ты знаешь все о прошлом этого дома, о прошлом всех этих мест.

Снова мелькнул испуг.

– Кое-что.

– Многое, – не отступал он. – Гораздо больше, чем рассказываешь.

Роза продолжала упираться.

– Кое-что.

– Ладно. – Не стоит спорить. Может быть, кое-чего окажется достаточно. Боль снова сжала его сердце. Скорее всего, больше чем достаточно. – Я не собираюсь расспрашивать тебя обо всем, начиная с времен, когда сюда приехал первый Иоганн.

– Ладно.

– Но о моем отце…

Роза не шевельнулась, но, приглядевшись, Джон заметил, что все ее мускулы напряглись и окаменели. Он выдержал паузу, потом продолжил:

– Что ты знаешь о нем?

– О нем? – Шепот слетел с губ женщины, как дуновение ветерка, в глазах замерцал тусклый блеск, с каждым словом разгоравшийся все ярче. – Он был мужчина что надо! Настоящий Кёниг! Все Кёниги жрут как быки, пьют как лошади, ездят верхом как кентавры…

– …и совокупляются как динго, да, Роза?

Он не понимал, что на него нашло, он никогда не употреблял таких слов, даже при мужчинах. Но старуха и глазом не моргнула.

– Да, – ответила она спокойно, но с затаенным воспоминанием в голосе. – Как динго. Точно как динго.

– Значит, ты была его…

Он подыскивал слово. «Наложница» – слишком старомодно, слишком по-восточному. А «любовницей» Филиппа Роза никогда не была, он холодно и без любви использовал ее, расчетливо и эгоистично эксплуатировал.

– Его?..

– Да. Его. – Такой счастливой Джон никогда не видел Розу прежде. Она

мысленно смаковала это слово. – Его! – торжествующе повторила она.

И ему придется это разрушить, уничтожить в одно мгновение, вызвав к жизни самое ненавистное для нее воспоминание.

– Ты, а еще кто?

Темное лицо замкнулось, как раковина.

– Больше никто, – категорично заявила Роза. Джон не мог этого вынести, особенно после всего, что пришлось пережить за день.

– Ну, давай, – еле выдавил он, стиснув кулаки. – Нечего защищать ни меня, ни его, ни себя, я хочу знать все, даже если придется из тебя это выбить!

Старуха вздохнула и съежилась.

– Не бейте меня, мистер Джон! Не надо так, как он!

О Господи! Так он еще и бил ее? В душе у Джона нарастало возмущение. И он гордился, что может называть этого человека отцом? Когда же все кончится?

– Просто скажи, – через силу выговорил он. – Это ты?

Она кивнула.

– И Элли?

Она заколебалась, ее лицо скривилось от боли при воспоминании. Он ждал. Наконец она утвердительно кивнула.

– И?..

Роза сидела бесстрастная, как сфинкс, ее глаза на сморщенном лице сверлили Джона как буравчики. Словно игра в покер не на жизнь, а на смерть – он должен разыгрывать свои карты, показать все, что на руках, выложить ей все.

– И – жена Бена? Мать Джины? Он с ней спал?

Роза поджала губы, ее взгляд замутился, обратившись внутрь, она словно просматривала в голове видеокассету, внимая проплывавшему перед ней действию.

– Да, – наконец произнесла она. – Она любила его, Юни-то. Как мы все.

Ничего другого Джон и не ожидал. Но его словно ударили в солнечное сплетение, он едва дышал. Настал черед Розы дожидаться, что он скажет.

– Юни? – выдавил он.

– Да.

– Жена Бена?

– Да.

– Она… и мой отец… они…

Старуха смотрела поверх его головы.

– Она была его, как я и Элли.

– До того, как она вышла за Бена?

– Да.

– И… потом?

Голос Розы обрел силу, она снова стала самой собой.

– Да! – грубо ответила она. – И во время!

– Когда… это кончилось?

Роза сжала кулаки.

– Никогда не кончилось! Пока она не уехала в Сидней, пока не умерла, она была его черной женщиной, как я до того, как Элли после. Все время! Пока не умерла!

Все время…

Все время, когда Джина была зачата, все время, пока она росла…

Все время она считала Бена отцом и все время думала, что вольна влюбиться в сына Филиппа Кёнига…

Все время она была его сестрой.

А теперь он мог сколько угодно думать, пока не придумает, что ей сказать. А после этого сколько угодно размышлять, как начать жизнь сначала, жизнь холодную, мертвую и одинокую.

Удивительное дело – когда сделка выбрана верно, когда деловое решение принято правильно, все складывается один к одному. Мистеру Мацуда это очень понравилось бы, он был бы ею доволен. Он первый научил ее, что, когда назревает сделка вроде этой, легкий привкус катастрофы – весьма полезная вещь для покупателя. Продавец переживает так, что скидывает с цены не одну тысячу.

На сей раз – сотни тысяч. Миссис Мацуда всмотрелась в свое безукоризненное отражение в зеркале комнаты дома для гостей, закончила накладывать фарфорово-белый тональный крем, с помощью подушечки из лебяжьего пуха слегка припорошила изящный носик пудрой цвета магнолии и улыбнулась достигнутому. Кёнигсхаус сам плывет к ней в руки. Сделка состоится.

Кёнигам никуда не деться, особенно сейчас. Просмотрев все платья, она выбрала сшитый в Нью-Йорке огненно-оранжевый костюм из стилизованного батика, купленного в Джакарте, и завершила наряд тщательно подобранными ожерельем и сережками. Нет, им деваться некуда. Если воспользоваться тяжелой артиллерией, которую Крэйг откопал среди их старательно причесанных, но, в сущности, обличающих цифр, да еще после ужасной смерти отца и зверского убийства служанки,

Кёнигсхаус окажется для Кёнигов скорее помехой, чем достоянием.

– Если подождать еще, они, пожалуй, сами приплатят нам, чтобы мы их от него избавили! – восторгался Крэйг сегодня утром.

И он, как всегда, прав. Какой славный мальчик!

– Крэйг, – позвала миссис Мацуда.

Управляющий появился из соседней комнаты, готовый, как всегда, исполнять все ее приказы. Миссис Мацуда улыбнулась, глядя на бодрое, как у примерного ученика, лицо, он был похож на собаку, ждущую, когда хозяин кинет палку и крикнет: «Апорт!» Свою палку он знал, ей не было нужды ее кидать.

– Еще день, и… – сказала она. Бакли неприятно рассмеялся.

– И мистер Алекс будет окончательно поставлен на колени, к этому все идет! Старый Бен тоже скоро сломается, того, что случилось, для них многовато.

– Сегодня посидим на корробори…

– …А завтра заключим сделку. – Он торжествующе кивнул. – Они не будут сопротивляться. Алекс так благодарен, что вы еще не передумали, он на все согласится.

– Да, – сказала миссис Мацуда. – Я тоже так думаю.

Крэйг Бакли снова засмеялся.

– Вертолет на аэродроме готов, все они умеют им управлять, Бен говорил, что может нас отвезти в любую минуту. Теперь, когда припекло, ему очень хочется поскорее смыться, и неудивительно! Что я говорил тогда, в конторе, помните? Вернемся завтра утром с Кёнигсхаусом в кармане!

– Корробори? Никакого чертова корробори не будет!

Если бы Чарльз знал, что единственным его собеседником за столом окажется Алекс, он бы не вышел к завтраку. Бог знает, куда запропастились остальные, хотя, надо признаться, он и сам, как мог, избегал выходить к общей трапезе. Но даже перехватить второпях чашку кофе и бутерброд, сидя бок о бок с человеком, наименее симпатичным ему в Кёнигсхаусе, да и во всем мире, – без такого испытания он охотно обошелся бы.

Чарльз гордился, что до сих пор ему удавалось держаться молодцом – или, по крайней мере, неплохо, – придерживаясь старого испытанного способа: принимай каждый день таким, как он есть. Но жить с ней в одном доме было нелегко, скорее, очень трудно, иногда невыносимо. У него не хватало сил видеть Элен такой унылой, измученной, собственно говоря, он вообще едва мог на нее смотреть, так он был сердит.

Сердит на нее, на себя, на Джона, но больше всех – на Филиппа. Даже

после смерти огромная, жадная тень этого себялюбивого негодяя продолжала уничтожать их жизнь. Ей и вздумалось-то играть вечно неутешную вдову только ради того, чтобы не разрушать лелеемых Джоном воспоминаний о старике, в ярости подумал он. Наблюдая за Элен последние несколько лет, Чарльз замечал, что чувство ее к Филиппу засыхало и умирало, задушенное заживо его жестокостью, эгоизмом, плотской ненасытностью. «Она его не любит! – кричала его душа. – Так почему она не может полюбить меня?» Уходя от этого вопроса днем, ночами он пытался на него ответить.

А теперь он сцепился с бледным неулыбчивым Алексом по поводу корробори, и это стало последней каплей.

– Никакого корробори не будет! – повторил Чарльз.

Лицо Алекса побледнело еще сильнее, хоть и казалось, что дальше бледнеть некуда. На какое-то безумное мгновение даже показалось, что Алекс скрипнул зубами.

– О чем ты говоришь?!

– Разумеется, ты должен его отменить. – Боже всемогущий, парень, я думал, ты это уже давно сделал!

– Отменить? – Алекс сжал кофейную чашку с такой силой, словно хотел ее раздавить. – Какого черта?

Чарльз чуть не рассмеялся.

– Какого? Господи помилуй, женщина убита! Женщина, жившая в поселке, с пяти лет работавшая в доме! Отменить в знак уважения!

Лицо Алекса прояснилось.

– Ты бы лучше сказал, – серьезно ответил он, – что в знак уважения мы должны провести его. Корробори происходит единожды в год. Элли не хотела бы, чтобы ради нее его отменили. Для деревенских оно много значит.

– И для Кёнигов тоже много значит? – саркастически спросил Чарльз. – По крайней мере для одного из них – если ты сможешь провернуть сделку с миссис Мацуда.

Алекс покачал головой.

– Ты неправильно меня понял, Чарльз, – укоризненно сказал он. – Я думаю только о здешних людях. В этом году они с Джиной поставили специальный танец, что-то из истории Кёнигсхауса. Я не хочу, чтобы их усилия пропали даром.

– Представление должно продолжаться, так? Алекс ответил ледяной улыбкой.

– Точно!

Чарльз готов был ударить его кулаком.

– Но для них это не дешевое представление в кабаке! Корробори – дело священное, особое…

– Знаю! – отрезал Алекс. – Оно и будет особенным. Не таким, как всегда.

– Ну разумеется. – Чарльз видел, что проиграл. – Но сделай для них хотя бы одно. Пусть они проведут корробори у себя в поселке, в покое, чтобы им никто не мешал. Пусть Джина покажет свой танец здесь, в доме, чтобы у японки от удивления челюсть отвисла, если ты этого так хочешь. Тогда деревенские смогут сделать для Элли все, что захотят, а мы не будем играть в белых хозяев и дышать им в спину. Ладно?

Алекс поразмыслил, взвешивая все «за» и «против».

– Ладно, – наконец согласился он. – Хорошо, это, пожалуй, можно. – Он одарил дядю искренним взглядом. – И могу тебе обещать, что неуважения ни в коей мере проявлено не будет – ни к деревенским, ни… ни к мертвой даме.

К мертвой даме.

Чарльз подумал о несчастной, изуродованной, никому не нужной кукле, которую когда-то звали Элли, и сдался.

– Делай, как хочешь, – бросил он, отодвигая стул и собираясь уйти. Все равно ты сделаешь по-своему, подумал он напоследок.

– Да. – Алекс улыбнулся плотно сжатыми губами. – Все равно я сделаю по-своему.

Корробори.

Последнее для меня в Кёнигсхаусе, подумала Элен. Последнее, после двадцати пяти лет… Да, все меняется.

Сурово повторяя про себя эти слова, она повернулась к комоду. Теплый утренний ветерок, проникавший в окно спальни, мягко шевелил занавески с глупыми кружевными оборочками, светло-зеленый атлас напоминал ей недозрелые яблоки. Она взглянула на разрисованные цветами обои с бесконечно повторяющимся узором из маленьких бутонов вьющейся мускусной розы. А ведь когда-то она считала эту комнату красивой! Хотя это скорее будуар подростка, чем жилище взрослой женщины.

Что ж, следующее жилище будет совсем другим.

Как насчет идеального черного куба, с черным потолком, черными войлочными стенами и полом, ни книг, ни картин, ни телевизора, ни телефона, ни окон, ни дверей?

«Прекрати! Выбрось из головы эти упаднические могильные

фантазии, тебе предстоит уехать в Сидней, найти там работу и квартиру и жить, как все нормальные женщины, которые меняют свою жизнь и начинают все сначала! – Элен замерла с охапкой белья на полпути между комодом и распахнутым чемоданом, лежащим на кровати. – Но я не хочу начинать сначала, едва не крикнула она. Я хочу, чтобы вернулась моя прежняя жизнь».

«Что, вся? – фыркнул недружелюбный внутренний голос. – В том числе и Филипп, его горячие руки, горячий язык, жаркий секс?..»

Невольно вздрогнув, Элен бросила парижское белье в чемодан.

Начать сначала, механически повторила она.

Посмотреть корробори, потом сесть с гостями в вертолет, когда они будут улетать, и все кончено. Здесь для меня больше нет места. Да и Джону пора становиться на собственные ноги, двадцатичетырехлетний мужчина должен уметь управляться без мамочки!

А что делать с мебелью?

Господи Боже, что же с ней делать?

Тусклыми, как холодное море, глазами Элен оглядела тяжелую дубовую кровать, свидетельницу многих жестоких унижений, массивный старинный дубовый гардероб – впору сдавать в аренду, тяжелый письменный стол Филиппа, хранивший печальную тайну его скрытой болезни, черной опухоли, терзавшей его изнутри, пожиравшей мозг. Это место никогда не принадлежало ей, как и все эти вещи. Ей ничего не стоило расстаться с ними.

Элен начинала по-новому понимать положение дел: узы рвались, давая новую свободу, свободу безбоязненно плыть куда заблагорассудится. Это место никогда не принадлежало и Труди, чего она боялась много лет. Оно всегда оставалось владением Кёнигов, собственностью властолюбивых людей, которые обманом навязывали его своим женщинам. Им и в голову не приходило, что невеста может захотеть обставить дом по-своему, что взрослая женщина имеет право сама определять свой образ жизни, выбирать собственный стиль. Что ж, теперь у нее такое право есть. В сорок два года она наконец стала свободной, она уже не жена Филиппа и мать Джона, а самостоятельная женщина. Оставалось лишь надеяться, что свобода пришла не слишком поздно.

В зеркале на туалетном столике Элен увидела бледное, измученное подобие женщины, осунувшейся, казавшейся лет на десять старше своих лет. Если выглядеть так, то нечего бояться, что кто-то помешает твоему одиночеству, горько подумала она. И отлично, прекрасно. Если она никогда в жизни больше не узнает мужчины, то, пожалуй, умрет счастливой.

Но найти работу…

Хлопот будет много.

Чем она займется в городе, что сможет делать? Элен отбросила и эту мысль. Хватит времени побеспокоиться об этом, сидя в кафе в Сиднее и просматривая списки вакантных мест в утренних газетах. Она снова принялась собирать вещи.

Шаги на лестнице застали Элен врасплох. Теперь сюда никто, кроме нее, не входил.

– Роза? Что случилось?

Бесполезно пытаться что-то прочитать на лице домоправительницы.

– Ничего страшного, миз Кёниг. Там опять полиция, и мистер Алекс хочет, чтобы все спустились в столовую.

Идя по лестнице следом за Розой, Элен готовилась к самому худшему. Эти баламуты Джордж и Роско не могут сообщить ничего хорошего. Но когда они держали речь перед собравшимися домочадцами – а пришли все, кроме Джона, – Элен поразили их сальные усмешки и самодовольный тон.

– Очень жаль, ребята, плохие новости…

– …Несчастный случай…

– …Несчастный для него, разумеется…

– …Тело Марки, Марка Хендса то есть…

– …Найдено в буше.

– Никаких подозрительных обстоятельств…

– …Но, конечно, ждем сообщения патологоанатома…

– …Кругом стоял запах спиртного…

– …Избыточный прием алкоголя…

– …Умер от алкогольного отравления…

– …Или, как мы говорим в полиции, упился до смерти.

– Раньше приходилось слышать, как он выражал раскаяние в смерти своей несчастной жены…

– …А еще раньше, как известно, он много раз угрожал ей…

– …И бил ее, не забудь, Джордж, бил…

– …Поэтому с учетом вышесказанного…

– …Мы полагаем, можно считать, что убил девчонку он.

Джордж улыбнулся.

– И считаем дело закрытым. Извините, что побеспокоили.

Роско тоже улыбнулся.

– Рады, что для вас все кончилось так благополучно. Если Кёнигам когда-нибудь потребуется наша помощь…

Алекс вскочил.

– Хорошо поработали, молодцы, ребята! – восторженно вскричал он. – Я позабочусь, чтобы об этом узнал комиссар полиции! И, полагаю, полицейский Фонд вдов и сирот не будет разочарован рождественским пожертвованием из Кёнигсхауса!

Он лучезарно улыбнулся собравшимся.

– Пока, конечно, еще рановато – спектакль, который готовит мисс Джина, не состоится раньше вечера, но, надеюсь, мы увидим вас обоих здесь, в доме, когда она покажет нам свое представление!

# 30

Джон понимал, что близок к умственному расстройству. Пора бы немного поесть или попить, но как тяжело двигаться… И, разумеется, не нужно было, уходя из кухни после посиделок с Розой, брать с собой эту бутылку, не очень удачная мысль – после целого дня в седле без крошки съестного во рту поздно ночью шикарно поужинать бутылкой виски…

На самом деле Джону не хотелось никуда идти, не хотелось покидать безопасное убежище, где его никто не найдет и не подумает искать.

Потому что он все еще не знал, что делать, не знал, что сказать Джине, когда она придет его разыскивать, а она наверняка придет. Он весь день блуждал по бушу, а ночь провел в полудреме в часовне, и теперь его жестоко мучила жажда. Пройдя через голод и усталость, он погрузился в некую зыбкую безысходность. Стоило подумать о том, чтобы сдвинуться с места, как он вновь проваливался в беспамятство.

С церковной скамьи посреди часовни Джон видел все латунные дощечки, отмечавшие могилы давно умерших Кёнигов, они тянулись вдоль прохода, как камни, положенные для перехода через речку. Он скорбно преклонил голову перед первой мемориальной доской у двери.

ИОГАНН.

Иоганн.

Добрый старый Иоганн, уничтоживший у источника целое племя.

– Ты создал посреди буша Кёнигсхаус, Иоганн, – прошептал Джон. – Но ты взял воду ценой крови. Человеческой крови. Нечестный обмен!

Взгляд скользнул вдоль прохода к следующей печальной плите. ФИЛИПП.

– Так для чего все это делалось, Иоганн? Твой единственный сын погиб в сражении. Филипп, первый Филипп, в честь которого назвали отца, погиб на дне канавы со штыком в горле.

Филипп Кёниг, какой черный юмор. Немец сражался против немцев. Думал ли он о Кёнигсхаусе, мелькнула ли в его голове мысль о нем, когда он умирал, зная, что никогда не увидит родных мест? Называл ли он себя Кёнигом? Или, записываясь на фронт, сменил фамилию на Кинг?

Не забывай дорогого дедушку, зловеще приказал себе Джон. Дедушка Джон. Не Иоганн – к тому времени мы стали чуть больше австралийцами. В чем ты был прав, дед? Ведь должен ты был что-нибудь совершить! Вынянчил старое поместье во времена Депрессии, снова спас нас в годы

второй мировой войны, так? Жил здесь в покое, имел двух славных сыновей – Чарльза и Филиппа, умер от старости в своей постели, все честь по чести, до тех пор, пока… пока один сын не убил другого, не убил бедняжку Элли, насколько я знаю и смогу когда-нибудь доказать!

Доказательства.

В бессильной муке Джон вонзил ногти в ладони. Все его вопросы, все поиски, все, что ему удалось найти, открывало больше и больше поводов для убийства Филиппа, но не указывало, кто привел его к безвременной кончине. Господи, за некоторые вещи, обнаруженные им, он сам охотно избавился бы от старика! Он повернулся к пока еще не помеченной могильной плите, под которой лежал отец.

– Ну что, поболтаем немного, папа? – с вызовом произнес он. – Ты веришь в сны? А я верю, и смотри, до чего меня это довело! Все, что мне удалось выяснить, это что ты был негодяем!

– Привет, Джон.

Дверь была приоткрыта, и он не услышал, как она вошла. Она стояла на пороге в ореоле света, в простом белом платье, и ослепляла его уставшие, затуманенные алкоголем глаза бело-золотым пламенем.

– С кем ты разговариваешь?

– С мертвыми. Но они не отвечают.

Она подняла руку, словно пытаясь отмахнуться от его глупых слов, как от назойливой мухи.

– Где ты был вчера вечером?

Джина не сердилась, даже не укоряла его, просто была обиженной, растерянной и встревоженной.

– Вчера я рассказала о нас папе, – натянуто начала она. – И он не обрадовался, как я ожидала, а очень расстроился. Поэтому для меня было очень важно, чтобы ты ужинал с нами, чтобы он увидел, что ты говоришь искренне, что ты не водишь меня за нос. А когда ты не пришел, не показался и вообще не вернулся, он уверился в худших подозрениях. Где ты был, Джон?

– Ах…

Настал решающий момент, а Джон чувствовал себя опустошенным. Он уставился на девушку пустыми совиными глазами.

– Ответь.

– Да. – Он попытался прочистить горло. – Там. Я был там. В буше. Не здесь.

Спокойствие Джины мгновенно улетучилось.

– Джон, что случилось?

– Ничего не случилось!

– Не веди себя так со мной! Разве ты забыл… что между нами было? То ты говоришь, что любишь меня, а на следующий день убегаешь, исчезаешь, прячешься в часовне, напиваешься…

Джон помахал бутылкой.

– Я не очень пьян. Джина едва не плакала.

– Я бы хотела серьезно поговорить с тобой, когда ты будешь на это способен. А пока мне нужно закончить танец к сегодняшнему вечеру. Алекс перенес представление в усадьбу, и я не знаю, откуда начинать. – Она повернулась к двери.

Джон отчаянно не хотел, чтобы она уходила.

– Слушай, давай поговорим сейчас – пока я в состоянии слушать.

Она взглянула на него с гневом и болью.

– Ты серьезно?

Он медленно поднялся и двинулся к ней.

– Как никогда.

Она безнадежно пожала плечами.

– Лучше потом. После представления.

– А почему не сейчас? – Он схватил ее за руку. – Пока я еще пьян?

Она вздрогнула.

– Джон, я понимаю, тебе столько пришлось пережить…

– Пережить? – Эхо его истерического хохота прокатилось по часовне. – Да, конечно, можно сказать и так!

Она покачала головой.

– И ты знаешь, как я сожалею о… обо всем.

– Да, отлично, что мы можем поговорить вот так, честно и откровенно! – фыркнул он.

Она рассердилась.

– Не смейся надо мной, Джон! Ты заставил меня пережить худшую ночь в моей жизни, и я пытаюсь понять, пытаюсь взглянуть с твоей точки зрения. Не мешай мне! – Джина вырвала руку. – Увидимся позже. Можно еще немного потерпеть.

– Прежде чем ты уйдешь… – Прежде чем ты уйдешь, моя дорогая, нежная, любимая, прежде чем ты уйдешь и унесешь мое сердце, отныне и навсегда… – Давай по крайней мере попытаемся отделить эмоциональные вопросы от практических.

Джина побледнела.

– Что?

Джон заговорил очень тихо:

– Я хочу, чтобы ты ушла, Джина.

– Что?

– Оставила меня.

– Почему?

– Я не могу тебе объяснить.

Он видел, что она отчаянно цепляется за последние остатки мужества.

– Ты должен мне сказать почему!

Как он мог произнести это и не изойти криком?

– Все кончено.

– Нет! Нет, я не верю! – В ее глазах чернело все страдание мира. Она отчаянно молотила его руками, словно стараясь защититься от жестоких слов. – Ты просто пьян! – кричала она, хватаясь за соломинку.

Он снова засмеялся, еще горше.

– Недостаточно пьян. – Выпить бы реку, утонуть в океане… – Повторяю еще раз. Все кончено. Ты должна уйти. Я не могу объяснить.

Под его взглядом она словно съежилась, как в уменьшающем зеркале.

– Вчера ты хотел меня. Я знаю, хотел! – заявила она требовательно, как ребенок.

Он заставил себя ожесточиться.

– А теперь не хочу.

– Что я сделала?

– Ничего. Просто уходи. – Он не знал, долго ли сможет выдержать эту пытку, на сколько еще хватит у нее сил.

– Нет!

Он резко повернулся к ней.

– Ты еще здесь?

– Я хочу знать, в чем дело!

Он посмотрел на часы.

– Скоро одиннадцать?

– Почему ты так поступаешь? – Бессознательным детским жестом Джина прижала стиснутые кулаки к губам. – Я хочу быть с тобой всю жизнь, а ты прогоняешь меня?

– Да.

Она собралась с духом, напрягшись для последнего броска.

– Я нужна тебе!

Джон наклонился и отчетливо произнес ей прямо в лицо:

– Мне! нужно! чтобы! ты! ушла! – Он старался говорить свысока. – Иди, показывай свое гастрольное представление! Сегодня твой вечер, правда? Иди, изображай Марго Фонтейн со своими деревенскими

дружками-танцорами. Увидим, на что ты способна.

– Правильно!

Джина выпрямилась, дрожа от злости.

– Верно, подонок! Не знаю, в какие игры ты со мной играешь, но надеюсь, ты будешь удовлетворен, мистер Кёниг! Папа с самого начала был прав! Мерзавцы вы все, Кёниги!

Она замахнулась кулаком, словно хотела ударить его, но передумала. У нее в запасе был еще один выстрел.

– Если придешь сегодня вечером смотреть наш танец, увидишь, как мы отблагодарим Кёнигов. И не думаю, что тебе будет трудно в их деяниях узнать себя!

Со всей округи на машинах, вездеходах, мотоциклах и даже лошадях съезжались на корробори танцоры и участники праздника. В широко раскинувшейся красной пустыне поселок аборигенов был виден издалека – его окружали величественные эвкалипты, призрачно белеющие в вечерних сумерках.

В поселке танцоры Джины уже показали гостям старинные танцы, выражающие сущность праздника корробори – древнего ритуала любви и смерти, восходящего к временам появления первых людей на материке. Теперь в Кёнигсхаусе, на лужайке между домами, сооружали сцену для второго представления – тщательно утрамбовали и подмели твердую земляную площадку.

Перед ней полукругом поставили кресла, хотя некоторые зрители – например, державшийся особняком Чарльз, с сардонической усмешкой прохаживавшийся позади, – ясно дали понять, что предпочитают стоять. Керосиновые факелы, припасенные в ожидании полной темноты, подковой охватывали труппу Джины, танцоров и музыкантов; они были готовы начинать.

– Уверен, вам будет очень интересно, – горячо уверял Алекс миссис Мацуда и Бакли, проводя их к почетным креслам в середине.

И когда только он успокоится со своей продажей, думал Джон, стараясь держаться от Чарльза как можно дальше и при этом не пропустить танца. Его тошнило от отвращения, а еще от выпивки: начав пить вчера ночью, он продолжал пить весь день.

Возле Крэйга Бакли сидела Элен, Джону она казалась бледнее обычного, хотя еще неизвестно, кто выглядел хуже – она или Бен, находившийся по другую сторону от нее. Заметив, каким взглядом, полным жгучего укора, смерил его сегодня Беи, Джон понял, что Джина рассказала

ему, что случилось во время горестного раздора в часовне. Сейчас Бен, посеревший и ушедший в себя, избегал встречаться взглядом с Джоном, но беспрерывно подергивающиеся руки и лицо выдавали его внутреннее смятение.

Бен, Элен, Роза на заднем плане, Бакли, Мацуда и Алекс…

Джон оглядел небольшую группу зрителей, рассаживавшихся по местам. Ах да, и мисс Триша тут – не забудьте про божественную мисс Тришу! Сидя рядом с Алексом, по другую руку которого находилась миссис Мацуда, изрядно пьяная Триша, совершенно не смущаясь его присутствием, заигрывала с полицейскими Роско и Джорджем, прося прикурить сигарету:

– Огонька не найдется, ребята?

Самая распространенная фраза на свете, ее можно услышать в любом городе на любом перекрестке. Джон понял ее, даже не вслушиваясь. И все-таки Триша была не в своей тарелке, казалась натянутой и неестественно взвинченной, слишком звонко смеялась, слишком громко говорила, ее непристойно протяжный говор звучал хрипло, как крик варана.

Алекс злобно повернулся к ней.

– Заткнись! – прошипел он. – Люди смотрят! Ага, да он на взводе, подумал Джон. Словно принял мощный наркотик! Что ж, держись, братец, мысленно с ненавистью поприветствовал он его, не теряй головы! Завтра ты разбогатеешь, а я стану никем, и тогда, может быть, ты будешь счастлив!

Он обернулся к площадке для танцев: в воздухе, привлекая внимание, звенел протяжный, тоскливый зов диджериду. Джина выступила вперед. Как и остальные танцовщицы, она была обернута лишь в полосу алого ситца наподобие саронга, лицо и тело раскрашены серо-белой пепельной пастой, руки и ноги открыты. Мертвенная бледность просвечивала даже через белую краску, казалось, ее что-то невыносимо гложет изнутри. Дрогнувшим голосом она начала:

– Мы хотим показать вам драму в танце, над которой мы работали несколько недель. – Она откашлялась. – Мы расскажем историю Кёнигсхауса с самых давних времен. Мы хотим вам показать кое-что из того, что здесь происходило, – ожившие страницы нашей общей истории. Спасибо.

Джина слегка кивнула и отошла к труппе, давая знак начинать. Громко и размеренно загудел диджериду, ему вторило постукивание палочек и глухой рокот барабанов. В сумеречном свете сцена ожила. На площадку выскочили около двадцати танцоров, и среди них Джина, они бегали, скользили и прыгали под аккомпанемент грохочущей музыки.

Понятный всем язык танца поражал неподдельной простотой. Начало истории относилось ко временам задолго до появления Кёнигов, когда еще даже первые обитатели не ступили на эту землю. Древние инструменты передавали первобытные крики и плач, в то время как танцоры изображали кенгуру – не потревоженных человеком властителей здешних мест. Вокруг них кружились юноши и девушки: они прихорашивались, как эму, крались, как койоты, скользили, как змеи, их воркование, щебет, лай, щелканье и рычание сплетались с бесконечной пульсирующей мелодией. Благодаря их мастерству перед зрителями оживали сады Эдема, мир чистой красоты и покоя.

Но пришел человек.

Из трепещущих растущих теней, крадучись, вышел отряд воинов, самый рослый мужчина в пантомиме выслеживал кенгуру и охотился на них. Юноши-загонщики преследовали животных, убивали их копьями, и танцоры, лежа на земле, так отчаянно содрогались в предсмертных судорогах, что трудно было поверить, что убийство происходит не на самом деле.

Женщины, ведомые Джиной, радостно встречали возвращающихся воинов и готовили праздничную трапезу. Юный вождь вышел вперед, поприветствовал женщин и принес в жертву кенгуру, чтобы накормить племя мясом. Это же Тимбо, с удивлением подумал Джон. Он не сводил глаз с Джины – королевы женщин, которая приняла жертву вождя и пригласила воинов присоединиться к ним.

Каждый воин выбрал себе женщину, и танцоры, обнявшись, пара за парой растворились в сумерках, оставив юную королеву и вождя наедине. Джина и Тимбо раскланялись, переглянулись и, описав круг, начали робко сближаться, шаг за шагом, их тела тянулись друг к другу, страсть пронизывала их до дрожащих кончиков пальцев, музыка зазвучала на регистр выше, имитируя сердцебиение, символизируя любовь и жизнь. В пантомиме-ухаживании юноша завоевал девушку и, взяв за руку, назвал своей. Джон заметил, что Бен с явным неудовольствием ерзает на стуле. Значит, ему тоже не нравится пародийная свадьба? Глаза Джона застлал багровый туман ревности, он был готов убить Тимбо, ему хотелось разорвать удачливого поклонника «королевы» Джины на куски и скормить собакам.

Вдруг музыка стала мрачной, застонали, зарыдали диковинные инструменты, похожие на голоса животных.

Появились Кёниги! Вот, оказывается, кому здесь принадлежит единственная диссонирующая нота, язвительно подумал Джон.

Стайка танцоров-кенгуру ускакала в опустившуюся тьму, их обратила в бегство группа медленно шагающих танцоров-коров, они надвигались, опустив головы и подняв руки, как грозные рога. На заднем плане женщины и юноши, которых не пускали к источнику, изображали голод и медленную смерть. Воины собрались вокруг юного вождя Тимбо, и он поклялся перед молодой невестой-Джиной, что спасет племя. Внезапный набег принес людям племени двух коров. Но по пятам за ними шли великаны, раскрашенные пепельной краской и оттого белеющие в сумерках, как приведения – то были Кёниги, белые люди, жаждавшие отомстить.

Почти стемнело, но с начала представления никто не шелохнулся. Чарльз, стоявший слева от Джона, сосредоточенно застыл, стиснув зубы, его мрачное лицо побледнело. Бен все так же ерзал, покачивался, его, казалось, захватил всепоглощающий ритм музыки, звук нарастал, обвиняя, нагнетая напряжение, разрядить которое мог лишь отчаянный крик боли. Алекс смотрел на сцену застывшим взглядом, он едва владел собой, Триша рядом с ним дышала неестественно тяжело, ее грудь поднималась и опускалась, выдавая волнение. Вдруг она начала всхлипывать. Что ж, горько подумал Джон, не очень приятная история! Настроение ночи, казалось, не действует лишь на миссис Мацуда, она смотрела представление с живым интересом, по не теряя бесстрастия.

Кёниги с белыми лицами, с нарисованными на телах ремнями амуниции, жестами изображая пистолеты и тяжелые ружья, выступали с бичами против боевых палок и копий аборигенов. Они пронеслись через деревню, стреляя и уничтожая всех на своем пути. Вождь Тимбо собрал соплеменников на последний героический бой. По одну сторону сцены рыдали женщины, по другую мужчины строились в ряды. Вождь прощался с королевой – две тонкие выразительные фигурки, расставаясь, дрожали от горя, не надеясь встретиться вновь.

Музыка уже предсказывала исход сражения. Пока женщины и дети в ужасе толпились позади, вождь вел своих воинов на Кёнигов, а те косили их одного за другим кнутами и залпами из ружей, оттесняя отставших к роковому краю скалы из песчаника, нависшей над источником. Зрители, оторопев, смотрели, как несчастные балансировали над обрывом, тщетно сопротивляясь ужасной участи, и падали, падали, кружась, как осенние листья, пока не достигали дна. Элен на всю жизнь запомнит трагизм этой сцены, горы искореженных тел, шевелящихся и стонущих от боли, последние вздохи погибающих и рыдающие звуки прощальной песни диджериду.

Время было рассчитано идеально, кульминация наступила, когда солнце окончательно скрылось за горами и танцевальная площадка погрузилась во мрак. Танцоры один за другим исчезали позади сцены и растворялись в ночи, окутавшей место действия.

В темноте, как мотылек, порхала легкая фигурка, бежала к зрителям, то припадая к земле, то сворачивая в сторону, спасалась от невидимой погони. Когда она достигла переднего края сцены, факел в ее руке вспыхнул и погас, осветив на мгновение искаженное горем лицо молодой женщины. Джина? Кто же еще! Но ужас и страх, сквозившие в стремительном беге, в отчаянных взглядах через плечо, в развевающихся волосах, делали ее неузнаваемой.

В темноте стали различимы очертания преследователя, огромная мужская фигура угрожающе надвигалась из мрака. Девушка металась туда и сюда, но преследователь неумолимо настигал ее, оставаясь вне поля ее зрения. В темноте прозвучал громкий женский всхлип. Триша? Элен? Да любая из них могла зарыдать, понял Джон. Этот кошмар мучает каждую женщину – незнакомец, крадущийся во тьме, ночной преследователь. Неудивительно, что они так испугались!

Исход был предрешен, как и в эпизоде с уничтожением племени. Медленно, но с тошнотворной неизбежностью преследователь настигал жертву. Круги, описываемые им, все суживались. Девушка стояла лицом к зрителям, дрожа всем телом и готовясь принять неизбежное. В тусклом свете вырисовалась огромная сильная фигура набросившегося на нее сзади врага. Одна громадная рука широкой дугой охватила ее талию, другая сжала горло, музыка умолкла. Снова вспыхнул факел, озаряя финальную сцену.

Две фигуры, выхваченные из темноты короткой вспышкой света, олицетворяли вековечную жестокость мужского господства. Девушка повисла в руках завоевателя, как тряпичная кукла, не касаясь ногами земли, ее тело казалось неживым, голова болталась. Лицо завоевателя, торжествующе глядящее на добычу сверху вниз, было лицом Филиппа Кёнига.

– А-аа-аа-аа-а! А-аа-аа-а! А-аа-аа-аа-аа-а! Вопли рассекли воздух. Таким последним криком кричит женщина, когда видит свою судьбу и сопротивляется ей. Но Джина не шелохнулась. Крик исходил из публики. То истерически визжала Триша.

– А-аа-аа! А-аа-а! А-аа-аа-аа-а! Это она! Та женщина! Это она! А-аа! А-аа-аа! А-аа-аа!

Так кричат люди за мгновение до гибели, люди, спасающиеся от

чудовища на край земли. От группы зрителей отделилась, шатаясь, какая-то фигура, и, со всех ног бросившись прочь, скрылась в темноте. Но это была не Триша – это был Бен Николс.

# 31

– Аа-а-а-а! А-а-а-а-а-а-а! Это она! Она! Такой она и была тогда, в ту ночь, когда умерла! Алекс, опередив всех, вскочил на ноги. – Огня! Огня! – хрипло крикнул он. – Зажгите керосиновые лампы, все, осветите сцену! – Потом принялся утихомиривать Тришу.

– Да нет же, это не Элли! – шептал он ей на ухо, зажимая рукой рот. – Триша, она умерла! Это Джина! И все это лишь представление, танец, только и всего, она не мертва, посмотри!

Ошеломленная Джина выскользнула из рук партнера и, встревожено подняв голову, широко раскрытыми от страха глазами вглядывалась в темноту, туда, откуда доносились крики. Алекс силой заставил Тришу замолчать, она сжалась, как проколотый воздушный шарик, и разразилась истерическими слезами.

– Не покидай меня, – рыдала она. – Не оставляй меня с ней!

Алекс грубо швырнул ее в ближайшее кресло.

– Эй, вы, двое! – крикнул он, взмахом руки подзывая Джорджа и Роско. – Пошли со мной, скорее, мы его поймаем!

Трое мужчин помчались в ночь, к припаркованному неподалеку полицейскому вездеходу. Тимбо обежал вокруг сцены с факелом, зажигая одну за другой керосиновые лампы, и в темноте стали различимы искаженные ужасом лица.

Джина метнулась к зрителям, столпившимся вокруг кресел, и схватила первую попавшуюся руку.

– Отец, отец! – кричала она. – Что с отцом, что случилось, куда он убежал?

– Джина, возьми себя в руки! – хрипло приказал Чарльз, выступая вперед. – С Беном все будет в порядке! Алекс пошел искать его, они его найдут, приведут сюда, и мы узнаем, что произошло! Все будет в порядке, даю слово!

Откуда-то сзади раздался громкий недоверчивый смех.

– Даешь слово! Приведи хоть один довод, Чарльз, почему мы должны верить твоим словам!

Из темноты медленно вышел Джон, в его глазах мерцал опасный блеск.

– Миссис Мацуда, вам понравилось представление? – с театральной напыщенностью обратился он к бесстрастной японке, стоявшей рядом с

готовым вступиться за нее Бакли. – Вы думаете, что увидели старинную историю Кенигсхауса? Ничего подобного! Видите ли, ради этой земли люди убивают друг друга и сейчас, и последнее убийство произошло всего пару недель назад! Чарльз побледнел как полотно.

– Ради Бога, придержи язык, молодой придурок! – прошипел он. – Подумай о…

– Подумай о продаже? – съязвил Джон. – О, конечно, ненаглядная ваша продажа!

Элен не вытерпела:

– Джон!

«Милый, – думала она, – разве ты не понимаешь, сделка должна состояться! Кёнигсхаус – причина всех наших бед, наше проклятье, это место прогнило насквозь, оно сводит нас с ума, нам нужно уехать, обязательно нужно, начать все сначала где-нибудь еще, разве ты не видишь?»

Элен вдруг с ужасом поняла, что для Джона испытаний оказалось слишком много, что он сломался, разум покинул его.

– Не слушайте Джона, миссис Мацуда! – срывающимся голосом выкрикнула она. – Мальчик очень неуравновешен, смерть отца выбила его из колеи. Вы знаете, по завещанию отца он потерял все. Моего мужа не убили! В словах Джона нет ничего…

Еще один ужасный взрыв хохота заставил ее замолчать.

– Мамочка, дорогая, если ты так считаешь, боюсь, тебя ждет страшное потрясение, и прямо сейчас! – Джон повернулся к Чарльзу, стоявшему в тени.

– Он все об этом знал, правда?

Чарльз напрягся, как боксер при звуке гонга.

– Кто?

– Бен, конечно! – Джон угрожающе шагнул к дяде. – Он знал про твои дела! Не играй со мной!

Лица окружающих в мерцающем свете керосиновых ламп дрожали и меняли свои очертания: Элен, Джина, Роза, миссис Мацуда и Бакли оказались втянутыми в перепалку, как мухи в смолу.

Чарльз попытался рассмеяться:

– Кто и о чем знал?

Джон хранил полное спокойствие.

– Бен. Он знал все о твоем крючкотворстве, о твоей двойной бухгалтерии, из-за которой поместье по уши в грязи. Много у него было работы, когда он тебя покрывал, правда? Прилагал всю свою творческую

фантазию, чтобы скрыть, что ты занимаешь деньги, чтобы все выглядело шито-крыто? Неудивительно, что, когда его книги начали проверять другие, он так забеспокоился! Он, наверно, штаны протер, проверяя и перепроверяя свои расчеты, чтобы ни следа не осталось от твоих гнусностей.

Со стороны Крэйга и миссис Мацуда раздался еле слышный удивленный вздох.

Чарльз невозмутимо пожал плечами. Глаза его горели.

– Чушь это все, полная ерунда. Мы не делали секрета из трудностей, с которыми столкнулась компания, – потому мы и искали покупателя. – Он через силу улыбнулся миссис Мацуда и Крэйгу Бакли, которые наблюдали за происходящим с видом игроков на скачках, а затем снова повернулся к Джону. – Тебе такие задачки не по зубам! Ты в бизнесе ничего не смыслишь! Ты понятия не имеешь, о чем говоришь.

Джон с упрямой яростью покачал головой.

– Я знаю, тут что-то кроется! Даже если тебе удалось выскочить из одной передряги, тебя ждут новые. Я это знаю, только не могу доказать! – Его голос стал громче. – Что ты сделал с деньгами? Неужели такова твоя месть? Раз Кёнигсхаус тебе не достался, ты решил обескровить его до предела? – Джои понимал, что теряет контроль над собой, но следовало довести дело до конца. – Я пока только одного не знаю. Бен был в курсе, что ты обманом отнял у отца компанию и деньги, но знал ли он, что ты его убил?

– Нет!

Это была Элен. Но Чарльз недолго медлил с ответом, его голос рассек тишину:

– Ты спятил! – возмутился он. – Такой глупости я отродясь не слыхал! Да, я ненавидел Филиппа! – Его бледное лицо внезапно побагровело от ярости. – Но я его не убивал! Он умер от несчастного случая!

Чарльз резко повернулся к всхлипывающей Элен.

– Не волнуйся, мы присмотрим за Джоном. Я обеспечу ему лучшую медицинскую помощь в Австралии, мы поставим его на ноги, не плачь! – Он снова обернулся к Джону. – Будем считать, что ты ничего не говорил! А между тем здесь кое-кто нуждается во внимании гораздо больше, чем ты! Я тоже пойду искать беднягу Бена! Когда мы его найдем, тогда и разберемся!

Элен не стала дожидаться его ухода. С плачем и стонами она кинулась к Джону.

– Надеюсь, ты доволен! – в слезах набросилась она на сына. – Зачем ты устроил это представление, чтобы обидеть Чарльза или пристыдить всех

нас? – Она стиснула челюсти, чтобы не стучали зубы. – Послушай, Джон, я знаю, тебе было туго. Но и всем нам тоже!

Элен рухнула на стул рядом с оглушенной Тришей. Джон опустился перед ней на колени и, взяв ее за руки, заглянул в глаза.

– Не просто туго, мама! – крикнул он. – Папа был убит, и убил его Чарльз! Я выяснил, что Чарльз во вред компании влез в долги, разорил ее. Его последней надеждой было продать ферму, с помощью Бена замести следы, пока суматоха не уляжется, и улизнуть чистеньким.

– Нет, нет, – всхлипывала Элен. – Не может быть, Чарльз на это не способен!

Джон поднялся, сгорая от гнева.

– Бога ради, мама, повзрослей наконец, усвой эту мысль! Да, это Чарльз! Да, дорогой наш дядя, брат и возлюбленный Чарльз! Знаешь, я еще только не понял, он убил Элли или нет!

Внезапная мысль пронзила его, как удар молнии.

– Я тут стою и спорю, а он удрал! Мчится, наверно, сейчас к аэродрому, чтобы сесть в вертолет и смыться, пока полицейские с Алексом ищут Бена! Надо его остановить!

Он исчез в ночи прежде, чем тишину разорвал невнятный голос Триши:

– Нет, он не убивал служанку, как там ее… Это не Чарльз. Надо и Алексу сказать.

Миссис Мацуда скользнула взглядом по пьяной Трише, потом указала на обмякшую рядом с ней рыдающую Элен.

– Давайте отведем их в дом. Джина и Роза с неохотой повиновались. Миссис Мацуда взяла Бакли под руку.

– Для мальчика, который не знает ничего, кроме скота, Джон на удивление прозорлив, не так ли? – тихо произнесла она. – Но какая жалость, что мы не можем сообщить ему, чего он не знает и в чем ошибается. Боюсь, ему предстоит узнать, что за всем этим стоит человек, которого он очень уважает.

Управляющий тихо прошептал, чтобы не слышала Элен:

– Но если главный злодей не кто иной, как его отец…

В бесстрастной улыбке миссис Мацуда таились тысячелетия.

– Как мальчику быть?

Оказывается, на нецивилизованном Западе совсем не умеют вести дела! Неудивительно, что в последнее время Япония вышла в мировые экономические лидеры, ведь состязаться-то не с кем. А теперь, когда

спящий гигант Китай наконец проснулся от коммунистического забытья, пусть варвары будут начеку! Они и не поймут, что их погубило!

Да нет, они даже не варвары, они просто дети, вздохнула миссис Мацуда. Этому дому сейчас нужен сильный мужчина, чтобы повелевать, и еще более сильная женщина, чтобы вернуть всем рассудок. Но где же они? Мужчины умчались в пустыню искать неудачника и слабака, которого в Японии оставили бы в покое, чтобы он покончил с собой и не доставлял хлопот ни единой душе. А женщины ударились в истерический плач!

Впрочем, не все. Миссис Мацуда оглядела стайку последних из могикан, сгрудившихся вокруг кухонного стола. Нужно отдать должное Джине – она все еще в красном саронге, лицо и тело, как у призрака, пепельно-белые, но крепка, как дерево; и Розе – неизменной, как скала из песчаника, стоящая в дозоре над источником.

И все-таки они не могли справиться с горюющей Элен и неуравновешенной истеричкой Тришей. У Розы, кроме карт Таро, было в запасе всего одно средство.

– Выпей-ка еще. – Она потянулась за бутылкой. Миссис Мацуда вздохнула.

– Нет-нет, – слабо откликнулась Элен, смахивая с глаз прядь волос и отодвигая стакан. – Нет, мне не надо, это не поможет! – Она взглянула на Тришу, которая навалилась на кухонный стол и пьяно сопела от жалости к себе. – Послушай, Роза, Трише тоже больше не надо – нам нужно прийти в себя…

Вот именно, тебе тоже! – сердито сказала себе Элен. Ей было стыдно за яростную вспышку, буря эмоций опустошила ее.

Господи, дай силы прожить еще двадцать четыре часа, заклинала она. Пусть только миссис Мацуда купит это треклятое поместье, и мы все станем свободны. Тогда я смогу сделать для Джона то, что должна сделать.

Элен поднялась, обогнула стол, подошла к Трише и положила руку ей на плечо.

– Давайте я помогу вам лечь в постель. – Она подняла глаза на Джину, в тревоге стоявшую рядом. – Если ты возьмешь ее за руку…

Но едва они коснулись Триши, как та ожила и попыталась усесться прямо.

– Не трожьте меня, я в порядке! Тщательно нанесенный грим размазался, и лицо красавицы покрылось кляксами и красными пятнами. Глаза в потеках туши и опухшие губы опровергали ее браваду. Она откинулась в кресле, словно давая понять, что в состоянии сама о себе позаботиться.

– Я не хочу ложиться! – вызывающе заявила она. – Я собираюсь остаться, пока не придет Алекс, и рассказать… рассказать ему, что знаю.

– Знаете? – вежливо спросила миссис Мацуда. – Что вы знаете?

В кухне наступила тишина, собравшиеся ловили каждое слово Триши. Хоть время было неподходящим для театральных эффектов, она не могла устоять перед соблазном показать себя.

– Я видела Элли в ночь, когда она умерла, – победно заявила Триша. – Алекс думает, что в последний раз ее видели, когда она утром заявилась ко мне в комнату и я ее уволила. Так он и сказал полиции. Но я видела ее вечером, когда шла из дома для гостей на ужин. Я пришла последняя, значит, и видела ее последняя. И я хочу сказать это Алексу!

Крэйг Бакли недоверчиво засмеялся.

– Вы что, еще ему не сказали?

– Мне поначалу и в голову не пришло! – резко возразила Триша. – Когда девчонка исчезла, я и не подумала волноваться, и только потом поняла, что это была последняя ночь, когда ее видели живой! – Триша принялась копаться в сумочке, ища сигарету. – А когда поняла, то пыталась ему сказать! Но он не пожелал слушать, был слишком занят.

Слишком занят, развлекаясь с тобой, подумала миссис Мацуда. Вслух же она дружелюбно спросила:

– Так что вы видели? Триша выпрямилась.

– Я видела девчонку, когда шла по лужайке, – она обходила дом сзади. Я думала, она идет помочь с ужином. В темноте у кухонной двери ее ждал мужчина. Он схватил ее, они подрались.

– Какой мужчина? – нетерпеливо спросил Бакли.

Триша надула губы.

– Не разглядела, темно было. А я шла к парадной двери, какое мне дело до бранящихся черных на заднем дворе!

Миссис Мацуда наклонилась вперед.

– Это был абориген?

– Да! – сварливо ответила Триша.

– Плотный, крепко сбитый? – вставила Элен. – Похож на мужа Элли, Марка. – Она вздохнула. – Ох, бедняжка Элли! К этому шло!

Миссис Мацуда подняла руку и снова повернулась к Трише.

– Вы уверены, что видели аборигена?

– Конечно уверена! – огрызнулась Триша. – Кого же еще? Я…

– Она его не видела! – громогласно объявил Крэйг Бакли. – Было темно, и если парочка ссорилась у черного хода, а мисс Триша шла к парадной двери, расстояние было слишком велико. – Он устремил на

Тришу взгляд, достойный доктора Геббельса: – Вы просто догадываетесь, что, раз они дрались, это был черный!

– Да, но я…

– Так что это мог быть какой угодно мужчина, белый или черный, – настаивал Бакли. – Любой мужчина из Кенигсхауса или откуда-то еще!

Воцарилось молчание. Вдруг из угла раздался голос, который меньше всего ожидали услышать.

– Это был Марки.

Все глаза устремились на Розу, которая, сжав бутылку, сгорбилась в углу у двери.

– Она видела Марка, – хрипло повторила Роза. – Я их слышала. Прямо перед ужином. Его и негодницу Элли.

Домоправительница явно не разделяла мнения о том, что о мертвых нельзя говорить дурно.

– Девка притащилась, как раз когда я накрывала ужин, – злобно выкрикнула она. – А этот негодник, ее пьяница муж, поджидал ее, не хотел, чтобы она шла, мол, хватит с него ее шашней. «Ты говорила, тебя уволили, – заорал он. – Так что ты тут делаешь?» А она в ответ: «Чего ты меня держишь? Я тебе утром говорила, что вернусь, когда вздумаю!» Они подрались, я слышала, как он ее треплет и молотит, а она визжит как свинья.

Повисло тяжелое молчание. Элен подняла голову.

– Значит, ее убил Марк, как и говорит полиция.

– Должно быть, он, кто же еще? – вмешался Бакли. – В девяноста процентах случаев обвиняют в убийстве человека, которого последний раз видели с жертвой.

Миссис Мацуда кивнула.

– Как и мистер Мацуда, мистер Бакли знает о таких вещах очень много. Если муж был последним, кого видели с женщиной, для него это очень плохо.

– Разве что он не был последним.

В голосе домоправительницы нельзя было не расслышать удовлетворения тем, что она одержала победу над иностранцами и самозваным экспертом Бакли.

– Что ты имеешь в виду, Роза? – осведомилась Элен.

На темном лице застыла горделивая маска.

– Той ночью приходил дух миз Труди, – нараспев объявила Роза. – Она приходила за мистером Филиппом, пришла и за негодницей Элли.

– Роза… – Элен глубоко вздохнула. – Зачем мисс Труди приходить за

Элли?

– Потому что она шлюха! Я слышала, как она говорила Марки: «Я со всеми спала, все меня трахали, и мистер Филипп, и мистер Алекс, и мистер Джон – все они, все!»

Господи Боже, подумала Элен, когда же это кончится?

Миссис Мацуда насторожилась.

– И это правда? Или она так сказала, чтобы подразнить мужа?

– О мистере Джоне – неправда, – рассудительно объяснила Роза. – Но о тех двоих – правда, о близких миз Труди, о ее муже и сыне. А Марки этого не знал, ничего не знал, не знал наверняка, пока она не сказала и не посмеялась над ним! Вот он и колошматил ее, а она визжала, и я слышала смех миз Труди. По-моему, у Марки Хендса хватило бы дурости прикончить ее. Но он колотил ее, а она визжала, визжала и твердила одно и то же старику Марки, а потом убежала от него в буш. Она кричала, мол, отстань, а то когда-нибудь найдут тебя под кустом со свернутой шеей, она это хоть сегодня может устроить, как встретится…

Напряжение в комнате стало невыносимым.

– Так у нее еще было свидание? – резко спросил Бакли. – Она собиралась встретиться с кем-то еще? С кем?

Роза покачала головой.

– Встречусь с «ним», говорила она. Только с «ним», больше ничего.

Он наверняка там, больше ему некуда деться.

Ликующий, радостный Джон мчался сквозь буш на мотоцикле – мотоцикл подвернулся под руку, когда он выскочил из дома. Наконец, наконец-то он поймает Чарльза, дядюшке не уйти. Слишком много народу присутствовало, когда он бросил ему вызов, ему не удастся дальше плести паутину лжи. Неудивительно, что он удрал! И бежать он мог только в одну сторону. В аэропорт. Чарльз умел управлять вертолетом, все в доме умели, без этого на огромной далекой ферме не прожить.

Чарльзу нужно побыстрее убраться. Для этого есть только один путь. Он слишком умен, чтобы уехать на машине – полиция с воздуха обнаружит его по следам быстрее, чем орел – медлительного жука. А прожив много лет в городе, он растерял навыки сельской жизни и не догадался сесть на лошадь, чтобы скрыться в буше. Нет, путь к спасению для него лежит только через аэропорт.

Джон мчался через непроглядную черную ночь, отчаянно сражаясь с брыкающимся мотоциклом, чтобы удержать его на разбитой грунтовой дороге, едва освещенной бледным мерцанием луны, как вдруг ему

подумалось: а не пришла ли та же мысль в голову Бену? Но он сразу отверг ее. Старина Бен очертя голову бежал в ночь, направляясь в никуда. Он не выработал хладнокровного плана побега, не имел продуманной цели, просто ударился в панику, его можно искать где угодно.

И наверняка, где бы он ни был, ему нужна помощь. Но с этим можно подождать! Сначала – очередь Чарльза! Джон нажал на газ, мотоцикл рванулся вперед. Сначала нужно найти Чарльза. И тогда мерзкому убийце негде будет спрятаться!

Впереди, в конце длинного прямого отрезка дороги, лежал безмолвный аэропорт. Они оказались в пучке света мотоциклетных фар раньше, чем Джон сообразил, кого увидел. Несколько фигур – он не смог их сразу узнать – в непонятных позах. Подъехав ближе, он заметил человека, во весь рост вытянувшегося на земле лицом вниз, возле которого, держа его за руки, стоял на коленях другой человек. Еще один увалень удерживал ноги, третий согнулся над распростертым телом.

Они его поймали!

В свете фар Джон разглядел сначала Алекса, потом Джона и Роско. От радости его сердце подскочило, у него словно гора свалилась с плеч. Они, наверно, добрались сюда первыми. Они ушли искать Бена и к прибытию Чарльза уже были здесь! Они арестовали его, схватили негодяя при попытке к бегству, что само по себе равноценно признанию вины!

В порыве безумного веселья Джон вдавил акселератор, ему не терпелось присоединиться к ним, хотелось свернуть Чарльзу шею, сплясать на его физиономии! Он громко рассмеялся. Вот что они оставили от Чарльза: негодяй наверняка устроил драку, вон сколько крови у него на голове! Да пусть даже… пусть даже они убили бы его, ему-то что!

Потому что они его поймали, пришпилили к земле, связывают руки и ноги. Все кончено, все кончено, он свободен и может начать жизнь заново, может снова жить…

Джон резко затормозил, мотоцикл забуксовал.

– Привет, ребята! – задыхаясь от радости, крикнул он сквозь рев мотора, перегнувшись через руль. – Вы его взяли? Здорово!

– Джон?!

Алекс оторвался от распростертого тела и поднял к свету бледное лицо. И вдруг Джон понял.

# 32

И вдруг Джон понял. Понял и уже не сомневался, что до сих пор, до этой самой секунды непростительно, ужасающе заблуждался. Не успел мотоцикл затормозить в клубящихся вихрях песка, как он в одно мгновение ощутил бренность бытия: торжество от мысли, что он узнал правду, комком застыло в горле, обернувшись неумолимостью поражения. Ибо он нашел ответ, который так давно и мучительно искал, но ценой находки станет его жизнь.

Потому что теперь он знал, как умер Филипп. Увидев порочную троицу мужчин, которые, на мгновение потеряв бдительность, оказались захваченными врасплох и оцепенели в свете фар, как кролики, он увидел словно собственными глазами смерть отца.

Человек на земле, одинокий, распростертый, беззащитный против негодяев, бродящих в ночи с убийством в душах.

Двое его удерживают, крупные, плотные, погрязшие в жестокости.

А тот, который все задумал – тот, кто совершает убийство, наклонился над жертвой со связанными руками и заткнутым ртом, чтобы отправить его на тот свет.

Два головореза-тяжеловеса – это Джордж и Роско.

А подносит яд Алекс – брат Алекс. В этот миг Джон понял, что видит убийство отца так отчетливо, будто сам был там.

И от него до убийц меньше двух метров.

– Джон? – Алекс поднял голову и заслонил глаза от света фар. – Пришел нам помочь?

– Конечно! – Надо не показывать вида, что он что-то заподозрил. Но он сам слышал, что его охрипший голос звучит донельзя неубедительно. На секунду наступило молчание – троица обдумывала его слова. Потом он заметил, как Алекс насторожился, а Джордж и Роско обменялись взглядами.

Настал его черед чувствовать себя, словно кролик перед удавом. Джон смотрел на происходящее, паникуя в душе, мускулы на руках и ногах начали подергиваться, мозг словно парализовало, в то время как двое мужчин продолжали неторопливо связывать бесчувственное тело Чарльза, лежащее на земле лицом вниз. Когда дело было сделано, мужчины не спеша поднялись с колен и Алекс вышел вперед.

– Здорово, что ты проезжал мимо, – беспечно бросил он.

– Да уж, чем больше народу, тем веселее, – добавил Роско.

Его напарник прищурился.

– Для малыша всегда место найдется.

– Эй, братишка! – Алекс погасил улыбку. – Что тебя сюда принесло?

Отвечай им, держись как обычно, подыгрывай, пока не подвернется случай улизнуть. У Джона перехватило дыхание.

– Я… я искал Чарльза.

– Чарльза?

Алекс смотрел на него, не мигая, холодными, как камень, глазами.

– С чего тебе вздумалось искать Чарльза здесь?

– Потому что я… потому что он…

Алекс искоса метнул взгляд на Джорджа, и великан, не переставая улыбаться, подошел ближе и встал рядом с ним. Роско без напоминаний в долю секунды повторил маневр напарника и встал по другую сторону от Алекса.

– Ну-ка, скажи еще раз, – не отставал Алекс. – Ты искал Чарльза – зачем?

Он шагнул вперед, оба головореза двинулись за ним.

Теперь их разделяло чуть больше метра. Отчаянный ужас сжал сердце Джона, и вместе с ним ожило его германское мужество.

– Я искал его, потому что думал, будто он убил отца! Но теперь я уже не ищу убийцу! Я вижу его перед собой! Я знаю, это ты! Ты его убил! – Джон, задыхаясь, бросил вызов в перекосившееся лицо Алекса. Лишь полицейские хранили полную невозмутимость.

– Правда, интересно, Роско? – высказался Джордж.

Роско медленно кивнул.

– Несимпатично, но интересно.

– Вряд ли можно отпустить этого малого бегать по Территории…

– …И повторять свои голословные обвинения…

– …Злостные и клеветнические…

– …Против уважаемого владельца расположенной на нашем участке крупной скотоводческой фермы…

– …Не правда ли, мистер Кениг?

На застывшем бледном лице Алекса сверкали жесткие, безжалостные глаза.

– Естественно, нельзя, ребята. Что вы предлагаете?

Не переставая тараторить, они медленно приближались к нему.

– Как ты думаешь, Джордж? Превентивный арест?

– Помешаем ему помешать нам, ты хочешь сказать?

– А потом несчастный случай…

– …Сопротивление аресту…

– …Попытка к бегству…

– …Нападение на полицейского…

– …Много разных несчастий может случиться…

– …Очень несчастный случай…

– …Для него…

– …Но не для нас…

Приказ слетел с губ Алекса как шипение змеи:

– Чего вы ждете?

Полицейские бросились на Джона. Огромная рука Роско протянулась, чтобы схватить мотоцикл за руль, а Джордж нагнулся, ища на широком кожаном поясе наручники. Роско улыбался, как добрый дядюшка.

– Теперь вы нам не доставите хлопот, правда, мистер Джон?

Когда холодный металл наручников коснулся запястья Джона, тот наконец нашел в себе силы действовать.

– Да! – крикнул он и врубил мотор на максимальную мощность. Мотоцикл взбрыкнул, как лошадь, едва не сбросив его. Рванувшись вперед, он наехал на Роско, а Джордж, взвыв от боли, закрутился на месте, как волчок. Джон помчался вперед, спасая жизнь, и исчез в темноте аэродрома.

За спиной он слышал вопли раненого и поток взаимных обвинений и проклятий. В безумной панике он промчался по аэродрому и выскочил с противоположной его стороны. Через несколько секунд мотоцикл врезался в песчаный холмик, поросший жесткой травой, и Джон понял, что падение неминуемо. В следующий миг он слетел с мотоцикла. Казалось, па несколько долгих, мучительных секунд он завис в воздухе, а потом рухнул на землю, боком ударившись о твердую как камень почву.

Он полежал немного, переводя дух, а потом паника охватила его снова. Он лихорадочно вскочил, пытаясь собраться с мыслями.

Думай, пока тебя не поймали! Джон упал далеко от мотоцикла и при падении не потерял сознания, так что дела обстояли не так плохо, как могло быть. И мотоцикл, кажется, в порядке. Он ощупал его в темноте – переднее колесо не погнулось. Мотор завелся с первой попытки. Но левая рука совсем онемела. Падая, Джон ушиб плечо – к счастью, оно не было сломано. А еще болело сердце, может, от виски, и волосы почему-то слиплись…

Думай.

Думай!

Первой мыслью было бежать.

Джон осторожно вскарабкался на седло мотоцикла. Левая рука немного двигалась, он сумеет держать руль, если ехать осторожно. Главное – сторониться больших дорог, где его будут искать, и скрыться там, где полицейский вездеход не проедет.

Так чего же ждать? Вперед!

Джон медленно тронулся в путь. Через несколько метров выключил фары: лучше находить дорогу в свете луны, чем стать легкой мишенью для дальнобойного ружья с прибором ночного видения. Он понимал, что шум мотоцикла до сих пор слышен его врагам. Но в машине они за рокотом собственного мотора его не расслышат. Езжай, езжай, парень, вперед.

Вперед – но куда?

Только не домой, там его будут искать прежде всего. И нельзя навлекать опасность на мать, Джину, Розу и остальных обитателей усадьбы. Нужно найти, где спрятаться, пока он не обдумает, что делать, пока не доберется до радиопередатчика и не позовет на помощь.

Джон задохнулся от смеха.

Позвать на помощь?

Кого – полицию?

Кого звать, если убийцы служат в полиции?

Он попытался собраться с духом. Хватит! Об этом подумаем, когда передатчик окажется в руках. А сейчас… ехать, и все.

Просто ехать.

Ехать.

Как Чарльз бежал к аэропорту, так и он мог направиться только в одну сторону. С детства Джон знал лишь одно безопасное укрытие, в котором никто его не найдет, место, где он мог дать волю мыслям, чувствовал себя свободным, наслаждался уединением и покоем, который достигается только в молчании, терпении и долгом одиночестве.

Надо ехать туда.

Там ему ничто не грозит.

Но, как зверь, пробирающийся в потайную глухую пещеру, Джон хорошо знал, что прямым путем туда ехать нельзя. Джордж и Роско – сыновья этой земли, они здесь выросли, провели всю жизнь, охотясь на людей, они его выследят.

А охотиться за ним будут наверняка. С Роско он свел счеты, когда наехал на него мотоциклом. Если повезло, он и Джорджа вывел из строя. Но когда он рванул прочь, они так вопили, что казалось, будто они скорее напугались, чем серьезно ранены. Нелегко расправиться с парой таких

громил в расцвете дьявольских сил.

И еще остается Алекс, он не ранен и драться будет отчаянно, ничем не побрезгует, чтобы свалить врага. Алекс обязан его убить, иначе убийство отца окажется напрасным.

И убийство Элли?

И Марка?

Не вспоминай, приказал себе Джон.

Время думать об этом наступит позже. А сейчас нужно поскорее, как лиса нору, найти укрытие, чтобы зализать раны и спастись от охотников.

Боль в голове усилилась, пульсировала с гипнотическим ритмом, жестоко отдаваясь в плече. Джон старался не прислушиваться к боли, боялся, что свалится с мотоцикла. Он запутывал следы – так преследуемый зверь вбегает в ручейки и вылезает на берег в другом месте, чтобы собаки потеряли запах. Он мчался в ночь, беспорядочно петляя, пересекая собственную колею.

Только когда на заре угольно-черный ковш ночи начал опрокидываться, Джон приблизился к убежищу. Покрытый грязью и синяками, с волосами, слипшимися от крови, он наконец в изнеможении остановился на краю источника. Спускаясь к огромной чаше, он вспугнул стайку водяных голубей, которые, тревожно воркуя, принялись летать вокруг него широкими неровными кругами. Изнемогая от усталости и едва не плача от облегчения, он подъехал к берегу и вдоль кромки воды добрался до входа в пещеру. Последним усилием втащил мотоцикл внутрь. Оставалось еще одно дело.

Снова выйдя наружу, Джон поднял эвкалиптовую ветку и, шагая от края зарослей назад, тщательно замел следы мотоцикла. Потом вернулся в черноту пещеры и обессиленно свалился на землю.

Теперь он был в безопасности.

Он это знал.

Осторожно вытянувшись, Джон улегся поудобнее, оберегая поврежденное плечо, и расслабился.

Здесь его никто не найдет. Если он и усвоил что-нибудь из рассказов Дасти, услышанных в детские годы в буше, так именно это. Он бежал, как зверь, но был умнее зверя. Сегодня его не выследил бы даже другой такой же зверь, с невероятным чутьем и глазами, видящими в темноте.

Сегодня он может отдохнуть в покое.

Несколько часов поспать – или хотя бы полежать с закрытыми глазами, – с такой болью в голове и плече удастся разве что задремать… Во всяком случае времени ему хватит, чтобы подумать, куда идти и что делать.

Первым делом завтра он позовет на помощь.

Но к кому обратиться?

К Дасти?

Лучше к Генри Саффолку, разыскать Генри, поехать к нему домой, воспользоваться его передатчиком. Небольшая ферма Саффолков расположена ближе к городу. Сколько в мотоцикле бензина? Хватит ли на дорогу? Наверно.

Или ближе до «Голден Маунтин», соседней фермы, где работала мама? Мама. О Господи.

Мама.

И Чарльз.

Нет, сегодня он этих мыслей не выдержит, только не сегодня. Завтра он покается в своем безумии, ревности, во всем…

Завтра.

Он загладит свою вину завтра.

Джон вытянулся, не было сил даже зевнуть.

Завтра будет новый день.

Он лежал в темноте пещеры, почти обретя покой. Завтра он все уладит, начнет жизнь сначала, с мамой, с Чарльзом, со всеми. А теперь ему нужно только поспать.

Он лежал, вслушиваясь в тишину. За спиной, в темноте, раздался шорох, а затем голос, леденящий кровь в жилах, произнес:

– Привет, Джон.

# 33

Он не шелохнулся, но от дрожи, пробежавшей по телу, волосы на затылке встали дыбом. – Извини, мне очень жаль, правда жаль. – Голос звучал очень любезно. – Знаешь, ты мне нравишься, в самом деле. И если бы ты не совал нос не в свое дело…

– Ты, пожалуй, вышел бы сухим из воды.

– Я уже было вышел! – Голос кипел от негодования. – Все было шито-крыто!

Джон едва не рассмеялся – такой безумной была эта самонадеянность и ужасающая гордость.

– Идеальное преступление, да?

– Более чем идеальное! Все только того и хотели! Его смерти желали все! – Алекс помолчал, исходя злобой. – И у всех были веские причины!

И такова единственная эпитафия Филиппу? Ох, папа.

Джона охватило сожаление пополам с яростью.

– Кроме меня.

В темноте раздался тихий смех.

– Кроме тебя. Прости, сожалею. Потому что это и привело тебя сюда. К несчастью для тебя. – Вздох. – Потому что, как мне ни жаль, ты отсюда не уйдешь.

Словно на светском ужине, подумал Джон, произошло небольшое недоразумение, и кареты гостей, к несчастью, слегка задержались.

– Ты уверен?

– О, конечно уверен. Посмотри, с чем я пришел…

Джон осторожно попытался сесть. Плечо разболелось так, что он еле шевелился.

– Не двигайся! – прозвучала резкая команда. – У меня здесь фонарик и револьвер. Я скажу, когда будет пора идти.

Пора идти.

Очень милые слова вместо «пора умирать». В мозгу, как фейерверк, вспыхивала масса вопросов, но один жег сильнее всех.

– Как ты узнал, что я здесь? Ты не мог выследить меня, никто не мог бы, как ты меня нашел? – Если это последний из вопросов, которые ему суждено задать, он должен узнать, в чем мастерство лесного жителя подвело его.

Снова смех.

– Я и не пытался. Ты дитя буша, Джонно, ты, а не я. Но ты рассуждаешь, как житель буша, ведешь себя, как животное, которое петляет, чтобы сбить со следа другого зверя. Я попытался прикинуть, куда бы ты пошел, где бы тот зверь, что сидит в тебе, стал искать убежища. Не секрет, что во всех окрестностях Кёнигсхауса это место с детства значит для тебя больше всего. Куда бы ты еще направился?

Он рассуждает, как животное, его враг – хищник. Мощная, жестокая сила победила и перехитрила его. Ему суждено было прийти сюда, чтобы встретить свою судьбу, умереть от руки, отнявшей жизнь у отца. Страх, от которого при первых звуках сулящего смерть голоса перехватило дыхание, обернулся против него самого.

– И не забывай, – раздался свистящий шепот, – что я тоже провел детство в Кёнигсхаусе. Это потайное местечко до того, как стало твоим, принадлежало мне. Я любил его не меньше тебя.

– Тогда почему, Алекс, почему ты убил отца? Долгая пауза.

Джон чувствовал, что куда-то проваливается, боль в плече туманила голову, он едва не терял сознание. Но следовало быть начеку!

– Причин много, – ответил Алекс странно беззаботным тоном. – Не знаю, с чего и начать. Во-первых, я хотел получить Кёнигсхаус. Пока не родился ты, Королевство было моим! И я хотел, чтобы оно не досталось тебе, вот вторая причина. Или даже главная.

Два брата, и каждый отталкивает другого от того, что ему причитается. Джон еле сдержал горькую усмешку. Мотив был серьезный. Но он взялся не за то поколение! Он попытался повернуться к невидимой фигуре, скрытой в темноте.

– Как ты это проделал – завещание и все остальное?

– О, без труда.

Алекс словно давал урок по убийству и мошенничеству.

– Я знал, что отец хранит один экземпляр завещания в сейфе. Знал и шифр, он сам мне его сказал, когда я был единственным сыном и наследником, в те давние времена, пока он еще не начал подозревать всех и вся и ненавидеть жен и сыновей. И, само собой, – хихикнул Алекс, – ты, наверно, догадался, что у меня в доме был «крот».

Я проиграл, подумал Джон.

– «Крот»?

– Шпион во вражеском стане. Человек, который работал на меня и сообщал все, что мне нужно.

Разумеется.

Шпионом мог быть только один человек. Перед Джоном возникло

маленькое лицо, немного хитрое, немного испуганное, насквозь продажное.

– Элли.

– Угадал! Мисс Элли Хендс! – Алекс осуждающе кашлянул. – Или лучше сказать «миссис». Мисс или миссис, она для меня на все была готова, с пяти лет в меня влюбилась. Мне было нетрудно связаться с ней, когда я понял, что готов сыграть возвращение блудного сына.

Джон застонал.

– Значит, она раздобыла для тебя завещание, ты его изменил, и потом…

– Отправил в этот вшивый банк к Карри, чтобы быть уверенным, что оно в надежных руках и в нужный день всплывет своим чередом.

– А Джордж и Роско?

– Мальчики? – Алекс снова рассмеялся. – Эти два психопата – мои друзья с детства, ребята они хорошие, что угодно для меня сделают. Особенно с тех пор, как заметили, что к ним в руки плывет изрядный кусок Кёнигсхауса. – В голосе его прозвучало сожаление. – И оба многое отдали бы за то, чтобы твоя смерть была гораздо более мучительной, чем та, что я для тебя приготовил, от этой скорострельной пушки. Потому что, извини, что напоминаю, ты им немало хлопот доставил своим мотоциклом. Даже при их своеобразном чувстве юмора им это не понравилось.

– Подонки пошли на это по своей воле! – горячо ответил Джон. – Я бы и снова им влепил!

– Нет, братишка, одного раза хватит. Во всяком случае, хватит, чтобы тебя повесить. Боюсь, бедный Роско провел пренеприятную ночь: он валяется у аэропорта с переломанными ногами. – Алекс говорил обыденным тоном, отчего его слова звучали еще более жутко. – Но Джордж вернется в усадьбу и расскажет совершенно правдивую историю о том, что ты свихнулся, впал в бешенство и без всякой причины набросился на них, умышленно пытаясь убить. Так что, когда я притащу тебя домой, у меня на голове будет пара синяков, которые я сам себе поставлю, а у тебя – новая вентиляционная система между ушей, что даст мне право заявить, что я убил тебя в порядке самообороны.

– Самообороны!

Настал черед Джона рассмеяться.

– По этой же причине ты убил и Элли?

– Конечно! Мне нужно было защититься от нее, она могла погубить все дело! Я думал, что все выйдет как надо, обещал ей проследить, чтобы с ней все было путем. Я хотел убрать Розу и отдать ей Розино место, но, когда появилась Триша, в нее словно бес вселился. Пришлось от девчонки

избавиться. Я велел ей прийти вечером к источнику, мы там часто встречались до того, как я вернулся. Убить ее оказалось гораздо легче, чем я думал. Я уложил ее на землю, забрался на нее и, целуя, задушил. Шея хрустнула вот так! – Алекс прищелкнул пальцами. – Как цыплячья косточка.

Джон старался, чтобы голос не дрожал от ужаса.

– А Марк?

– О, о нем ребятки позаботились, с ним было еще легче, раз плюнуть, они говорили! Они просто поймали его в буше, усадили под дерево и влили в него столько самогона, сколько уместилось. Поили его день и ночь, пока печень не отказала. Ублюдок не мог поверить в свое счастье, был на седьмом небе, таким он и представлял себе рай. – Алекс засмеялся. – И она тоже, когда я ее трахал! По крайней мере, можешь считать, что оба умерли счастливыми!

Джон не мог больше терпеть.

– Попробуй только сказать это об отце, мерзавец! – прорычал он. – Хочешь убедить меня, что, когда у него на руках и ногах сидели твои боровы, а ты высыпал ему на лицо сумку ядовитых змей, он был счастлив?

– Нет, приятель.

Голос Алекса резко изменился.

– Нет, не скажу, что он умер счастливым. Но я этого и не хотел. Я хотел, чтобы он умер в муках. Хотел, чтобы он понимал, что происходит и кто с ним это сделал. Хотел, чтобы он смотрел мне в лицо и знал, что я пришел за ним.

– Но почему? Почему?

– Как, дружище, ты еще не понял?

Голос, звучащий в темноте, был старым, как вековечная скорбь, и юным, как недавнее горе. Раз дался шорох, словно что-то искали ощупью, потом щелкнул выключатель. Свет фонарика залил крошечную пещеру, и Джон увидел тягостно сгорбившегося Алекса и его огромную тень на покрытой рисунками стене.

– Я хотел, чтобы он умер в муках и знал, кто его убил! Хотел, чтобы он знал: единственный человек на свете, который должен его любить, оберегать и заботиться о нем, против него восстал. Как мать! И как он сам, когда повернулся против нее! – Алекс резко, на вдохе, вскрикнул. – Я так решил, потому что хотел, чтобы он умер насильственной смертью, как и моя мать, погибшая от его руки.

– Может, поспишь немного?

Бессвязно болтающую, вдребезги пьяную Тришу увели в дом для гостей, миссис Мацуда и Бакли отказались выпить на ночь кофе с сыром и печеньем и легли спать, даже Роза удалилась к себе с бутылкой успокоительного. Ни о ком из мужчин сообщений не поступало. Но Элен как-то умудрялась сохранять власть над собой и при этом даже улыбаться, хоть улыбка и выходила натянутой.

Сейчас, в последнюю ночь в Кёнигсхаусе, ей отчаянно хотелось лечь в постель. Она понимала, что не уснет, пока не вернутся Джон, Чарльз, Алекс или Бен и она не узнает, что произошло, но, раз она больше ничего не может сделать, ей хотелось побыть одной. Она повернулась к Джине, по-прежнему завернутой в алую ткань и с остатками мертвенно-белой краски на щеках.

– Я ужасно хочу лечь. Разве ты не устала?

Джина покачала головой.

– Подожду мужчин.

Слова сорвались с губ Элен, она не успела их сдержать.

– Всех мужчин? Или только Джона?

Девушка, защищаясь, вскинула голову.

– Отца и Джона! – ответила она.

Элен вздохнула.

– Ох, милая, не знаю, что у тебя на уме, на что ты надеешься, но я бы на твоем месте не взваливала на Джона сейчас слишком много…

Ее голос смолк.

Что она могла сказать? Мне кажется, мой сын сошел с ума?

Не очень-то прилично матери произносить такое! Но эта девочка-женщина с худенькими плечами и болью в глазах, как когда-то Джон, бросала вызов ее материнскому чувству.

– По-моему, он… не совсем здоров, – выкрутилась она. – И я не хочу, чтобы он причинил тебе боль…

Джина через силу улыбнулась:

– Он уже причинил.

Элен еле удержалась, чтобы не обнять ее.

– Как?

– Ох…

Казалось, Джине трудно вспоминать то, что было, и не расплакаться. Прошло немало времени, прежде чем она продолжила:

– Вчера ночью он сказал, что любит меня. А сегодня утром – что все кончено.

– Это непохоже на Джона! – невольно вырвалось у Элен. Но со

следующей мыслью навалился тошнотворный страх. Непохоже на Джона, каким он был, – но если он сошел с ума…

Вдруг снаружи раздался хриплый крик и стук упавшего наземь тяжелого тела. Элен обхватила Джину, бросившуюся к ней в объятия, и они приникли друг к другу, не в силах крикнуть или заплакать.

Через мгновение раздались тяжелые удары в дверь, и она медленно приоткрылась под навалившейся снаружи тяжестью. Через порог перевалилось окровавленное тело, кровь лилась из раны на голове, сломанная рука болталась, одна нога волочилась. Человек вскрикнул и, узнав Элен, шатаясь, двинулся к ней, как выходец с того света.

– Миссис Кёниг!

– О Господи! – завизжала Элен. – Роско!

– Ваш сын! – хрипло бормотал полицейский. – Он сошел с ума! Он прикончил Бена Николса, напал на пас, а теперь гонится за Алексом. Он сошел с ума! Совсем взбесился!

# 34

Джон сошел с ума, совсем взбесился. Показалось ему или нет, что небо снаружи немного посветлело? Если удастся заставить Алекса продолжать болтать, хотя бы эту безумную чепуху об отце, может быть, он что-нибудь придумает, может быть, блеснет луч надежды…

– Ты не веришь мне, правда? – Алекс, казалось, забавлялся. – Знаешь, такая верность старику делает тебе честь! Клянусь, я к нему испытывал то же самое. Пока он не убил мою мать!

Джон едва сохранял выдержку, хоть и понимал, что нужно сдерживаться.

– Да ты что, с чего бы он стал? – яростно выкрикнул он. – Она его жена, он ее любил!

Но сквозь эти слова в его мозгу всплывали фразы из секретного отчета: «Обвинения в проституции и употреблении наркотиков были сняты за недостаточностью улик… не имея видимых средств к существованию, вела расточительный образ жизни…»

– Он выяснил, что она была не такой, какой он ее считал, когда женился, – объяснил Алекс, его лицо исказилось от ярости. – Я был еще мал, но слышал все их склоки. Кое-кто хотел, чтобы он занялся политикой. Ему нужно было ее проверить, чтобы убедиться, что ничего плохого не всплывет. А плохое всплыло. Вот он ее и убил.

Джон едва дышал.

– Откуда… откуда ты знаешь?

– Видел, – коротко ответил Алекс. – Они поехали верхом в буш. Я был уже там, они меня не заметили. Они поссорились, она начала на него кричать. Он назвал ее шлюхой, она попыталась дать ему пощечину. Он ударил первый. Сшиб ее с лошади, она свалилась на землю и ударилась головой.

– Так это не было задумано… заранее?

– Умышленно? Нет, пожалуй. Он плакал. Ты знал, что старик способен плакать? Пытался привести ее в чувство. Потом положил на лошадь и отвез назад. Мне пришлось возвращаться домой кружным путем. Но я все-таки добрался первым, потому что скакал галопом, а он не мог. Поэтому он так и не узнал, что меня не было дома. Но я знал, что убил ее он. И знал, что рано или поздно мне придется убить его.

– Но если отец не хотел…

В глазах Алекса светилось безумие.

– Какая разница? Какая разница для меня или для нее! Она мертва, так? А теперь и он мертв!

Маниакальный блеск в его глазах сменился мертвенной чернотой, лицо не выражало никаких чувств.

– Наступила твоя очередь, Джонно. Очень жаль. Но, сам видишь, я не могу оставлять необрубленных концов. Я зашел слишком далеко. – Алекс снова зашевелился. – Теперь поднимайся. Вставай.

Заря пронзила серо-зеленый сумрак огненно-розовыми лучами. Последняя заря в его жизни. В темноте пещеры мрачно блеснул металл, Джон почувствовал у виска холод пистолетного дула.

– Думаю, лучше проделать это снаружи, как ты считаешь? – ласково спросил Алекс. – Так мне легче будет подтащить тебя к машине. Пожалуй, я не повезу тебя обратно, а просто брошу в буше – динго и коршуны помогут мне избавиться от трупа. Вставай. – Он махнул пистолетом в сторону выхода из пещеры, откуда блеснул луч света. – Выходи.

Джон с усилием поднялся на колени, удивляясь себе. Зачем облегчать негодяю задачу и выбираться наружу? Если уж суждено, почему бы не умереть тут, лечь и умереть? Может быть, он хотел в последний раз взглянуть на мир, который так любил? Попрощаться с последней зарей пустыни? Джон неуверенно шагнул и поднял голову.

– Когда выйдешь, повернись и посмотри на меня, – раздался из-за спины голос. – Или, если хочешь, ляг лицом кверху, и я застрелю тебя спереди, чтобы было похоже на самозащиту.

Ах ты, сволочь!

Джон бросил взгляд на горизонт, и все в нем воспротивилось. Если ему предстоит расстаться с жизнью, он умрет, глядя на восходящее солнце, умрет стоя, сражаясь. И, Бог свидетель, он не будет покорно лежать и молить о пощаде! Пусть этот подонок застрелит его, если хочет, он готов!

Джон резко отшатнулся и бросился к стене пещеры, послав назад удар ногой. В миг падения он почувствовал, как нога ударила в тело, и услышал стук упавшего пистолета. Луч света от фонарика описал отчаянный круг – тот тоже упал на землю. Джон безрассудно рванулся назад, в пещеру, молотя руками и ногами. Его ноги били и били по телу Алекса, в то время как рука накрыла пистолет.

– Он у меня, пистолет у меня! – зарычал он. – Стой на месте, пистолет у меня!

Наступила мертвая тишина. Затем настороженным ухом он уловил странный звук, будто зверь поперхнулся. Напряженные легкие с трудом

втягивали воздух. Он схватил фонарик, валявшийся у стены.

– Алекс, все кончено, пистолет у меня!

Раздался смех. Или ему послышалось? Он включил фонарик и широкой дугой обвел пещеру. В круге света мелькнула темная фигура.

Он убегает! Джон вскочил.

Я доберусь до него, отец, я до него доберусь…

Снаружи занималась заря. По склону холма, распластавшись на высоченной стене из песчаника, в основании которой располагалась пещера, полз человек.

– Алекс, сдавайся! – захрипел Джон. – Я иду за тобой, у меня пистолет! – Но ветер отнес его слова в сторону, и они пропали впустую.

Заставив себя двигаться, Джон упрямо пустился в погоню. Боль сжигала тело – от раны на голове до ноющих ног. Но он должен был добраться до Алекса, перехватить его!

Он карабкался отчаянно, изо всех сил, как лесной зверь, и все отчетливее видел Алекса в разгорающемся свете утра. Крикнуть еще раз Джон не мог, следовало беречь дыхание.

Его жертва приближалась к вершине, откуда начиналось величественное плато из песчаника, нависавшее другим концом над источником. Но он нагонял врага, нагонял с каждым шагом. Как только они доберутся до вершины и почва станет ровной, он его увидит, прицелится, и…

Алекс достиг вершины и бросился бежать. Через несколько секунд Джон тоже добрался до ровного места. Он увидел, как Алекс бежит к обрыву на противоположной стороне скалы. Там он сможет скрыться в подлеске, скатиться к берегу и удрать. Джон напряг последние силы и крикнул. Было ясно, что это не пустые угрозы:

– Стой или я снесу тебе башку!

Алекс застыл метрах в двадцати от Джона. Тот, не спуская с него глаз, осторожно приблизился.

– Сдавайся, ты проиграл, все кончено!

Алекс поднял руки и повернулся к нему. Он казался на удивление спокойным.

– Значит, ты, братишка, выиграл? – тихо сказал он, отходя назад.

– Стой, где стоишь! – закричал Джон.

– Или что? – насмешливо осведомился Алекс.

Он продолжал пятиться. Джон в отчаянии двинулся за ним, сокращая расстояние. Что означал вопрос Алекса? Сможет ли он в него выстрелить? В пещере, когда речь шла о жизни и смерти, Джону казалось, что ничего

другого не остается. Совсем иное дело – хладнокровно лишить жизни человеческое существо, мгновенно, не задумываясь, отправить его на тот свет.

Но если сейчас дать слабину… Если Алекс увидит, что он не способен… Я доберусь до него, отец, я до него доберусь…

Джон рванулся вперед.

– Или я тебя убью, подонок, как ты убил отца! Жаль только, что не могу прикончить тебя голыми руками! Я бы не отправлял тебя в тюрьму до конца твоих вонючих дней, а повесил на самом высоком дереве Кёнигсхауса!

– Ну нет, приятель. – Алекс, не переставая, пятился. – Я туда не вернусь, никогда не вернусь!

Ужас пронзил Джона – он понял, что Алекс движется к краю скалы, к отвесному обрыву над пропастью.

Чертова Скала.

Алекс казался неестественно спокойным, даже возвышенным.

– Видишь ли, я, как все Кёниги, терпеть не могу проигрывать. А из всех моих проигрышей меня сейчас больше всего тяготит один. – Он беспечно рассмеялся. – Передай привет мисс Трише. – До конца жизни Джон не забудет выражения острой боли, мелькнувшей на лице Алекса, когда он произнес это имя. – Нет смысла говорить ей, чтобы не оплакивала меня слишком долго, она забудет меня к следующей неделе.

– Послушай…

Алекс умудрялся еще улыбаться.

– Я знаю, Джонно, ты любишь историю и рассказы о наших предках. Как ты думаешь, будут их души спать спокойнее, если Кёниг присоединится к ним тут, на Чертовой Скале?

– Алекс!

Конечно же, Джон желал ему смерти, но именно сейчас всей душой противился ей.

– Погоди, погоди, не надо!

Но было уже поздно. В миг, когда солнце вышло из-за горизонта, Алекс, как птица, нырнул в разверзшееся озеро золота и огня, завис в нем на мгновение и исчез.

# 35

– Роско? О Боже! Человек в дверях являл собой воплощение ужаса, волосы слиплись от крови, кровь запеклась на израненном лице. Одна рука беспомощно повисла, он ввалился в кухню, волоча ногу.

– Это Джон, – прохрипел он. – Мы у аэропорта искали Бена Николса – я, Роско и мистер Алекс. Джон налетел на мотоцикле и просто бросился на нас! Роско там, ему совсем худо, он нас чуть не убил!

Джордж рухнул в кресло.

– Но где сейчас Джон? – вскрикнула Элен. – И где Алекс?

– Джон удрал в буш, – скрежещущим голосом произнес Джордж. – Алекс пошел за ним. Он… доставит его сюда.

От подобного тона у Элен мороз пробежал по коже.

– А теперь посмотрим, что мы можем для вас сделать! – сказала она, подходя к буфету, где хранилась аптечка первой помощи. Машинально достав ватные тампоны и дезинфицирующее средство, она начала оказывать помощь раненому. Джина молча помогала ей, но ум ее лихорадочно работал.

*Не верю, что Джон мог это сделать! Он ни разу ни единой живой души не обидел. У него не было повода нападать на этого человека. Что-то случилось, но я не знаю что.*

– Так-то лучше!

Джорджу промыли голову, заклеили пластырем рану на лбу, и он стал больше похож на себя, чем на мрачный призрак, появившийся на пороге несколько минут назад. Двигательная способность руки и ноги восстановилась, и он отказался от предложения Элен наложить перевязь. Он также не позволил ей позвонить в авиамедслужбу, вызвать врача для Роско.

– Не надо, все равно нам нужно подождать, пока мистер Алекс доставит Джона. И я удивлюсь, если тогда медицинская помощь нам не понадобится.

У Элен снова мурашки побежали по спине.

– Где Роза и остальные? – спросил Джордж. – Спят? – Он небрежно расстегнул пояс, вытащил пистолет из кобуры и положил на стол. – Пока ждем, можно устроиться поудобнее, – заметил он. – Присядьте, дамы. Я вижу, вы не собираетесь покидать мое общество до возвращения наших бродяг? Садитесь.

Впоследствии Элен не могла точно указать миг, в который почувствовала, что они в опасности. Время шло, Джордж не переставал беззаботно подшучивать, но мало-помалу тревожный шепот в сердце перерос в бурю страха. Почему полицейский запретил ей вызвать помощь своему товарищу? Почему Алекс погнался за Джоном, а не вернулся в дом и не вызвал медиков, если он в самом деле, как они говорят, сошел с ума? И, в конце концов, где Джон?

За другим концом стола сидела Джина, искаженное лицо ее было бледнее пепельной краски. Бедная девочка! Она страдала вдвойне – за отца и за Джона. Где же они?

Разговор иссяк. Джина сидела совершенно неподвижно. Элен отчаянно пыталась придумать, что же делать.

Но им не оставалось ничего, кроме как ждать.

Половина обитателей усадьбы гоняется друг за другом по пустоши, и меньше всего им нужна еще одна поисковая партия.

Они едва поверили своим ушам, когда наконец услышали шум подъезжающего джипа – так долго они его ждали. Захрустел гравий под шинами, на веранде раздались шаги.

– Наверно, это мистер Алекс, – удовлетворенно провозгласил Джордж. – Теперь узнаем, что случилось!

Но в дверях, шатаясь от усталости, появился не Алекс.

– Я везде искал Бена, но не нашел никаких следов, – заявил с порога Чарльз.

Элен заметила, как он вымотан. При виде компании, сидевшей вокруг стола, он не изменился в лице. Но рука Джорджа, едва он вошел, незаметно двинулась к пистолету.

Джина сглотнула.

– Никаких следов отца? – Ее голос охрип. Чарльз прислонился к косяку, его лицо посерело от усталости. Казалось, он не замечал ни Джорджа, ни его ран, ни пистолета у него под рукой.

– Там, где я искал – нет, – сказал он. – Но у аэродрома я видел огни полицейского вездехода и поэтому там не проверял. Может, когда выпью пива, стоит отправиться туда и посмотреть. – Он, словно невзначай, подошел к холодильнику, стоявшему позади Джорджа. – Кому пива? – Он открыл дверцу.

– Мне не надо, мистер Кёниг, – ответил Джордж, в его голосе явственно слышалась угроза. – Думаю, нам всем нужно оставаться здесь, пока мистер Алекс не вернется. Лучше несите пиво на стол и посидите с нами.

– Что-то не хочется!

Чарльз захлопнул холодильник и кинулся на Джорджа сзади. Одной рукой он обхватил полицейского за шею, другой прижал что-то к его пояснице.

– Мерзавец, здесь не только у тебя есть пистолет! Элен! Возьми его револьвер!

Не успел Чарльз договорить, как пальцы Элен, сомкнувшись на холодном металле, выхватили пистолет из рук Джорджа. Недрогнувшей рукой она прицелилась в голову полицейского, чтобы в нужный момент выстрелить.

– Джина, принеси веревку, быстро! – скомандовал Чарльз. – Элен, дай сюда револьвер!

Когда револьвер оказался у него в руках, Чарльз приставил его к затылку полицейского и только затем разогнулся и показал, что было у него в другой руке.

– Ты первый идиот и подонок, которого арестовали с помощью пивной бутылки! – объявил он. – Не знаю, что за чертовщина здесь творится. Но уверен, честный полицейский не станет держать под прицелом двух женщин. Поэтому мы тебя как следует свяжем, а потом я радирую в полицейское управление и вызову помощь. Там и выясним, что происходит!

Он лежал у самой воды, как упавший с неба герой. Подойдя, Джон увидел, что он мертв. «О, Алекс, – прорыдало его сердце, – зачем ты погиб такой смертью?» Но сердце, даже скорбя, знало ответ.

В знак прощального уважения он неуклюже перевернул изуродованное тело, выпрямил переломанные руки и ноги. Однако лицо не было повреждено. Падение не оставило на нем следов, это был все тот же Алекс, во всей своей роковой красоте, такой, каким его все запомнили. Его кожа блестела, как у живого, широко распахнутые темные глаза глядели на мир, предавший его.

Сердце Джона наполнилось любовью к погибшему, он был рожден, чтобы получить так много, но унаследовал не Королевство, а полную меру ненависти и боли. Может быть, теперь, погрузившись в вечный сон, его истерзанная душа обретет покой. Джон долго стоял около него, оплакивая в его лице брата, которого никогда не имел.

Занималась заря нового дня, которого Алексу не суждено увидеть. Джон с трудом поднялся на ноги и пошел искать машину, на которой тот приехал. Она оказалась спрятана за эвкалиптовой рощицей, ключ вставлен

в зажигание. Преодолевая изнуряющую боль, Джон сел за руль и направился к аэродрому.

Он молил Бога, чтобы Чарльз оказался жив. Если окровавленный человек, которого он видел распростертым на земле, пролежал всю ночь связанный, как цыпленок, дело плохо. Но даже мчась сквозь серебристое мерцание зари со всей скоростью, на которую способен тяжелый вездеход, он учитывал и другую вероятность. Взвизгнув тормозами, он остановился у лежащего на земле связанного тела и не удивился, разглядев сквозь кровь и пыль лицо Бена.

– Как дела, дружище? – встревоженно спросил он.

Бен шевельнулся.

– Он еще жив, всю ночь стонал! Но если мне в скором времени не окажут помощь, обо мне вы этого не скажете!

Голос принадлежал Роско, который лежал в пыли неподалеку.

– Не волнуйся, приятель! – крикнул Джон. – Скоро тебе окажут любую помощь, какую надо! А там, куда тебя отправят, тебе долго не придется ни о чем беспокоиться!

– Скоро он поправится, врач сказал, что ему нужно только хорошенько отдохнуть.

Подталкивая к двери Джона и Чарльза, Элен оставила у постели Бена заботливую Джину и вернулась из бунгало для гостей обратно в дом. Близилось время обеда, но Элен казалось, что она не заметила, как наступило утро. Водоворот событий довел всех до изнеможения; миссис Мацуда и Бакли, совершив короткую вылазку, чтобы узнать последние новости, надолго исчезли в своей комнате. Остальные домочадцы, падая с ног, держались из последних сил.

– Кто хочет кофе?

– Я сварю.

Подавленная Роза, как с благодарностью заметила Элен, изо всех сил старалась вернуть жизнь в нормальное русло.

– Спасибо, милая, – тепло поблагодарила она домоправительницу. – Мы выпьем кофе на веранде.

Солнце безмятежно сияло, словно не было ужасов прошлой ночи. Джон осторожно опустился в кресло и покачал головой, боясь поверить, что все сложилось на удивление удачно. С той минуты, как он отъехал от аэродрома, события развивались с такой быстротой, что ускользнули от его внимания.

– Он здесь! – крикнул он Джине, ворвавшись в кухню. – Бен здесь, он

жив!

Джон с облечением узнал, что Чарльз очень вовремя отправил по их следам полицию и врачей. В панике мчась от источника, Джон догадывался, что Алекс со своими головорезами решил прикончить сбежавшего Бена, боясь разоблачений, которые помешали бы продать Кёнигсхаус. Похоже, они собирались вывести его из строя ударом по голове – кровь залила Бену лицо, и Джон в темноте не узнал его.

– Как ему повезло, что ты появился, – все еще со страхом сказала Джону Элен. Джон тоже понимал, что, если бы не он, Бену несдобровать.

Увидев Джона, Бена и раненого Роско, Джордж вмиг все понял и сразу сник. В скором времени он уже отчитывался о своих подвигах перед полицейскими властями Северной Территории. Не успело взойти солнце, как полицейский вертолет уже вез его вместе с напарником в тюрьму штата – ожидать результатов следствия и приговора за совершенные преступления. Тот же наряд обнаружил у источника тело Алекса и привез его в часовню для захоронения.

Смерть Алекса повергла всех во мрак.

– Я до сих пор много не понимаю! – дрожащим голосом призналась Элен.

Чарльз нахмурился:

– Все не так сложно. Он сбежал, чтобы освободиться от власти отца. А когда вырос, понял, чего лишился, и захотел получить положенное обратно. Захотел получить Кёнигсхаус, стать наследником. – Он иронично взглянул на Джона. – Мужчины убивают и по менее веским поводам!

Джон застонал.

– Чарльз… не знаю, что сказать… как извиниться…

– Забудем. Поскольку теперь мы знаем, кто настоящий убийца!

– Думаю, мы поможем вам пролить свет на некоторые подробности.

Голос принадлежал полицейскому инспектору. Трагедия, случившаяся во вверенном ему районе, тяжким грузом лежала у него на плечах, но еще тяжелее было обнаружить коррупцию среди офицеров его подразделения.

– Мы взяли отпечатки пальцев и теперь кое-что знаем об Алексе Кёниге – преинтересная история.

Элен поднялась, чтобы поздороваться с ним.

– Садитесь, инспектор. Кофе? Пожалуйста, расскажите нам все, что знаете.

– Алекс Кёниг, он же Кинг, в прошлом обвинялся в мошенничестве, – начал инспектор. – В широких масштабах. Он основывал телефонные компании и присваивал выручку. И весьма в этом преуспел – дохода

хватало на то, чтобы разъезжать по разным странам. Но однажды он споткнулся и был пойман. Он долго просидел в тюрьме.

У Джона в ушах стоял последний отчаянный крик Алекса: «Я туда не вернусь, никогда не вернусь».

– Он с трудом переносил наказание, едва не лишился рассудка, хотя как для «белого воротничка» условия содержания в заключении у него были не самые плохие, – продолжал инспектор. – Алекс Кёниг сидел в одной камере с нечистым на руку адвокатом. То ли в это время, то ли раньше он успел добавить к своему репертуару подделку документов и сутяжничество. Он с детства знал, что мистер Филипп Кёниг хранит завещание в сейфе в конторе. Такие документы нельзя доверять компьютеру. Ему нужно было всего лишь подговорить Элли похитить завещание и подделать его, внеся добавления, по которым владение передавалось в его собственность. – Инспектор помолчал. – Мы еще не передали завещание на судебную экспертизу. Но я уверен, она докажет, что ложные добавления были внесены рукой Алекса Кёнига.

– Но как ему все удавалось! – удивилась Элен.

– Почти до самого конца удавалось, – медленно добавил Джон. – Бен был не единственным, кого потряс танец Джины. Я до сих пор об этом не догадывался. Но теперь понимаю, почему танцоры так поразили Алекса. Один был загримирован под Филиппа, другие изображали змей, помните? Они были разрисованы ромбами и подкрадывались, как живые. Они напомнили ему о ночи, когда он и двое его подручных ползли убить отца. Он решил, что кто-то его раскусил.

– Да, кое-кто раскусил! – сухо сказал Чарльз. – Не ты ли?

– Если мы узнаем что-то новое, я тут же сообщу вам, – пообещал инспектор поднимаясь. – А об этих негодяях Роско и Джордже можете не волноваться, я вам ручаюсь… За то, что они натворили, мы их крепко запрем и выбросим ключ!

Обитатели усадьбы молча смотрели вслед полицейскому инспектору. Нарушить молчание было нелегко. Наконец Элен спросила:

– Что нам теперь делать?

– Ну, я вернусь в Сидней, – коротко ответил Чарльз вставая. – Сяду в вертолет с Мацуда и Бакли, они улетают сегодня днем. – Он мрачно улыбнулся: – Надеюсь, они поняли, что теперь у Кёнигсхауса новый владелец и ни о какой продаже не может быть и речи.

– Погоди, дружище.

Джон взглянул дяде в глаза.

– Отец написал завещание, по которому оставил Кёнигсхаус мне, а всю

деловую сторону и наличные деньги тебе и маме, разве не так?

Чарльз застыл в ожидании продолжения.

– Да.

– Надеюсь, завещание остается в силе. Мне нужно только поместье. Вы же с мамой получаете остальное.

– Джон! – Элен с тревогой наклонилась вперед. – Ты хорошо понимаешь, что говоришь? Ты еще не совсем оправился после удара по голове.

Джон улыбнулся.

– Я никогда ни в чем не был так уверен! – радостно сказал он. – Чарльз этой ночью убедительно показал, что я не умею вести дела. И не хочу. Компания по праву ваша. Вы с меня только тяжкий груз снимете. – Он взглянул на Чарльза. – Может быть, вы сможете ее продать миссис Мацуда вместо Кёнигсхауса.

Чарльз кивнул, его глаза сияли.

– Хорошая мысль.

– Выручку поделите с мамой.

– Но, Джон, милый…

– Хватит спорить! – Джон коснулся руки Элен: – На твоем месте, мама, я бы просто взял деньги и убежал!

– Да, но этого-то мы сделать и не можем. – Чарльз покачал головой. – Нет смысла дальше скрывать. Ты был прав насчет долгов компании, мы, как ненормальные, обчистили сами себя. Насчет Бена ты тоже прав, он все это покрывал и в книгах показывал в наилучшем виде, чтобы нам удалось продать поместье. Но Крэйг Бакли это раскопал. Ты не знаешь только одного: кто за это в ответе.

Джон обхватил себя руками.

– Кажется, начинаю догадываться.

– Филипп, – с горечью произнес Чарльз. – Он всегда предоставлял вести дела мне, и все было честь по чести. Но со временем на него напало безумие, жажда то ли денег, то ли власти – не знаю. Он стоял за всеми этими сделками, отдавал распоряжения, и чем больше терял, тем больше занимал. Я не мог запретить банкам щедро снабжать его деньгами. Некоторые из его авантюр пахнут мошенничеством. – Чарльз рассмеялся. – Каков отец, таков и сын. А дуэт Мацуда-Бакли докопался до истины.

Джон тяжело вздохнул.

– Значит, не осталось ничего? Компании – пустые раковины?

Чарльз покачал головой:

– Не совсем. Если я возьму управление на себя, мы сможем кое-что

спасти. Конечно, это будет не то состояние, о котором мечтал бедняга Алекс. Но мы сможем восстановить наше доброе имя и заново начать дело, имея кое-что в банке. – Он поднял голову. – Пойду перемолвлюсь парой слов с миссис Мацуда. Думаю, она заинтересуется. Элен подождала, пока Чарльз уйдет.

– Мне нужно так много сказать тебе, – обратилась она к сыну. – Чарльз говорил о «безумии» Филиппа и о его жадности. Но твой отец был болен! Я нашла у него в столе письма от врача. У него была опухоль мозга, он от нее умирал. Один Бог знает, давно ли это началось, но он не отвечал за свои поступки.

– За некоторые отвечал.

Как сказал Чарльз, нет смысла дальше хранить секреты, пора все прояснить.

– Мама, не знаю, насколько это будет для тебя важно, – осторожно начал Джон, – но от Алекса я узнал, что отец убил Труди. Алекс видел, как они ссорились у источника. Отец ударом сбил ее с лошади. Поэтому Алекс и убил отца, а не только из-за Кёнигсхауса.

Элен сидела не шелохнувшись. Джон подумал было, что мать не в состоянии перенести потрясение. Но когда раздался ее голос, очень тихий, в нем не слышалось удивления.

– Я всегда подозревала, что так оно и было.

– Ты считала, что отец убил жену, и все-таки вышла за него?

– О нет, конечно, не в самом начале! Не тогда, когда я с ним познакомилась. А потом я боялась… – Элен прижала руки к губам. – Труди была отличной наездницей, с чего бы ей так упасть? Филиппа мучили кошмары – он кричал и звал ее… я знала, просто знала.

– Ты не думала, что в один прекрасный день это может всплыть?

– Конечно думала! Особенно когда он умер! Я ужасно боялась, что он оставил какие-нибудь улики против нее или себя… какие-нибудь свидетельства о содеянном… и хотела защитить его имя, хотела, чтобы ты не узнал, не потерял веру в отца.

Неисповедимы пути материнской любви, с удивлением подумал Джон. Вот почему Элен так отчаянно стремилась открыть сейф. Она не подозревала, что может найти там что-нибудь против себя – единственной ее заботой было защитить репутацию мужа ради сына.

– И ты жила с этим, даже не помышляя пойти в полицию?

Элен улыбнулась с бесконечной нежностью.

– Джонни, к этому времени у меня уже появился ты! Самый замечательный малыш – а Филипп был твоим отцом! Как я могла

поступить так с тобой, я ведь тебя любила. – Ее глаза потемнели. – И его я любила. Любила и жалела. Потому что, понимаешь, ему это даром не прошло. Он расплачивался всю жизнь. Постоянно. Со дня смерти Труди он не ведал ни счастья, ни покоя. – Она вздохнула. – Что ж, может быть, сейчас они вместе, все трое: он, Труди и Алекс?

Пора перестать платить.

Джина, сидя у постели отца, нежно провела рукой по его волосам, откидывая их со лба, и похлопала его по руке:

– Как дела, папа?

Бен бесцветно улыбнулся.

– Гораздо лучше, чем я заслуживаю.

– Не кори себя!

Из ночных событий и утренних разговоров Джина выяснила, что роль ее отца в «Кёниг Холдингз» была небезупречной. Но ее мучила собственная боль, она считала себя виновной в его срыве – если бы она, желая насолить Джону, не настояла на том, чтобы танцора-Кёнига загримировали под Филиппа, Бен не сломался бы. Сердце ее еще болело из-за предательства Джона, и она готова была винить Кёнигов в том, что они бросили Бена на произвол судьбы. – Ты всего лишь поддался их нажиму! – горячо воскликнула Джина. – Ты ни в чем не виноват.

– Кое в чем виноват, – с глубоким вздохом ответил Бен. – Но все кончилось. Джон и Чарльз продадут поместье с торгов, и, если повезет, я смогу уволиться из компании и обо всем забыть.

– Ты правильно решил! – уверенно сказала Джина. – Скоро мы будем далеко отсюда! Улетим на вертолете если не сегодня, то в ближайшее время. И никогда сюда не вернемся, да? – В ее глазах блеснули слезы.

– Даже ради?.. – грустно спросил Бен и, поколебавшись, добавил: – Даже ради Генри Саффолка?

– Генри? – с выражением безнадежности улыбнулась Джина. – Отец, я не могу его полюбить. Все собираюсь ему сказать, когда увижу. Он мною просто чрезмерно увлекся, он сможет оправиться. – Она встала и подошла к окну. – Это не по-настоящему.

– Я хотела, чтобы ты был счастлив. Это все делалось ради тебя.

Джон сквозь слезы посмотрел на Элен. Как он мог быть столь глуп, столь жесток с матерью, такой слабой и беззащитной. Никогда прежде он не чувствовал подобной близости к ней, желания уберечь.

Элен тоже мучилась от безнадежной, бессильной любви.

– Так что же теперь, милый? – Внезапно она поняла, что сейчас, когда между ними возникла небывалая откровенность, ей следует выговориться. – Что с Джиной?

– Мам, ничего не выйдет.

– Почему? Ведь ты любишь ее?

Джон не мог ничего поделать. Теперь, когда мама узнала так много, пусть узнает и остальное.

– Да. Но мужчина не может жениться на своей единокровной сестре!

– Единокровной сестре? – Элен выпрямилась. – Ты хочешь сказать… Боже мой, о чем ты? – Он чуть ли не слышал, как мчатся ее мысли. – Если ты имеешь в виду, что Филипп спал с женой Бена…

– Да. – Джон не сумел скрыть ярость. – Именно это я и имею в виду!

– Видишь ли, я ничего не знаю про Юни и Филиппа, мне нужно это обдумать, уяснить для себя. Но я хорошо помню, когда родилась Джина, потому что все время была рядом с Юни. – В ее глазах заклубились воспоминания. – Она родилась перед Рождеством, в конце ноября. – Говоря это, Элен быстро что-то подсчитывала. Но что могло это дать?

– Значит, она забеременела в феврале того же года, – проговорила Элен, волнуясь с каждым словом все сильнее. – А в том году, это записано в дневнике, Филипп с января по июнь был в отъезде. В те времена межконтинентальных полетов не было, в деловые поездки он отправлялся морем, и дома его не было месяцами!

Джон почувствовал, что в уголках глаз защипало от слез радости.

– Так это значит…

– Джина не может быть дочерью Филиппа. Она не может быть твоей единокровной сестрой, и ты волен пойти к ней и назвать своей.

Элен отчетливо представила, как Джон мчится по траве к дому для гостей, ей казалось, она видит это. Вот он постучал в дверь Бена, горячо умоляя разрешить Джине хоть на минуту увидеться с ним, затем последовало полное признание своей вины и мольба о прощении. Девушка, конечно, помучает его слезами, осыплет упреками, скажет, что никогда не сможет простить, – и простит. Потом они будут рука об руку бродить по зарослям и затеряются среди вьющихся гибискусов и сладко благоухающих кустов красного жасмина.

И вернутся оттуда обрученные, в этом Элен не сомневалась. И что же дальше? Сейчас середина июня. Элен торопливо прикинула. Они смогут пожениться до Рождества. Как раз поспеют к счастливому дню рождения Джины, который, вопреки всем недоразумениям, сделал их союз

возможным.

И тогда ей действительно придется покинуть дом, освободить место, как положено, невесте сына. Не построена еще та кухня, на которой уместились бы две женщины.

Пора искать комнату в Сиднее, красить ее в черный цвет…

Потому что в ее возрасте удача не стучится дважды, как сказал Чарльз. Один раз она ему отказала, и он не придет просить второй раз. Возлюбленному она предпочла сына и теперь должна за это платить. Платить и платить до самой смерти.

– Элен!

Чарльз с холодным, отрешенным лицом шел из столовой ей навстречу.

– Пришел попрощаться, – отрывисто объявил он. – Улетаю на вертолете с миссис Мацуда и Бакли, мы забираем с собой Тришу, наконец-то ты от нее избавишься. Миссис Мацуда сказала, что готова приобрести предприятие, раз уж не может купить Кёнигсхаус, так что насчет этого я с тобой свяжусь. – Он помолчал. – Но я сюда не вернусь. Прощай. Позаботься о себе сама. – Чарльз повернулся, чтобы уйти.

Элен казалась себе наполненной до краев чашей: если она пошевелится, переведет дыхание, то разразится водопадом слез, слез безбрежного горя и боли.

– О, Чарльз, – вымолвила она. – Я…

Он обернулся. Внезапно севшим голосом сказал:

– Что?

– Я не хочу, чтобы ты уходил!

– С чего это вдруг? – натянуто спросил он.

– Я не хочу с тобой прощаться! Чарльз иронично усмехнулся:

– Немного поздновато, ты не находишь?

Она почувствовала, что слезы накатывают, как прилив.

– Я не хочу, чтобы ты покидал меня, не могу видеть, как ты уходишь!

– О, Элен! – Чарльз вскинул голову. – Все это мы уже проходили! Но я слишком стар, чтобы со мной играть! – Он повернулся и взглянул на нее, его лицо было мрачным и отрешенным. – Слушай, давай считать, что мы пытались начать сначала, но у нас ничего не вышло.

«В нашем возрасте судьба не улыбается дважды», – говорил он. Элен собралась с силами.

– У нас все еще может получиться.

Чарльз смотрел на нее прищурившись, не доверяя.

– А что с Джоном?

– С Джоном я говорила. Мы все обсудили, он ничего не имеет против,

все будет хорошо.

– Для кого?

Никогда прежде он не был так холоден, так далек.

– Что ты хочешь сказать? – воскликнула Элен.

– Будь добра, не поступай со мной так, я не вынесу. Меня нельзя включать и выключать, когда тебе захочется. Когда я в прошлый раз говорил с тобой, я хотел тебя любить, хотел жить с тобой. – Чарльз прикрыл глаза рукой, умолк и покорно пожал плечами. – Но это все в прошлом. Все кончено.

– Если ты так считаешь… – Отчаяние захлестнуло Элен. – Потому что я люблю тебя как никогда в жизни.

Чарльз разрывался между страхом и надеждой. Элен приблизилась к нему.

– Я понимаю, мне был дан шанс, и я его упустила. Я отказала тебе, я знаю. Но прошу, умоляю, дай мне еще один шанс. – Она взяла его за руку, слезы застилали глаза. – Не только ради меня, дорогой, ты же понимаешь. Ради нас обоих.

Чарльз стоял в нерешительности, лицо его превратилось в маску.

– Ты правда этого хочешь? – спросил он, трепеща от едва сдерживаемого волнения.

– Никогда в жизни ничего больше не хотела! – заплакала Элен. – О, Чарльз, дорогой, я сделаю тебя счастливым, клянусь тебе, дай мне только шанс!

Неужели он тоже плачет? Сквозь слезы его лицо казалось смутным пятном.

– Только не покидай меня! – всхлипывала Элен. – Пожалуйста, не покидай меня! – Ее рот раскрылся в мучительном крике. – Не хочу, чтобы ты уходил! Не хочу с тобой расставаться! Не хочу, чтобы ты меня покинул! Хочу быть с тобой!

Вихрь чувств пробежал по его лицу.

– Ты правда этого хочешь?

Через мгновение она застыла в его объятиях, он неуклюже покрывал ее лицо поцелуями, осушая губами слезы.

– Милая, я тебя не покину! – страстно клялся он. – Никогда не покину! До конца жизни мы будем вместе!

---

**notes**

# Примечания

**1**

На правах господина (фр.). – Примеч. пер.

# Содержание

Розалин Майлз В порыве страсти
1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16
17
18
19
20
21
22
23
24
25
26
27
28
29
30
31
32
33
34

35
Примечания
1